

Схиархимандрит
ИОАНН (Маслов)

ГАЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Схиархимандрит
ИОАНН (Маслов)

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Глинские подвижники
благочестия XVIII-XX веков

Глинская пустынь
как центр духовного просвещения
и возрождения старчества
(1942-1961)

Москва
1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глинская пустынь... Эта обитель в течение столетий была для наших соотечественников олицетворением высшего христианского подвижничества и нравственного мужества. Одно лишь упоминание о Глинской пустыни пробуждало в сердцах людей духовную энергию, возжигало ревность ко спасению. Наряду с Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лаврами Глинская пустынь служила общему всенародному духовно-просветительному делу и была своеобразным университетом старческого окормления на Руси. История Глинской пустыни связана с историей царствовавшей семьи, члены которой были благотворителями обители. Императоры Александр I и Николай I, императрица Елизавета Алексеевна лично знали настоятеля Глинской пустыни игумена Филарета, обращались к нему за советом и благословением.

В 1961 году обитель была закрыта. Но в последнее время и в нашей стране, и за рубежом интерес к этому очагу духовного совершенствования все возрастает. Однако до сих пор не был проведен полный анализ истории обители и ее духовно-просветительной деятельности, жизнь Глинских иноков мало изучена, а деятельность монастыря в XX веке совсем не исследована.

Этот пробел в истории Русской Православной Церкви всецело восполняют труды маститого Глинского Старца, великого светильника веры и благочестия наших дней, магистра богословия схиархимандрита Иоанна (Маслова; 1932—1991).

Среди его работ о Глинской пустыни выделяются следующие: Глинский Патерик. Загорск, 1970. (Находится в библиотеке Московской Духовной Академии).

Схиархимандрит Андроник (Лукаш).— Журнал Московской Патриархии, 1974, № 8.

Схиархимандрит Серафим (Романцов).— Журнал Московской Патриархии, 1976, № 10.

Глинская пустынь.—Туристские новости, 1991, № 13—14.

Глинская пустынь.—Мегаполис—Континент, 1992, № 30.

Глинская икона Рождества Пресвятой Богородицы.— Журнал Московской Патриархии, 1992, № 6.

Готовятся к изданию фундаментальные труды о. Иоанна о Глинской пустыни: «Глинская пустынь История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках» (Приложение «Архив Глинской пустыни») и «Глинский Патерик» (2-я редакция. Т. 1—3).

Не опубликованы и некоторые написанные о. Иоанном статьи: «Игумен Филарет — настоятель Глинской пустыни (1817—1841)», «Глинский настоятель игумен Филарет и его эпистолярное наследие. К 150-летию со дня блаженной кончины».

Схиархимандрит Иоанн не только тщательно проанализировал весь опубликованный о монастыре материал, но главное — своими молитвами и трудами восстановил утраченный архив Глинской пустыни, собрав рассеянные по различным хранилищам документы о жизни обители. В собрании о. Иоанна находится около двух тысяч документов монастыря (многие из них подлинные) общим объемом более пяти тысяч листов. Документы архива охватывают период XVI—XX веков, причем основная их часть никогда ранее в опубликованных материалах не упоминалась и, соответственно, не была известна исследователям истории монастыря.

В монографии «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках» схиархимандрит Иоанн впервые всесторонне осветил историю Глинской пустыни с момента ее возникновения до наших дней, раскрыл то огромное влияние, которое оказывала в течение почти четырех веков эта обитель на развитие истории нашей страны, на духовно-нравственную жизнь народа и в целом — на русскую культуру. Этот труд не только существенно дополняет, но и заставляет по-новому оценивать историю Глинской пустыни. Автор убедительно обосновал время возникновения обители и происхождение ее названия, относительно чего прежде не было определенности. Он подробно раскрыл отношение императорской фамилии к монастырю, осветил историю и преемственность старческого окормления в обители, впервые детально исследовал духовную связь Глинской обители с Оптиной пустынью и ее старцами, показал духовное единство этих монастырей.

Здесь использованы собрания писем возобновителя Глинской пустыни игумена Филарета (в том числе его письма к императорам Александру I и Николаю I), великого подвижника Глинской пустыни середины XIX века схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), настоятеля Глинской пустыни начала XX века святого старца схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) и письма старцев XX века: схиархимандритов Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова). Эти материалы раскрывают глубокий смысл старческого делания и содержат высокое духовное назидание.

Но особенно важно, что в этой работе схиархимандрита Иоанна впервые и очень подробно раскрыта духовно-просветительная деятельность обители в XX веке. В исследовании автор использовал также воспоминания Глинских подвижников, живших в монастыре до его первого закрытия в 1922 году, свой личный опыт насельника обители и архивные документы. Архив Глинской пу-

стыни периода 1942—1961 годов (когда обитель вновь была открыта), собранный о. Иоанном, отличается особенной полнотой и содержит не только все официальные документы обители (в том числе послужные списки иноков Глинской пустыни), но и письма великих Глинских старцев того времени.

Схиархимандрит Иоанн впервые составил и Патерик Глинской пустыни, в который вошли в основном жизнеописания Глинских подвижников XVIII—XIX веков, опубликованные в различных изданиях. В последние годы жизни о. Иоанн значительно дополнил «Глинский Патерик» жизнеописаниями старцев обители, составленными им на основе архивных документов и личных воспоминаний.

Вторая, расширенная редакция трехтомного «Глинского Патерика» — результат кропотливого и глубокого исследования истории монастыря с XVI по XX век (только за период 1942—1962 годов в Патерик включены жизнеописания тридцати семи наиболее выдающихся старцев).

Первая статья этой книги — «Глинские подвижники благочестия XVIII—XX веков» — составлена на основании второй редакции «Глинского Патерика». В ней автор изложил жизнеописания тех подвижников, с которыми он, вероятно, хотел в первую очередь познакомить читателей.

Во второй статье — «Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества (1942—1961)» — кратко изложена последняя глава монографии «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках». Кроме истории обители в указанный период, в этой статье приведены жизнеописания двадцати пяти Глинских подвижников, выдержки из писем Глинских старцев, их наставления и предсказания.

Труды схиархимандрита Иоанна необычайно ценны как для историков, богословов, так и для всех ищущих спасения, поскольку их автор сам начинал свой иноческий подвиг и достиг полноты истинного христианского совершенства в Глинской пустыни.

Схиархимандрит Иоанн предоставил читателям редчайшую возможность близко познакомиться с подлинной жизнью обители. Особенно важно, что, будучи выдающимся подвижником Глинской пустыни, он обладал даром раскрыть духовный мир ее насельников, приподнять завесу с их сокровенного внутреннего делания, ввести читателя в атмосферу той высокой духовной настроенности, которой была проникнута вся жизнь монастыря. В своих статьях автор использовал много эпизодов из собственной жизни. Он был духовным другом и сотоварищем славившихся святостью жизни Глинских схиархимандритов Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова), продолжателем иноческих традиций Глин-

ской обители, последним (по времени земной жизни) великим Глинским Старцем.

Человек необыкновенной силы духа, чистоты сердца и пламенной веры, Старец достиг такого единения со Христом, что через чтение его трудов душа получает верное духовное направление и приближается к Богу. Работы схиархимандрита Иоанна собирают рассеянные мысли человека, сосредоточивают его на духовном, порождают стремление исправить свою жизнь и указывают путь к этому.

Глубокие по своему содержанию, согретые чувством религиозного воодушевления и пастырской любви, эти труды являются лучшим отображением святой жизни схиархимандрита Иоанна (Маслова).

Составители

ОБ АВТОРЕ

По Промыслу Божию Русская Православная Церковь во все периоды ее существования славилась личностями — богоизбранными руководителями в деле спасения людей. В наши дни таким духовным вождем на пути, ведущем в Небесные Обители, стал схиархимандрит Иоанн (в миру Иван Сергеевич Маслов). Он принадлежал к тем редким, исключительным людям, которые соединяют в себе широкие познания, огромное трудолюбие и ясновидящую мудрость, основанную на глубокой вере. Магистр богословия, автор множества научных работ, посвященных философии религии, он являл собой тот образ духовника, к которому люди обращаются как к источнику спасения. Это был пастырь с алмазной душой, он брал каждого из своих духовных чад за руку и вел узким и спасительным путем.

Родился схиархимандрит Иоанн 6 января 1932 года в деревне Потаповка Сумской области в крестьянской семье — в одной из тех семей, державшихся строгих христианских обычаев и нравов, которые даровали Русской земле столпов православной веры и благочестия.

С детства Иван отличался редкой рассудительностью, отзывчивостью и стремлением помочь ближним. В его душе смирение сочеталось с той силой духа и воли, которой подчинялись все его сверстники. С юных лет Иван умел и любил трудиться, все у него в руках спорилось. Сам необыкновенно добрый, он ценил и проявления добра к нему. Со слезами благодарности рассказывал Батюшка много лет спустя, как в детстве старушка подарила ему яблоко («за то, что я ей коровку пригнал»). Он не только помнил об этом, но и всю жизнь молился за нее.

Отец Ивана, Сергей Федотович Маслов, очень любил сына и выделял его среди других своих детей. Когда отца забрали на фронт (откуда он не вернулся), Иван остался в семье за старшего. Его мать, Ольга Савельевна Маслова (впоследствии монахиня Нина), говорила, что еще мальчиком он стал настоящей опорой для семьи, руководителем и воспитателем братьев и сестер. Уже в то время проявилось одно из основных свойств его души — все самое трудное брать на себя, полагать душу свою за ближнего.

После окончания средней школы он был призван в армию. Там при исполнении воинского долга Иван жестоко простудил-

ся и с тех пор до самой кончины нес бремя неисцелимой и опасной болезни сердца.

После службы в армии он вернулся домой, но чистейшая душа его стремилась к духовному совершенству, к единению со Христом. Ничто земное не могло его удовлетворить. В то время он сподобился Божественного Откровения, приоткрывая тайну которого впоследствии говорил: «Такой свет увидишь — все забудешь».

Желая всецело посвятить свою жизнь Богу, в 1955 году он устремился в знаменитую Глинскую пустынь, которая была расположена недалеко от их деревни. По словам Батюшки, его влекла в монастырь великая сила, ничто не могло его удержать. Таким был уход из мира и начало иноческого пути схиархимандрита Иоанна.

Глинская пустынь пребывала в ту пору в расцвете и давала обильные духовные плоды. В обители подвизались такие великие старцы, как схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиархимандрит Серафим (Романцов). Именно с ними сразу духовно сблизился молодой подвижник. Особенно близок был Иоанн схиархимандриту Андронику, который, впервые встретившись с ним, сказал: «Вот никогда его раньше не видел, а он самый родной мне человек». Письма схиархимандрита Андроника к Батюшке переполнены такой горячей любовью, заботой, задушевностью и уважением, что никого не могут оставить равнодушным. Узы дружбы тесно связывали их до самой смерти о. Андроника, а духовно-молитвенное общение никогда не прекращалось.

Как протекала жизнь молодого инокa в Глинской обители? Подробности всех испытаний и духовной брани Иоанна известны одному Богу. До нас же дошли лишь отдельные эпизоды из этой жизни, свидетельствующие о тяжести испытаний и жесточайшей духовной брани подвижника с силами ада, которые попускаются Богом только сильным духом. Вот некоторые из них.

Основным послушанием для иноков Глинской пустыни был разнообразный физический труд. Иоанну выпала работа в столярной мастерской, приходилось колоть дубовые колоды, делать бочки. Работа была настолько тяжелой, что от непомерного труда опухали мышцы. Безропотно нес это послушание молодой подвижник, несмотря на то, что тяжелый физический труд был ему противопоказан: из армии он был уволен инвалидом.

Следующий эпизод — из области духовной борьбы. Нередко, как впоследствии рассказывал сам Батюшка, ночному отдыху мешали бесы, которые являлись ему. Они истязали тело подвижника: по утру он видел свои руки в синяках. Всем этим испытаниям Батюшка противопоставил терпение и мужество, ревность по Боге. Он усиливал пост, с его уст не сходила

Иисусова молитва, и явные бесовские приращения постепенно оставили его. Старец схиархимандрит Андроник, характеризуя начальный период иноческой жизни своего духовного сына, говорил: «Он всех прошел», то есть был первым среди Глинских иноков.

Это был избранник Божий, от рождения наделенный многими благодатными дарованиями. Старчество как способность открывать людям волю Божию, провидеть их сокровенные мысли и чувства и вести истинным, единственно верным спасительным путем было даровано о. Иоанну еще в молодости. Именно поэтому духовно опытные Глинские подвижники с первых дней поступления его в обитель стали посылать к двадцатитрехлетнему послушнику богомольцев, а настоятель обители схиархимандрит Серафим (Амелин), пользовавшийся огромным духовным авторитетом, против обыкновения сразу же благословил его отвечать на многочисленные письма, поступавшие в обитель от тех, кто просил совета, духовного наставления и помощи. Сколько же человеческого горя, скорбей и недоумений принял уже тогда в свое горящее любовью к Богу и людям сердце молодой послушник. Ответы его, наполненные благодатию Святого Духа, всегда были душеспасительны. Подписывая их, настоятель дивился его духовной мудрости, читал тем, кто был в келлии, и восклицал: «Так и надо писать». Когда впоследствии Батюшку спрашивали, кто говорил ему, что писать богомольцам, он отвечал: «Бог».

Так началось самоотверженное служение Иоанна Богу и ближним. Несмотря на редкие духовные дарования, Иоанн проводил жизнь самую скромную, строгую и смиренную. Кроме послушания в столярной мастерской, он делал свечи, затем проходил послушание в аптеке, одновременно был клиросным.

За подвиги благочестия 8 октября 1957 года (менее чем через два года после поступления в обитель) он был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь святого апостола Иоанна Богослова. Случай для Глинской пустыни, где постригали только после длительного искуса, необыкновенный.

В его послужном списке тех лет сказано: «Монах Иоанн отличается исключительным смирением и кротостью, несмотря на свою болезнь весьма исполнительен в послушаниях». Так и всю свою жизнь Батюшка ставил во главу угла смирение, всегда во всем обвинял и укорял себя.

Уже в те годы проявилась тесная связь о. Иоанна с духовным миром. Настоятель схиархимандрит Серафим (Амелин) после своей блаженной кончины не раз являлся ему во сне в полном облачении и наставлял его.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 году Батюшка по благословению старца Андроника поступил в Московскую Духовную Семинарию. Через год он был рукоположен в Патриаршем Богоявленском соборе в сан иеродиакона, а в 1963 году — в

сан иеромонаха. После окончания Семинарии он продолжил обучение в Духовной Академии. Прилежание, безукоризненное поведение, духовная опытность обратили на него внимание начальства, и он был назначен ризничим при академическом храме. Тогда же ему было вверено духовное окормление преподавателей и студентов.

Именно здесь в полной мере раскрылись способности и пастырские дарования Батюшки, который с первых дней проявил себя опытным духовником. К нему стал стекаться народ — все, кто хотел узнать волю Божию в том или ином случае жизни, кому необходимы были добрый совет и наставление, кто жаждал утешения в скорби и печали. Помещение перед ризницей, где трудился Батюшка, никогда не было пустым: утром, днем, вечером здесь можно было видеть преподавателей и учащихся духовных школ, прихожан храма, москвичей и жителей других городов, приходивших к о. Иоанну на исповедь или для душеспасительной беседы. Живое, опытное познание Бога отличало его. Рядом с Батюшкой каждый чувствовал, что мир иной, «жизнь будущего века» реально существует. И вот это чувство, что о. Иоанну открыт мир духовный, что он сам — житель иного мира, было самым сильным в общении со Старцем. Он был не только великим проповедником Царства Христова, но и живым носителем этого Царства. Его благодатная красота и величие, сила его духа, осязаемая связь с вечной жизнью вызывали у приходивших к нему трепет и благоговение, искреннее стремление ко спасению. Под влиянием одного только его слова или взгляда в людях совершалось глубокое нравственное обновление и возрождение. Здесь, на земле, в нем светился отблеск небесной славы, светился в чертах всего его облика, в тех благодатных дарованиях, которыми Старец особо был наделен от Господа.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что духовные люди «по действию в них Божественной благодати получают такие свойства и способности, которых чужд человек в своем естественном состоянии». Так и Батюшка имел множество даров Духа Святого. Но главное, Старец стяжал величайший дар благодати Божией — безграничную, самоотверженную, деятельную христианскую любовь.

Он имел доступ к сердцу каждого и говорил: «Только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение». Он возвращал падшим людям образ Божий, умел заставить их плакать слезами покаяния, слезами возрождения к новой духовной жизни. Силой любви он прозревал душу человека, открывал затаенные помыслы, забытые грехи, предсказывал будущее. Часто Батюшка отвечал не на тот вопрос, который задавал человек, а на ту мысль, которая была главной в душе вопрошавшего. Дар проникновения в тайники человеческих сердец удивлял многих и побуждал всецело отдаваться его

руководству. У людей появлялась уверенность, что Старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно. Прежде чем дать ответ на тот или иной вопрос, он молился, углублялся в себя и только потом отвечал.

Что бы ни случилось в жизни духовных детей о. Иоанна, у них была только одна забота — сообщить об этом Батюшке, и вера их не пострадала, молитвами Старца всегда все устраивалось во спасение. А если не было возможности увидеть о. Иоанна или написать ему, то обращались к Батюшке внутренне, просили его помощи и молитв, так как тем, кто жил далеко и не мог часто приезжать, Батюшка говорил: «И мысли доходят».

Батюшка был настоящим отцом обращавшимся к нему с верой. Это был поистине пастырь, полагающий душу свою за пасомых. Старец «брал на себя» всего человека со всеми его немощами и скорбями. Для него не было мелочей, он все принимал близко к своему любвеобильному сердцу. Иногда люди только по прошествии нескольких лет, когда жизнь их по молитвам Батюшки устраивалась, осознавали, какой великий дар и какую великую помощь они получили.

От духовных детей о. Иоанн требовал полного и безусловного послушания. Все вокруг Старца совершалось только по его благословию.

Батюшка был великим молитвенником, он имел дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой. Близкие знали, что он не перестает молиться и во сне. Схиархимандрит Андроник говорил, что «Иоанн день и ночь вопиет». Велика была сила его молитв, ограждавших его чад не только от козней диавольских, но и от болезней телесных. Нет ни одного духовного чада о. Иоанна, кто по опыту не знал бы, что Старец имеет дар исцелять от страстей и болезней.

Имея сам необыкновенное смирение (ради которого Старец скрыл даже, что им была принята схима¹), Батюшка и духовных чад прежде всего приводил ко смирению, поэтому жизнь под его руководством была всегда наполнена борьбой человека со своими страстями и, главное, с гордостью.

Всеми способами стремился привести Батюшка души к искреннему покаянию и самоукорению. Радовался, когда в ответ на обличение слышал искренние слова: «Виноват, Батюшка, простите». «Вот, вот, это — начало», — говорил тогда Старец. Приучал в общении с людьми постоянно думать: «Все как Ангелы, я хуже всех». Часто Батюшка напоминал: «Главное — осознать грех». Тех же, кто раскаивался, направлял на путь добродетели, призывая: «Начинай с сегодняшнего дня исправляться!», или просто: «Начинай!».

¹ Сущность этого высшего духовного подвига, воспринятого Батюшкой ради любви ко Христу, недоступна нашему пониманию, мы можем лишь упомянуть о нем, не дерзая проникнуть в его духовное содержание.

Речь Батюшки отличалась своеобразным сочетанием духовной силы Писания и яркой выразительности народного языка. Всем он говорил лишь о духовном. Если иногда и казалось, что им сказано что-либо житейское, то впоследствии всегда выявлялся духовный смысл старческих слов.

Из наставлений о. Иоанн особенно часто любил повторять слова глубоко чтимого им преподобного Амвросия Оптинского: «Никого не осуждай, никому не досаждай и всем — мое почтение!».

Поучая о взаимоотношениях в семье, Батюшка говорил: «Дома со своими родными живи в мире и любви. Будь им не в тягость, а в радость. Это угодно Богу и спасительно для души». Говоря о духовном омрачении человека, Старец подчеркивал, что человек слаб, слушает внушения врага, принимает их за свои мысли. Поэтому Батюшка часто повторял: «Не слушай врага, не соглашайся с ним!».

Старцу была присуща необыкновенная бодрость духа, которую он не терял даже в самых тяжелых страданиях. «Главное — дух бодрым держать», — говорил Батюшка.

Душа его была преисполнена мира Христова. В наше время, когда люди не имеют ни внешнего, ни тем более внутреннего мира, не оценим дар Батюшки передавать это духовное сокровище ближним, умирять и умиротворять их души.

Батюшка обладал исключительной памятью, а когда духовные дети жаловались ему на свою забывчивость, он говорил: «Память засоряется от грехов».

Среди многочисленных духовных чад о. Иоанна были люди самых разных профессий. Поразительно при этом было искусство Батюшки давать исчерпывающие квалифицированные советы во всех областях человеческой деятельности, будь то медицина, экономика, живопись, математика, строительство, искуствоведение или просто домашнее хозяйство.

Вплощая в своей жизни святое старческое слово, духовные дети о. Иоанна несли в мирскую жизнь то истинное духовное начало, которое преображает мир. Батюшка сам каждым своим поступком нес добро в мир и учил этому духовных детей.

Но не только на ниве духовничества была многоплодной деятельность Батюшки. Почти двадцать пять лет провел схииеримандрит Иоанн в стенах Московских Духовных школ, и труды его, направленные на их процветание, неопределимы.

В 1969 году он окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, присвоенной ему за сочинение «Оптинский старец преподобный Амвросий (Гренков) и его епископальное наследие»¹. Этот труд опубликован и является наиболее выдающимся исследованием о преподобном Амвросии. Отец Иоанн был оставлен профессорским стипендиатом в Московских

¹ Богословские труды. М., 1990, сб. 30.

Духовных школах, преподавал пастырское богословие и практическое руководство для пастырей, а с 1974 года — литургику. Лекции о. Иоанна по пастырскому богословию — плод трудов не только выдающегося ученого-богослова, но и духоносного пастыря. Это были первые лекции по данному предмету, написанные в Московских Духовных школах после 1917 года. Раскрывая сущность пастырства и излагая его историю, о. Иоанн созидал в душах учащихся ту благодатную настроенность, любовь к Богу, Церкви, пасомым, которую должен иметь пастырь при совершении своего служения. Заключительная глава его лекций названа «Духовное и душевное пастырство». В ней ярко показано, что «истинное пастырство есть сочетание Божественной благодати, особого призвания, большого личного труда, непрестанного контроля над собой, духовного бодрствования и молитвенного подвига». Здесь же раскрыта губительная опасность подмены благодатного духовного пастырства естественным и душевным.

Лекции схиархимандрита Иоанна, обладая неотразимой внутренней благодатной силой, содержат и много конкретных практических советов, касающихся всех сторон жизни пастыря. Они служат и будут служить для студентов Духовных школ и для всех будущих пастырей верным руководством на избранном подвижническом пути.

Отец Иоанн пользовался огромным авторитетом у священнослужителей, монахов, мирян и вообще у всех, кто когда-либо к нему обращался. Многие иерархи Православной Церкви (и не только Русской) понимали, какое огромное духовное влияние оказывал архимандрит Иоанн на воспитанников Московских Духовных школ. Митрополит Зиновий (Мажуга, в схиме Серафим), например, писал Батюшке: «Берегите себя, берегите для будущих пастырей». Святейшие Патриархи Алексей и Пимен ценили его заслуги. В 1967 году о. Иоанн был возведен в сан игумена, а в 1972 году — в сан архимандрита. Он был награжден двумя орденами преподобного Сергия, имел два креста с украшениями и высшую награду — Патриарший крест, удостоился права служения литургии с открытыми Царскими Вратами до «Отче наш».

Всем было известно огромное трудолюбие Старца, но то, сколько он успевал сделать, было поистине удивительно. Батюшка обновил и обогатил ризницу, заботился о благолепии храма. Схиархимандрит Иоанн был также плодовитым духовным писателем и проповедником. Его статьи и проповеди публиковались в «Журнале Московской Патриархии», «Голосе православия» (Среднеевропейский экзархат), «Православном вестнике» (Украинская Православная Церковь), «Церковном вестнике» (Польская Автокефальная Православная Церковь), «Богословских трудах». С 1974 года в различных изданиях опубликовано около шестидесяти его работ. Венцом его научно-богословской деятельности в Московских Духовных

школах явилась магистерская диссертация «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении». По отзывам оппонентов, эта богословская работа «представляет собой труд опытного исследователя, отображающий глубины православного церковного сознания. Это результат работы не только зрелого богослова, но и человека-христианина, глубоко воспринявшего и внутренне пережившего творческое наследие святого отца»¹.

Особое значение труды схииерхимандрита Иоанна приобрели сейчас, после его перехода в жизнь вечную. И по преставлении Старца они продолжают великое дело, которому он посвятил земную жизнь — спасение людей.

Однако «все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). Не избежал этой участи и наш Батюшка. В 1985 году магистр богословия, один из лучших наставников Духовных школ был направлен в Жировицкий монастырь.

Сырой климат Белоруссии был ему категорически противопоказан и представлял большую опасность для здоровья. Однако чаша скорбей, которую пришлось испытать праведнику, явилась подлинным сокровищем для насельников обители.

Сразу же после появления его в монастыре к нему стали стекаться все ищущие спасения и жизни во Христе. Началось устройство внутренней, духовной жизни насельников обители, за которым последовало преображение и внешнего уклада жизни монастыря. Во всем стала наблюдаться чинность, благопристойность. Широта деятельной натуры Старца проявилась в благоустройстве хозяйственной жизни обители: наладилось садовое хозяйство, огородничество, появилась пасека.

Однако недолго пришлось трудиться ему на новой ниве пастырского делания. В августе 1990 года, перед самым отъездом в Белоруссию, после отпуска, тяжелый недуг окончательно приковал его к постели. Страдания то усиливались, доходя до критического состояния, то ослабевали. Постоянные сердечные приступы не оставляли его уже до самого исхода из этой жизни. Таким было завершение жизненного крестоношения о. Иоанна, его восхождение на свою, личную Голгофу. Истаивало, иссыхало в страданиях тело верного служителя Христова, но дух его по-прежнему был бодр и деятелен. При малейшем облегчении он сразу принимался за труд: работал над докторской диссертацией о Глинской пустыни, над статьями. Вошедшие в эту книгу произведения — последнее, что написано Старцем.

В это тяжелое время особенно проявилась великая жертвенная любовь Батюшки к людям. До последнего дня он жил не для себя,

¹ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1983, № 6, с. 22.

а для людей, не переставал принимать духовных чад даже тогда, когда после очередной беседы терял сознание (и так было не раз). Те, кто служили ему в эти дни, сетовали на посетителей, пытались оградить Старца от них. В таких случаях ответ о. Иоанна был один: «Я для того родился». Так до последнего вздоха этот адамант духа нес на себе наши грехи и скорби, наши немощи и недостатки. Величие и красоту духа Батюшки можно передать только его же словами: «Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися — вот в чем духовная красота!»

Лучшей наградой для Батюшки была братская любовь среди окружавших его чад, и, напротив, ничем так не огорчался Старец, ни о чем так не скорбел, как о несогласии или ссорах людей между собой.

В последние дни жизни Батюшка особо повторял: «Вы дети одного отца. Вы должны жить как дети одного отца, я ваш отец. Любите друг друга».

27 и 28 июля 1991 года о. Иоанн чувствовал себя особенно плохо. 29 июля в 9 часов утра Старец причастился, а в 9.30 мирно отошел ко Господу в полном сознании. Сразу же священноиноки начали непрерывное чтение Евангелия, служили панихиды.

30 июля гроб с телом почившего схиархимандрита Иоанна был поставлен в Духовской церкви Троице-Сергиевой Лавры, где вечером собором священнослужителей был отслужен парастас, а ночью продолжалось чтение Евангелия и совершались панихиды.

Утром 31 июля собором клириков была совершена заупокойная литургия и отпевание, которое возглавил наместник Киево-Печерской Лавры, духовный сын Батюшки архимандрит Елеферий (Диденко).

В 12 часов дня гроб был вынесен на площадь перед Троицким собором, где при стечении богомольцев была отслужена лития, после чего прощальная процессия направилась к месту погребения на кладбище в г. Сергиев Посад. По совершении на могиле литии гроб с телом верного служителя Церкви Христовой при пении «вечной памяти» был опущен в могилу.

Но духовная связь Батюшки с его чадами не разрывается.

Душа благодатного Старца преисполнена Святого Духа, Который обильно действует через него. Именно эта духоносность как раньше, так и теперь притягивает людей к Старцу. Люди во время земной жизни Старца не могли жить без его совета и молитв, не могут и сейчас. Не только со всех концов России, но и из других стран приезжают они в Сергиев Посад, к месту погребения схиархимандрита Иоанна, всегда украшенному множеством живых цветов. Сюда стремятся и те, кто знал отца Иоанна во время его земной жизни, и те, кто лишь сейчас

ощутил его великую духовную силу. Одни почитатели Старца сменяют здесь других. Любовь и благодатная помощь Батюшки влечет нас к нему. Люди высказывают Старцу все свои скорби и радости, помыслы, сомнения и, укрепляясь его молитвами, получают исцеление, вразумление, разрешение своих недоумений, душевный мир. А затем приходят к Старцу с благодарностью.

Многим с течением времени все больше открывается святость Старца и его великое дерзновение пред Господом, которые он по своему исключительному смирению скрывал.

Здесь приведены лишь самые краткие сведения о жизни схиигумена Иоанна, но со временем будет составлено полное жизнеописание Старца, изданы его письма, содержащие обилие духовной мудрости. Мы попытались передать величие его нравственного облика, его близость Богу. Все, кто искренно обратятся к Батюшке, прося его предстательства и молитв, сами убедятся в непреложной справедливости всего сказанного о благодатном Старце.

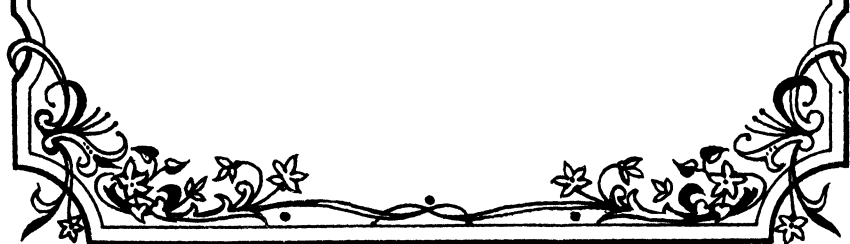
Верим, что эта книга усилит духовную связь чад Старца с их наставником и приведет к нему сердца тех, кто не имел утешения знать его лично.

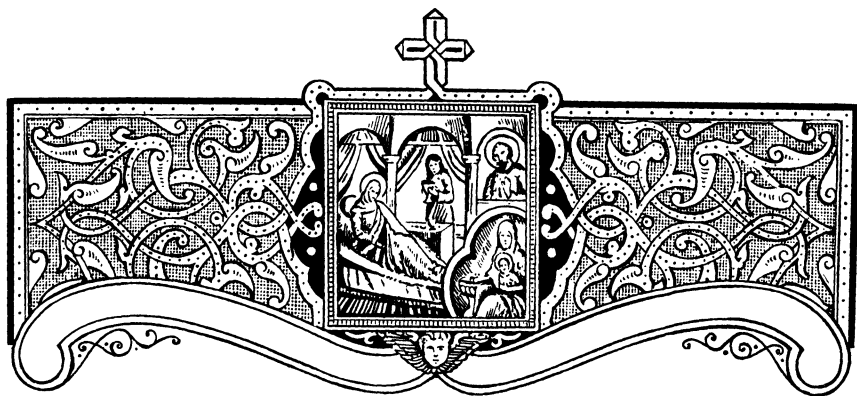
Батюшка жив, но лишь отошел в иной, невидимый для нас мир. Он поселился там, где за Русскую землю предстательствуют святые и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней.

Составители

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

ГЛИНСКИЕ ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ XVIII—XX ВЕКОВ

В память вечную будет праведник.

Пс. 111, 6

Когда пересказываем жития прославившихся благочестием, то прежде всего Владыку прославляем в рабах Его.

Св. Василий Великий

Истинные монахи из глубины своего уединения светят миру простым образом благоугодного жития своего и живым действенным словом спасительной истины.

Глинский игумен Филарет

Русская Православная Церковь во все века бережно хранила и умножала письменные источники о жизни святых отцов.

Жизнь святых отцов, их подвиги всегда основывались на святом Евангелии, исполнении заповедей Христовых. Поэтому жития святых являются верным руководством в духовной жизни. Каждый христианин, изучая их, может найти и примеры для подражания, и спасительное врачевство для своих недугов¹. Однако это подражание должно быть осторожным и только по благословению опытных в духовной жизни старцев. Так, епископ Игнатий (Брянчанинов), характеризуя богоугодную жизнь аввы Ивиссариона, подчеркивает: «Подвиг аввы Ивиссариона принадлежит к исключительным родам подвигов, на поприще которых выводятся Промыслом Божиим редкие, которым самопроизвольное под-

¹ Сочинения Епископа Игнатия. СПб., 1865. Т. 1, с. 32.

ражание, без особенного [контроля и — А. И.¹] призвания Божия, воспрещено»².

О необходимости правильного восприятия житий святых пишет и святой Григорий Двоеслов: «Внимающий повествованиям о жизни святых отцов получает от сего двоякую пользу: во-первых, примеры их жизни, как людей, предваривших нас на пути ко спасению, возбуждают любовь к будущей жизни; во-вторых, если кто дотоле привык видеть в себе какие-нибудь добродетели, то смиритса, когда познает, что подвиги святых были выше»³.

Особенно процвели подвигами праведников иноческие обители. Так, например, издавна славилась святостью жизни своих насельников знаменитая Глинская Рождество-Богородицкая пустынь, основанная еще в XVI веке недалеко от Путивля на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. Правящие епархиальные архиереи называли Глинскую пустынь «лучшей обителью»⁴, в которой «и чин Богослужения благолепнее, и более находится старцев, разумеющих силу и сладость жизни духовной»⁵.

Многочисленные жизнеописания подвижников Глинской пустыни содержат назидательные примеры для руководства в духовной жизни, жизни во Христе.

Об одних Глинских подвижниках написаны книги, о других статьи, а о поучительной жизни третьих из уст в уста передавались рассказы от поколения к поколению. Однако достаточно подробные сведения о жизни праведников сохранились не за все периоды. Скучны, например, сведения о Глинских подвижниках XVI—XVIII веков.

Осталось неизвестным, к сожалению, имя самого первого Глинского подвижника, о котором из литературных источников лишь узнаем, что при новоявленной Чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы в начале XVI века поселился некий пустынный, построил на этом месте часовню и подвижался здесь в посте, безмолвии и молитве⁶.

¹ А. И.—архимандрит Иоанн (Маслов). Примеч. составителей.

² Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные Епископом Игнатием (Брянчаниновым). Изд. 4-е. СПб., 1903, с. 285.

³ Св. Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцев. Казань, 1858, с. 11.

⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.

⁵ Здесь и далее названия архивов даны по состоянию на 1991 г.—Примеч. составителей.

⁶ Там же, д. 57, л. 6.

⁷ Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес, от нея происшедших. 2-е испр. и доп. изд. Глинской пустыни. Одесса, 1907, с. 9—10.

Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей в Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством Общества Истории и древностей Российских Соревнователем. В 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1836, с. 8—9.

Чудесные исцеления от святой иконы Богоматери и источника целебной воды, истекавшего из-под корня сосны¹, на которой явилась икона Рождества Богородицы, непрерывно возрастали, увеличивалось и народное благоговение, приток богомольцев. При огромном стечении народа к вновь явленной святыне не могла остаться безызвестной богоугодная жизнь первого Глинского подвижника. Вполне очевидно, что народ получал от него не только духовную пользу, но некоторые изъясняли желание подражать ему в подвигах и оставались жить в этом святом месте. Так постепенно сформировалась Глинская иноческая обитель. Однако история не сохранила письменных свидетельств о жизни старцев того периода.

Начало создания жизнеописаний Глинских подвижников относится к первой трети XIX века, когда в 1829 году было составлено рукописное жизнеописание игумена Филарета (Данилевского) его учениками². Позднее, в середине и особенно в конце XIX века Глинская обитель находилась в расцвете духовной жизни и материального достатка, появилась возможность издавать жизнеописания наиболее известных Глинских старцев. Было выпущено два издания книги об игумене Филарете, а в 1893—1894 годах опубликованы жизнеописания великих Глинских старцев: иеросхимонаха Макария (Шарова) и монаха Феодота (Левченко). Впоследствии число изданий о Глинских подвижниках непрерывно возрастало вплоть до первого десятилетия XX века.

Многие жизнеописания, опубликованные отдельными книгами, а также на страницах «Глинского Листка», были собраны в многотомном издании 1906—1912 годов «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков»³. Тем не менее литературные источники о подвижнической жизни Глинских иноков оставались рассеянными по многочисленным книгам, журналам, архивным документам.

¹ В 1990 г. по инициативе схиархимандрита Иоанна (Маслова) и на его средства целебный источник Глинской пустыни был восстановлен.— Примеч. составителей.

² Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской Общественной Пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп. и перераб. Одесса, 1905, с. III.

³ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. 1—12. М., 1906—1910.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Кн. I. Январь—июнь. М., 1912. 898 с., портр.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Кн. II. Июль—декабрь. М., 1912. 696 с., портр.

Первая попытка создания сводного «Глинского Патерика» принадлежит автору этой статьи¹. Названный труд послужил основой для более расширенного многотомного «Глинского Патерика», значительно дополненного, главным образом, за счет архивных документов, собранных о Глинской пустыни и ее подвижниках².

Среди всех Глинских подвижников больше всего публикаций посвящено, и вполне закономерно, настоятелю игумену Филарету — возобновителю, духовному возродителю Глинской обители³. Святость жизни старца Филарета, его духовная сила привлекали к нему иноков, мирян, а вместе с тем и материальные средства, необходимые на восстановление обители. Ничто не могло остановить стремления народа жертвовать самым необходимым на украшение того, что нравственно так дорого, так свято.

Игумен Филарет, имея от Бога высокие духовные дарования, сумел так искусно направить жизнь обители, что о ее патриотической, просветительной, благотворительной деятельности впоследствии знала вся страна. Иноки обители как проводники в жизнь известных нравственных требований служили и духовным, и временным материальным нуждам своего народа. Из поколения в поколение передавались духовные уроки-наставления игумена Филарета о необходимости строгого соблюдения монастырского устава, внутреннего совершенствования, под влиянием которых многие иноки не довольствовались исполнением трех обычных монашеских обетов — нестяжания, целомудрия и послушания, а брали на себя еще дополнительные обеты, направленные на укрепление духовной воли, возвышение христианского духа, например обет отшельничества, особого постничества, молчаливчества, юродства во Христе и т. д.

О монахах Глинской пустыни вполне можно сказать словами св. Иоанна Златоуста: «Монахи — лики ангелов в человеческой пло-

1 Глинский Патерик/Сост. архимандрит Иоанн (Маслов). Загорск: МДА, 1970. 324 с.

Первое издание «Глинского Патерика» архимандрита Иоанна (Маслова) широко цитируется в книге проф. Московской Духовной Академии игумена Марка (Лозинского) «Отечник проповедника» (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков. Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1971), в которой приведено около 20 примеров из жизни Глинских подвижников (см.: № 6, 89, 90, 160, 161, 296, 343, 344, 506, 507, 679, 876, 904, 954, 979, 1183). — Примеч. составителей.

2 Глинский Патерик/Сост. архимандрит Иоанн (Маслов). 2-я ред.

3 Иоанн (Маслов), архимандрит. Игумен Филарет — настоятель Глинской пустыни (1817—1841).

Иоанн (Маслов), архимандрит. Глинский настоятель игумен Филарет и его эпистолярное наследие. К 150-летию со дня блаженной кончины.

ти»; жизнь их трудная и несносная, но сладостнее и вожделеннее мирской; их уста исполнены благоухания; в их обителях тишина и безмолвие¹. Они соблюдают строгий пост и встают до рассвета, подвизаясь в благодарениях Богу, молитве и псалмопениях; находясь как бы в пристани, ведут жизнь, огражденную от всякого волнения. Они воспевают Богу раньше птиц; побеждают страсти легче мирян; монашескую жизнь нужно ублажать больше, чем царскую; молитва для монаха, что для зверолова меч; смерть для монаха беспечальна; монах врачует страдания других, его подвиг велик. Хотя монахи пребывают в бедности, однако являются обладателями духовных сокровищ во всей вселенной; «монахи святы по жизни и по вере...»².

Слава о жизни и подвигах Глинских старцев издавна привлекала в эту обитель множество паломников, ищущих духовного наставления, утешения, молитвы великих подвижников.

Одним из таких подвижников во времена настоятельства игумена Филарета был старец иеросхимонах Пантелеимон, принявший монашество в 1776 году девятнадцатилетним юношей в Нямецком Молдаво-Влахийском монастыре. Затем он подвизался в Софрониевой пустыни, а в 1826 году перешел в Глинскую обитель, славившуюся в то время своей высокой духовной жизнью, старчеством. Настоятель назначил его братским духовником, но недолго пришлось служить ему в этой должности. Все устремления подвижника были направлены к жизни в уединении, в безмолвии. И в 1828 году с благословения игумена Филарета он переселился в новую деревянную часовню, построенную к тому времени на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. По инициативе подвижника здесь возвели еще два дома, и все сооружения обнесли забором. Так был основан безмолвный (Ближний) скит обители. Впоследствии сюда переселились братия, стремившиеся жить в безмолвии. Вскоре, в 1831 году, иеросхимонах скончался. По этому поводу настоятель Филарет писал одному из почитателей старца Пантелеимона генералу Д.: «Отец Пантелеимон умер смертью праведника и погребен в ските, его стараниями сооруженном, у той сосны, на коей в старину явился чудотворный образ Преславного Рождества Божией Матери»³.

¹ Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 7. Кн. 1, с. 12; Кн. 2, с. 695, 699, 718. СПб., 1901.

² Там же, Т. 7. Кн. 2, СПб., 1901, с. 568, 696, 571—572; Т. 1. Кн. 1. СПб., 1898, с. 125, 127—128, 65; Т. 12. Кн. 1. СПб., 1906, с. 100.

³ Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской Общезительной Пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп. и перераб. Одесса, 1905, с. 66.

Добрый подвигом подвизался на ниве пастырского служения иеросхимонах Серафим (в миру Стефан Пацула)¹, поступивший в Глинскую пустынь в 1818 году при игумене Филарете.

Промыслу Божию угодно было испытать его как в стенах обители, так и за ее пределами. В 1840 году он был командирован в качестве священника на фронт, где шла война с кавказскими горцами. Здесь во время боевых действий смерть не один раз смотрела ему в лицо, но Господь сохранил его жизнь для новых испытаний. В течение семи лет он болел лихорадкой, после которой остались у него глазная и цинготная болезни. Сам «едва живой... он должен был отпевать убитых и умерших от болезни воинов. Кое-как дойдет на место погребения, а обратно его вели под руки солдаты»². В письме к нему один из протоиереев назвал его «преподобным страдальцем и тружеником, подвизающимся подвигом добрым»³.

В 1849 году о. Серафим возвратился в Глинскую пустынь, где исполнял многотрудные обязанности братского духовника, самые строгие требования предъявляя, прежде всего, к самому себе. Братия любили его и нередко отмечали, что он «богослужения совершал прекрасно»⁴. Любопытным его называли за неутомимую жажду к изучению духовной литературы. Он прочитал все библиотечные книги как Глинской пустыни, так и соседних обителей — Софрониевой пустыни и Петропавловского монастыря⁵.

Заветным желанием о. Серафима было окончить дни земной жизни так же, как игумен Филарет. И Господь внял его мольбам. Перед смертью он был напутствован Святыми Тайнами Церкви, пострижен в схиму. Скончался он, как и о. Филарет, в понедельник Пасхальной седмицы. Это было 16 апреля 1856 года⁶.

Духовное любомудрие о. Серафима, несомненно, было угодно Богу, ибо, по слову Священного Писания, «мудрые наследуют славу» (Притч. 3,35).

Возрождение высоких духовных требований к иноку, иноческой жизни связано с именем преподобного Паисия Величковского (1722—1794), который писал: «Инок есть исполнитель заповедей Христовых... повседневный мученик, самовольный мертвец, добровольно умирающий в духовных подвигах. Инок есть столп терпения, глубина смирения, источник слез, сокровище чистоты... Инок есть постоянное принуждение природы и непослабное охранение чувств. Инок есть чин и состояние бесплотных, хранимое в вещественном теле, во всякое время, на всяком месте и при

¹ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. Январь-июнь. М., 1912, с. 588.

² Там же, с. 589.

³ Там же, с. 588.

⁴ Там же, с. 589.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

всяком деле имеющее в виду одно божественное»¹. Святой старец архимандрит Паисий Величковский возродил в нашей стране особую монашескую традицию — старчество, ростки которого бережно хранила, умножала Глинская пустынь и тем самым прославлялась среди народа.

Но не о славе обители, тем более не о своей славе пеклись Глинские подвижники благочестия, а об исполнении заповедей Божиих, угодении Богу и ближним. Строгость соблюдения Глинскими иноками благочиния в церкви и келлиях, устава обители, составленного игуменом Филаретом «по чину Афонского» и утвержденного Св. Синодом 26 августа 1821 года, была такова, что не исполнявшие их удалялись из монастыря, о чем записано в главе 25-й устава: «Аще кто из братии вознерадит, лености ради, приходити к началу церковнаго пения или подает какой-либо соблазн, а паче мирским, или уставу противитися будет, такового настоятель по первому и второму увещанию наедине, при соборе увещевает, приводя ему Святых Отец писания и устав обители по установлению Святых Отец, увещевая его любовью. И аще таковой не смиритися и не послушает наказания, изгоняется из обители...»². С этим положением устава обители особенно важно было ознакомить лиц, которых часто присылали в Глинскую пустынь — истинную духовную лечебницу — на епитимию, то есть для духовно-нравственного исправления. Что же касается иноков обители, то они с помощью Божией благодати заботились лишь об очищении своего сердца, пребывали в молитве, посте, страхе Божиим, неукоснительном послушании, умножали свое терпение, смирение. Свидетельством их богоугодной жизни были такие многочисленные духовные дары, посылаемые им Господом, как исцеление больных, прозорливость, дар усердной молитвы, совершаемой с умилением душевным и чистой мыслью, дар поста, превышающего человеческие силы, ибо, по слову святителя Иоанна Златоуста, «если придут в соглашение эти два сильно разнствующиe между собою и борющиeся друг с другом начала, т. е. плоть и дух... так, что дух будет господствовать, а плоть находиться в подчинении... тогда между душою и плотию будет находиться Господь, и о каком бы деле они ни стали просить, чего бы ни попросили они, будет дано им. Многие ведь, достигши подобного состояния, были услышаны, как, например, Илия на горе, Даниил во рву львином, Иона во чреве кита, Езекия на одре болезни своей, Петр в Иопии, Корнилий в Кесарии»³.

¹ Паисий (Величковский), архимандрит. Крыны сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания. О заповедях Божиих и о святых добродетелях. Изд. Русского Свято-Ильинского скита на Афоне. Одесса, 1910, с. 67.—(Слово 40. Что такое — инок?).

² Устав или чиноположение относительно церковнаго Богослужения и правил общежития монашествующих Глинской Рождество-Богородицкой пустыни (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 9—39 об.), л. 32 об.

³ Творения Святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольскаго, в русском переводе. Т. 9. Кн. 2. Спб., 1903, с. 977.

Многие усердно подвизавшиеся Глинские подвижники также сподобились быть услышанными Господом в своих смиренных молитвах. Среди них были великие старцы: Феодот, Евфимий, Макарий, Илиодор, Лаврентий, Иннокентий, Андроник, Серафим и многие другие.

Так, богат был духовными дарами, по милости Божией, отец Феодот (в миру Феодосий Левченко)¹, скончавшийся 16 июля 1859 года почти столетним старцем. На его могиле и по смерти многие паломники получали исцеления. Монах Феодот отличался глубокой верой в Бога, чистотой сердца, великим смирением, трудолюбием, безропотным перенесением скорбей, обид и даже побоев от невежественных мирских людей, младенческой простотой, незлобием и искренней горячей любовью к ближним. Иеромонах Иассон, автор первого издания книги, посвященной этому дивному подвижнику, писал: «Судя по высоким добродетелям и богатым благодатным дарованиям, старец Феодот был одним из тех ревнителей веры и благочестия, которые, отрешившись от суетного мира, взяли крест Господа на свои духовные рамена и неуклонно шли во след Своего Спасителя, не останавливаясь на пути, пока не взошли на высоту бесстрастия. Все земное для старца Феодота как бы не существовало; к миру и благам его он оставался совершенно равнодушным и искал только благодатного общения и единения с Богом, к Которому стремился всем своим существом»².

Другим духовным светильником, которыми никогда не оскудевала Глинская пустынь, был иеросхимонах Макарий (в миру Матвей Терентьевич Шаров) (1801—1864)³.

Он принял постриг в монашество от самого игумена Филарета в 1833 году. От него же он получил первые духовные уроки, мудрые наставления и с тех пор непрерывно

¹ Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. 32 с., портр., ил.

Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908, с. 201—220.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота.— Курские епархиальные ведомости, 1893, № 39, с. 1—8; № 40, с. 9—16; № 41, с. 17—24; 1894, № 4, с. 25—32; № 5, с. 33—40; № 6, с. 41—43.

² Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894, с. 3—4.

³ Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Курск, 1893.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, 1901. 56 с., портр.

Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906, с. 262—287.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария.— Курские епархиальные ведомости. 1893, № 6, с. 1—8; № 8, с. 9—16; № 9, с. 17—24; № 11, с. 25—32; № 12, с. 33—40; № 16, с. 41—45.

возрастал в добродетелях послушания, смирения, чистоты сердечной, воздержания, благоговения, безгневия, потому что, по слову Соломонову, ревность мужа от подруга своего (Еккл. 4, 4). Подвиги благочестия при болезненном состоянии и полном самоумерщвлении, по благодати Божией, помогли ему взойти на степень бесстрастия и развить в себе пламенную любовь к ближним. Одна монахиня в своих воспоминаниях о старце писала: «О. Макарий был очень изнурен, без слез нельзя смотреть на него... Колени у него были потерты (от поклонов) «до крайности». Конечно, не легко досталось подвижнику это самораспятие, много требовалось с его стороны борьбы и самопонижения до болезненности, но только таким усиленным умерщвлением своего тела и непрестанною молитвою он мог уподобиться Ангелам и получить от Бога благодатные дары прозрения, целения и власть над нечистыми духами»¹, так как сей род, по слову Спасителя, изгоняется только молитвою и постом. Находясь в тяжелом болезненном состоянии, о. Макарий и лежа не выпускал из рук Псалтири, а ночью вставал на молитву и, поддерживаемый двумя костылями, читал Св. Евангелие, молитвословия столь продолжительное время, что нельзя было не удивляться, но сила Божия в немощи совершается. Кроме церковных служб, он ежедневно клал несколько сот земных поклонов, вычитывал не менее двух глав Евангелия, главы апостольских посланий и трех кафизм².

Уже зачисленный за штат по состоянию здоровья, он был назначен в 1844 году на трудную должность благочинного монастыря и самоотверженно исполнял свое новое послушание. Главной целью его служения братии и светским людям было обновление внутреннего человека. О нем можно сказать то же, что было некогда сказано об авве Макарии Египетском: «Он всех покрывал любовью».

Наставляя на стези спасения других, он умел охранять свои чувства таким образом, что беседы, например, с мирскими людьми не влияли на него. «С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного люда, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего; — ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему

¹ Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни Иеросхимонаха Макария. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, 1901, с. 10.

² Там же, с. 11.

смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания»¹. Из его келлии выходили печальные — обрадованными, скорбящие — утешенными, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными к покаянию, восставшими от греховного оцепенения².

Также выдающимся подвижником Глинской обители был монах **Мартирий**³ (в миру Матфей Кириченко; 1800—1865), который отличался подвигами исключительного воздержания, самоотвержения, непрерывного псалмопения, молитвы и послушания. Первые духовные наставления он получил от блаженного старца Феодота, под руководством которого проходил послушание в братской поварне, а в монашество был пострижен настоятелем Филаретом в 1840 году. Для него были характерны крайняя нестяжательность, бдительное охранение своих чувств, постоянное погружение внутрь себя, богомыслие, непрерывный контроль за своими помыслами. При всем этом он подвизался в строжайшем воздержании от пищи, питья. День или два неядения было нормой его жизни, а однажды, подражая древним святым подвижникам, он усугубил свой пост до такой степени, что «пятнадцать дней провел без употребления пищи, причем, совершал изустное чтение Псалтири и прочее молитвенное правило. Впоследствии говорил своим близким по духу, что более этой меры уже поститься невозможно»⁴. Свои подвиги он тщательно скрывал от людей, но не мог скрыть от врага рода человеческого, который был озлоблен на него до такой степени, что однажды в ночное время старец Мартирий, стоя на молитве, услышал шум, треск и колебание своей башни (в которой жил), стены дрожали и готовы были разрушиться. Слышны были крики, угрозы разрушить его жилище и задавить старца обломками. Сей последний, вероятно, не первый раз видя нападение бесовского полчища, стоял на молитве непоколебимо. «Бесы, рассвирепевши и Божиим попущением приблизившись к старцу, начали наносить ему удары; удары эти были настолько сильны, что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы биения палкой. От таковых побоев старец не мог свободно владеть рукой и после до-

¹ Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, 1901, с. 24.

² Там же.

³ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. 33 с. портр., ил.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908, с. 108—110.

⁴ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 10.

вольное время носил перевязанную руку на полотенце на шее»¹. Об этом подвижник рассказал своему духовнику иеромонаху Порфирию и при этом в простоте души заметил: «Зачем лукавый враг на меня нападает. Я его ничем не трогаю!»², не видя того, что своими подвигами он не давал дьяволу покоя. На нем сбылись слова, сказанные Нилом Синайским: «Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их: ибо, как дикие звери, нападут они на тебя и все твое изъязвят тело»³.

Старец Мартирий прошел свой жизненный путь жестокой стезей крайнего воздержания, самоозлобления и многообразных лишений. Это была жизнь подлинно аскетическая, распятие плоти со страстями и похотями (Гал. 5; 24), через которые он сподобился достигнуть бесстрастия. И наконец Господь даровал ему победу над плотью, миром, дьяволом и принял в свои вечные обители на второй день святой Пасхи, 5 апреля 1865 года⁴.

Великими подвигами прославился и схимонах Евфимий⁵ (в миру Евстафий Любимченко; 1795—1866). Первые духовные наставления о смирении, послушании, борьбе со страстями он получил от богомудрого игумена Филарета и пронес их через всю свою жизнь, а впоследствии передавал эти уроки иноческой жизни новоначальной братии, подчеркивая: «Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками»⁶.

Старец Евфимий прожил в Глинской пустыни безвыходно сорок восемь лет. По своему глубокому смирению он отказался от принятия священного сана, хотя «некоторым другим братьям, слабейшим духом, не советовал без причины уклоняться от предлагаемого священства»⁷. В течение тридцати лет подвижник исполнял пономарское послушание, входя всегда в храм первым и выходя из него последним. Для отдыха и принятия пищи у него почти не оставалось времени. Такая подвижни-

¹ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 22—23.

² Там же, с. 23.

³ Добротолюбие в русском переводе, дополненное. Т. 2. Изд. 3-е. М., 1913, с. 218.

⁴ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 32.

⁵ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, 24 с., портр., ил.

Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. Январь — июнь. М., 1912, с. 205—220.

⁶ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 3.

Там же, с. 9.

ческая жизнь вошла в его привычку, стала его жизненной потребностью. Он с ревностной ненасытностью жил и дышал постоянно атмосферой церковных песнопений, молитвенных воззваний, сделавшихся стихией его души. В этом отношении старец Евфимий «приближался к бесплотным Ангелам, непрестанно ненасытно славословящим своего Господа»¹. Он прекрасно знал церковный устав, особенности местного чиноположения, установленного для Глинской пустыни, и к нему обращалась братия за разрешением вопросов, «это был живой Типикон Глинской пустыни»². Когда по причине болезни он не смог сам идти в церковь, а любовь к Господу неудержимо влекла его в храм Божий, то он просил братию водить его на Богослужение.

Проводимая монахом Евфимием строгая постническая жизнь, постоянная готовность к исполнению обязанностей пономаря вполне удовлетворяла потребностям его ревностного духа. Подвиги старца остались скрытыми от нас, за исключением тех примеров, которые приводил он сам в назидание своим духовным братьям. Так, однажды в молодости, желая отразить раскаленные стрелы лукавого, он связал себя по нагому телу узловатою бечевкою и укрепил скрутил палкой. Не давая себе пищи и покоя, он в таком положении с крепким сердечным воплем обращался ко Господу, молясь об избавлении от усиленной дьявольской брани. Господь услышал его молитву и послал ему в сердце мир и покой, после чего Евфимий решился снять бечевку, но она так глубоко поразила тело, что по всему протяжению ее оказалась сплошная рана. Кровь лилась по всему телу, а подвижник, смотря на это и терпя болезнь, говорил: «А что, Евфимий, хорошо? Может быть, еще чего захочешь? Тогда еще не то тебе будет»³. Подобных самоистязаний подвижник перенес, очевидно, немало, но они остались известными только одному Господу.

Душа подвижника была исполнена такой непередаваемой любовью к Господу, таким божественным страхом, что всю жизнь из его глаз текли слезы. На вопрос, боится ли он смерти, старец ответил: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благодати Божией, не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к Которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут»⁴. Подвижник Евфимий не мог скрыть тех чувств, которые напол-

¹ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 14.

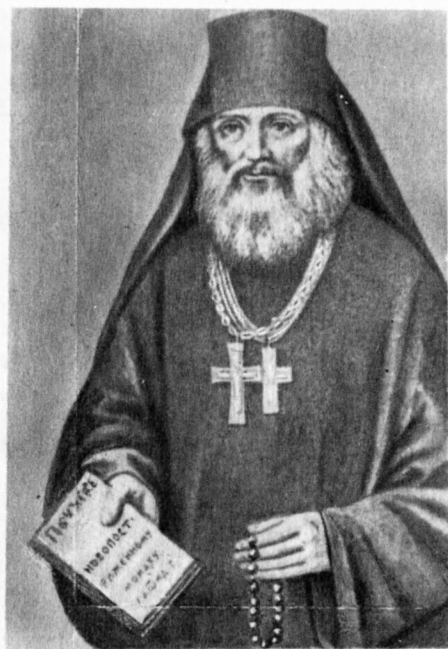
² Там же, с. 18.

³ Там же, с. 11—12.

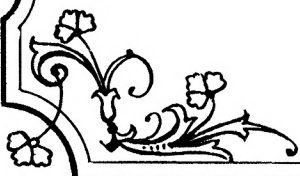
⁴ Там же, с. 20.

Общий вид Глинской Рождество-Богородицкой пустыни
Гравюра XIX века

**Игумен Филарет (Данилевский),
настоятель Глинской пустыни**

Монах Феодот (Левченко)

Иеросхимонах Макарий (Шаров)

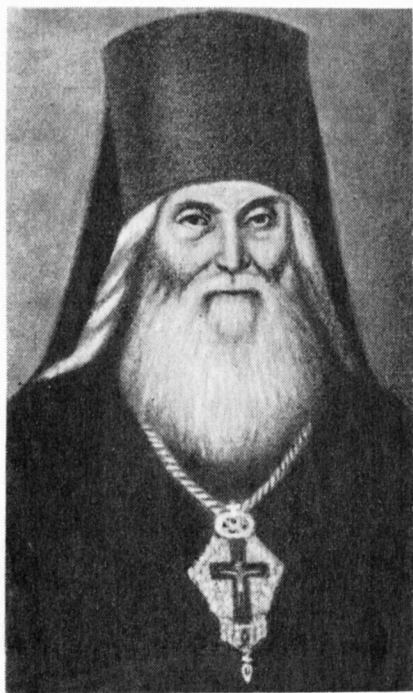

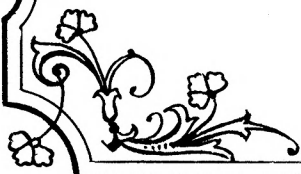
Схимонах Мартирий (Кириченко)

Схимонах Евфимий (Любимченко)

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий)

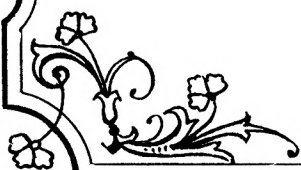

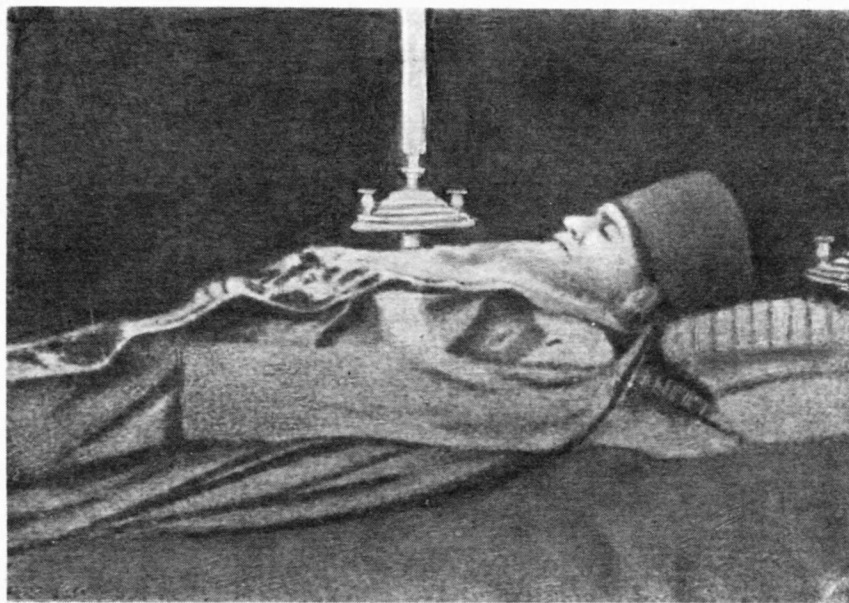

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий)
ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 6

**Архимандрит Иннокентий (Степанов),
настоятель Глинской пустыни**

В Бозе почивший настоятель Глинской пустыни
архимандрит Иннокентий (Степанов). 1888 год
ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 8

Схимонах Архипп (Шестаков)

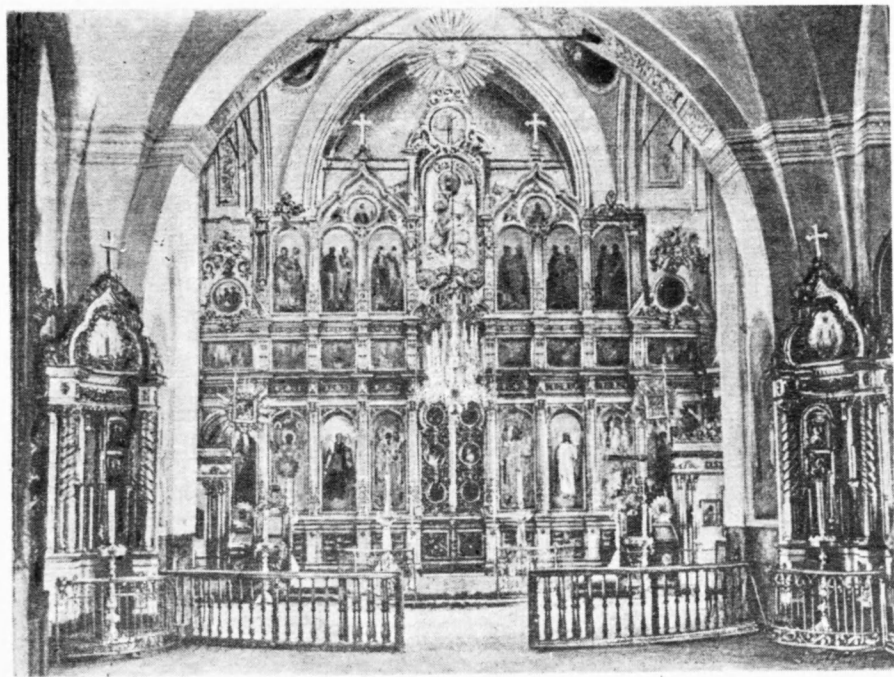
Соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы

Фотография 1892 года. ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 2, д. 278, л. 244

Храм во имя иконы Иверской Божией Матери

Фотография 1892 года. ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 2, д. 278, л. 239

Иконостас соборного храма Рождества Пресвятой
Богородицы

Фотография начала XX века

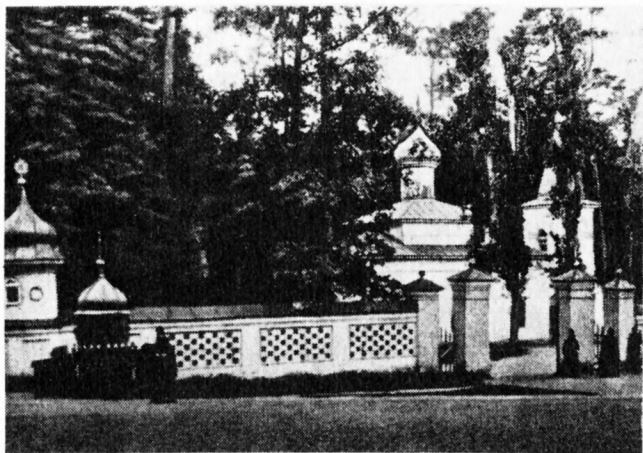

**Колокольня соборного храма
Рождества Пресвятой Богородицы.**

Фотография 1892 года. ЦГИА СССР, ф. 835, оп. 2, д. 278, л. 243

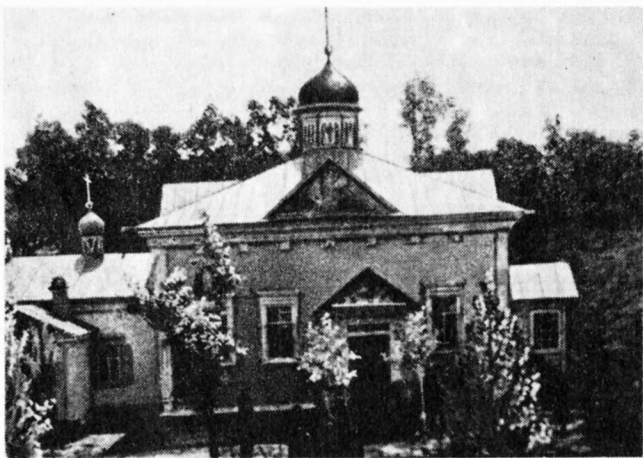

Храм во имя Успения Пресвятой Богородицы
Фотография начала XX века

**Ближний скит на месте явления Чудотворной иконы
Рождества Пресвятой Богородицы. Храм во имя святых
Богоотец Иоакима и Анны**

Фотография 1892 года. ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 2, д. 278, л. 245

**Храм в Спасо-Илиодоровском скиту
во имя Нерукотворенного Спаса**

Фотография начала XX века

няли его душу, он плакал от изобильных чувств любви к Богу и страха Божия, страха Ангельского. «Чувствовать любовь ко Господу и страх, и паки, страх и любовь. Такое состояние,— сказал затворник Вышенский Епископ Феофан,— есть состояние Ангелов на небесах»¹. Именно такого Ангельского состояния и достиг Глинский подвижник схимонах Евфимий.

Поучительна многострадальная жизнь и подвиги блаженной памяти старца **схиархимандрита Илиодора** (в миру Иоанн Голованицкий; 1795—1879)². Достойный ученик игумена Филарета, он подвизался в Глинской пустыни в течение сорока пяти лет, вначале как послушник, монах, а впоследствии как духовно опытный старец, имевший свою школу учеников, ставших позднее под его руководством также видными подвижниками. Это были схимонах Лаврентий, архимандрит Иннокентий (настоятель Глинской пустыни), схимонах Архипп и многие другие.

Но маститым старцем схиархимандрит Илиодор стал лишь пройдя горнило испытаний, какие проходят избранные последователи Христовы. Еще в юности, участвуя в Отечественной войне 1812 года, он много претерпел, познал суетность и недолговечность земной жизни. После окончания войны Иоанн поступил в Киево-Печерскую Лавру, но Промысл Божий привел его в Софрониеву, а затем в Глинскую пустынь. Здесь под мудрым руководством самого игумена Филарета он обучался внутреннему деланию, преуспевал в духовной жизни. После принятия монашеского пострига (с именем Иоанникий) его постигло особенно много искушений, которые попущены были свыше для полного очищения боголюбивой души подвижника. Враг пытался утратить его различными привидениями, подвергал нападению разбойников, воздвиг на него клевету, за что Иоанникий был изгнан из обители, а когда, по просьбе братии, его приняли обратно, он должен был нести тяжелую епитимию. Затем Иоанникий был перемещен в Рыхловский Николаевский монастырь, где много безвинно пострадал от настоятеля, который даже написал на него донос в Св. Синод, в результате чего Иоанникий был сослан в Домницкий монастырь, где томился около трех лет³.

Но всеми этими злостраданиями и искушениями Промысл Божий вел подвижника к высшему духовному совершенству. Пребывая в непрерывной умно-сердечной молитве, искреннем покаянии и самоукорении, он очищал свое сердце от всех страстей.

¹ Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий/Собрал игумен Иассон. Курск, 1910, с. 14.

² Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшагося в Глинской пустыни/Собрал игумен Иассон. М., 1887, с. 234.

³ Там же. Изд. 2-е. М., 1906, с. 66.

Позднее Иоанникий был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха и назначен настоятелем сначала в Рыхловский Николаевский, а затем в Петропавловский монастырь Черниговской епархии с возведением в сан архимандрита, где своими неустанными трудами на благо обителей и любвеобильной простотой стяжал искреннее уважение и любовь братии¹.

Но, стремясь к жизни созерцательной, уединенной, архимандрит Иоанникий удалился на покой в Глинскую пустынь, где, как было ему открыто, ждал его особенно узкий путь. Здесь, ревностно стремясь к высшим духовным подвигам, принял он святую схиму с именем Илиодор и переселился в пустынную келлию (вне обители), в которой подвизался в молитве и посте более тридцати лет. На месте его подвигов впоследствии был основан Дальний (Спасо-Илиодоровский) скит. Занимаясь деятельной Иисусовой молитвой, бдительно охраняя свои чувства и мысли, о. Илиодор за свою святую жизнь сподобился Божиих откровений. Во время совершения святой литургии он видел Божию Матерь. Ему была открыта загробная благая участь игумена Филарета, он провидел будущие места своих собратьев, предостерегал новоначальных иноков от проступков, примирял враждующих, утешал скорбящих, по своему смирению тщательно скрывая дар прозорливости.

Отец Илиодор ощущал на себе особое покровительство Святителя Николая, получив от него в своей жизни не только многократную помощь, но и особую милость. Во время путешествия в Палестину² Святитель Николай чудесно привел его поклониться месту своего погребения. Когда же старец, исполненный сугубой радости, полагал земной поклон у гроба Святителя, то «лампада, висевшая на высоте, недостижимой рукой человека, вылилась на него сама собой и опять встала в свое обычное положение»³.

Душевная простота о. Илиодора уподоблялась состоянию незлобивого младенца. С сердечным вниманием выслушивал он каждого, если беседа была душеполезная, а когда собеседник переходил к осуждению ближних, то старец кротко замечал: «Писано есть: "Яко не возглаголют уста моя дел человеческих..."» (Пс. 16,4). Память смертная всегда была присуща подвижнику, и часто он говорил себе: «Бедный Илиодор! Скоро предстоит тебе предстать

¹ Сказание о жизни и подвигах блаженного памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни/Собрал игумен Иассон. Изд. 2-е. М., 1906, с. 85.

² В Иерусалиме Блаженнейший Патриарх Кирилл обратил на старца особое внимание и долго с ним беседовал. Подвижники Св. Афонской Горы обращались к нему за советами, просили остаться на Афоне, чтоб вверить себя его руководству (Там же, с. 46—47).

³ Там же, с. 46.

на суд Божий»¹. Отец Илиодор духовно проникал в тайники человеческих душ. Например, если келейник готовил пищу, будучи в немирном устроении, то старец не мог вкушать ее².

Авторитет о. Илиодора был очень велик: за наставлениями и советом обращались к нему не только братия и богомольцы, но и многие архиереи³.

Почитал о. Илиодора и преподобный Амвросий Оптинский. О духовном общении и единстве этих старцев ярко свидетельствуют их письма⁴. Старец Амвросий не только сам вел переписку с о. Илиодором⁵, но и своим духовным детям благословлял обращаться к этому великому Глинскому подвижнику: «К о. Илиодору в Глинскую пустынь можешь писать и можешь принимать его мнения и советы; остальных же... мнения... принимать нельзя⁶... о. Илиодор посоветует тебе всегда полезное как опытный духовный муж»⁷.

До последних дней жизни схиархимандрит Илиодор всех получал пребывать постоянно в молитве и духовном созерцании. Блаженная кончина его последовала в 1879 году.

Произведения, посвященные жизнеописанию старца схиархимандрита Илиодора, изобилуют душеполезными наставлениями и принесут читателю огромную пользу.

Не менее известен своей святостью был и архимандрит Иннокентий (в миру Яков Фирсович Степанов; 1824—1888) — настоятель Глинской пустыни с 1862 по 1888 год. Его наставниками были такие маститые старцы и духовные светочи, как иеросхимонах Макарий и схиархимандрит Илиодор. Имея беспрекословное послушание, строго исполняя монашеские обеты,

¹ Сказание о жизни и подвигах блаженного памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни. Изд. 2-е. М., 1906, с. 156—157

² Там же, с. 227.

³ Там же, с. 202—203

⁴ О высокой дружбе, связывавшей этих старцев, пока еще не было рассказано ни в одном из жизнеописаний как о. Амвросия, так и о. Илиодора. По-видимому, авторы не располагали их перепиской. Впервые об этом написал схиархимандрит Иоанн (Маслов) в монографии: «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI—XX веках». Собрание писем схиархимандрита Илиодора и выдержки из писем преп. Амвросия помещены в приложении к названной работе.— Примеч. составителей.

⁵ Однажды преп. Амвросий даже поручил своим духовным детям «с земным поклонением испросить» себе «от о. Архимандрита Илиодора прощения и извинения, что до сих пор не благодарил и не отвечал на последнее его (о. Илиодора — А. И.) письмо... много раз собирался писать письмо о. Архимандриту и даже два раза начинал письмо, но не мог окончить, потому что желал писать о. Архимандриту без поспешности», а старца все время отвлекали (Государственная библиотека им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 112 об.).

⁶ ГБЛ, ф. 213, к. 50, ед. хр. 1, л. 16 об.

⁷ ГБЛ, ф. 213, к. 55, ед. хр. 13, л. 3.

⁷ Там же, л. 44 об.

подвизаясь в терпении и смирении, он под их духовным окормлением скоро преуспел в святой жизни.

В должности настоятеля главное внимание архимандрит Иннокентий обращал на внутреннее устройство обители. Сам будучи муж духовный, он ревностно заботился не столько о том, чтобы братия упряжняялась в монашеских подвигах, сколько о водворении в сердце благодатных даров Святого Духа. Ежедневное чистосердечное исповедание помыслов, полное отречение своей воли, безусловное послушание, смирение и кротость — вот чему учил он иноков.

Глубокое чувство ответственности за братию перед Богом побуждало его ревностно подвизаться на ниве Христовой. Так, например, он пишет: «Настоятель отвечает за всех... мне надо хотя умом побывать в келлии каждого, помолиться за него, оградить его крестом, иначе враг распудит Христово стадо»¹. Его молитва ограждала многих не только от болезней телесных, но и от козней диавольских. Это был поистине пастырь, полагающий свою душу за своих пасомых.

Немало заботился настоятель и о внешнем устройстве обители. При нем было полностью завершено строительство соборного храма. По его инициативе Глинская пустынь в 1870 году приобрела с торгов Сеймские мельницы, а в 1874—1877 годах в обители была построена двухэтажная каменная больница, в которой во время русско-турецкой войны (1877—1878) был организован временный лазарет для больных и раненых воинов, содержавшихся за счет обители².

За высоту своей духовной жизни и неустанные труды на благо ближних архимандрит Иннокентий получил от Бога дар непрестанной молитвы, прозрения будущего и в тайники человеческих душ, дар исцеления. От его духовного взора не могло скрыться ни одно падение кого-либо из братий, или их нерадение. Он призывал инока к себе, молился о нем, напоминал цель, ради которой оставляет человек мирскую жизнь, говорил о высоте монашеских обетов и этим самым возбуждал в провинившемся усердие к подвигам. Так, заботясь о спасении каждого, он поддерживал в иноках Глинской пустыни непосредственное горение духа, любовь ко Господу и стремление к высшему совершенству.

Среди многогранных трудов на пользу обители милосердный настоятель находил время и для приема богомольцев. К нему шли за духовным советом, просили благословения и молитв, получали материальную помощь. Архимандрит Иннокентий воистину, по апостолу Павлу, с плачущими плакал, а с радующимися радовался.

¹ Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906, с. 11.

² ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 790, л. 6 об.—7.

С приездом его в какой-либо уездный город «к дому, где он останавливался, съезжались экипажи, собирались многочисленные толпы народа, болящих, скорбящих, нуждающихся. Тут каждый получал требуемое: бедные — помощь, скорбящие — утешение, болящие — совет, а иногда и исцеление»¹. (Об исцелениях по молитвам архимандрита Иннокентия свидетельствуют многочисленные рассказы братии и богомольцев, горячо его любивших. Глинский иеродиакон Иоанникий даже говорил: «При о. Иннокентии мы мало болели»²). «Имя Иннокентия передавалось из уст в уста»³. Так велика была его популярность. Монах Г., живший много лет под его руководством, говорил: «Отец Иннокентий свои подвиги скрывал. Это был великий старец, выше всех других, хотя его считали за обыкновенного...»⁴.

В 1891 году при устройстве усыпальницы пришлось гроб его вынимать, крышка гроба сдвинулась. Находящийся рядом «послушник Василий увидел тело почившего о. Иннокентия нетленным. Покойный батюшка многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления»⁵.

В добровольном злострадании подвизался сорок четыре года в Глинской пустыни схимонах Архипп⁶ (в миру Афанасий Шестаков; 1825—1896). Тридцать три года подряд он нес тяжелое послушание на пекарне. Только по принятии схимы он был переведен с этого послушания на чтение Псалтири по благодетелям. За свое терпение, смирение, незлобие, воздержание, послушание о. Архипп сподобился от Бога многих даров: прозрения, исцеления, слез, умно-сердечной молитвы, памяти смертной. На службу ближнему во имя любви, на послушание «он смотрел как на заработок вечных благ»⁷. Отец Архипп был весьма воздержным в пище, сне, хранении своих чувств, по слову апостола Павла: «Все подвижники воздерживаются от всего...» (1 Кор. 9, 25) с целью получения нетленного венца.

Особое воздержание имел в пище о. Архипп в дни постов, а с переселением в Спасо-Илиодоровский скит, когда начал причащаться еженедельно, усилил и свой пост, почти всегда у него было сухоядение, без масла. Грубая сухая пища, разуме-

¹ Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906, с. 9.

² Там же, с. 14.

³ Там же, с. 9.

⁴ Там же, с. 6.

⁵ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 33—34.

⁶ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. 111 с., портр., ил.

⁷ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909, с. 326—361.

⁸ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, с. 7.

ется, была вредна «для изможденного подвигами о. Архиппа, но он желал лучше умереть, чем отступить от боголюбезного воздержания, поста и молитвы»¹. Такое воздержание многим казалось излишним. Но не лишнее оно было тому, кто хотел уподобиться Ангелам. Святой Симеон Столпник говорил: «Хотя пища не оскверняет человека, однако она рождает скверные помыслы, помрачает ум, вкореняет страсть (чревоугодия), претворяет духовного человека в плотского, пригвождая мысли его к плотским вожделениям» (Четьи-Минеи, 24 мая)². А святой Иоанн Златоуст, восхваляя пост, пишет: «Пост — это дар Божий, пост — пища Ангелов, пост посвятил в таинства Моисея, пост утвердил в вере Авраама... пост освятил Захарию, пост умудрил Иоанна, пост подкрепил Петра, пост доставил награду Павлу... пост... укрепив тело Христа, стремительно отразил нападения диавола... пост отгоняет сон и побуждает к песнопению, пост — вода, напоющая нас и уготовляющая нам источник бессмертия... О, пост! Ты устами постящихся призываешь милость и суд Божий...»³. Не любящие поста, как правило, бессильны, ленивы, нерадивы и на другие подвиги и тем самым подают врагу повод одержать над собой победу.

С самого начала поступления в обитель в 1852 году и до последних дней жизни о. Архипп особенно подвизался в стяжании смирения, терпения и всеми способами уничижал себя перед другими, заставляя выходить наружу скрывающиеся внутри страсти. С этой целью он носил порванную грязную одежду, нередко спал в пекарне на каменном полу и на угольях, или на полке под столом. Если кто-то его ругал, то он всем кланялся и у всех просил прощения. Порой он «тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным»⁴. Старец и не отрицал присваиваемых ему эпитетов, а, напротив, говорил: «Лучше всего дураком быть, да надобно уметь им сделаться»⁵. Возложив все упование на Бога, он очень мудро и как можно точнее стремился исполнять иноческий устав по слову святого апостола Павла: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3, 18).

Несмотря на наличие благодатных даров, о. Архипп не превозносился, а считал себя землей и пеплом, в похвалах не тщеславился, а ревновал о совершенстве, в случаях же

¹ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, с. 11.

² Там же.

³ Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т.9. Кн.2. СПб., 1903, с. 915.

⁴ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, с. 18.

⁵ Там же.

поношений побуждал себя к покаянию, избегал всякой славы, всячески изнурял свою плоть. Будучи совершенно больным, он «не принимал никаких мер к излечению, напротив того, как бы еще искал случая нанести больший вред своему здоровью. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли Которого и волос с головы человека не спадет, как уверяет нас слово Божие»¹. Вместе с тем в перенесении болезней он стяжал и терпение, а без терпения и мужества не может быть совершенна ни одна добродетель. Авва Дорофей пишет: «... если кто не имеет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения; а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может исполнить»². Поэтому Христос Спаситель призывал: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19).

Одним из главных доказательств святости старца и силы его молитв было чудесное освещение дороги в 1882 (или 1883) году. Однажды, возвращаясь из Софрониевой пустыни в свою обитель, о. Архипп и отец N очень задержались. Ехали темной ночью, «дорога проходила по краю глубокого оврага. Кучер предлагал сойти, и священноинок соглашался, но о. Архипп не хотел. Веря, что Ангелы — служебные духи — посылаются на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1, 14), он сказал: «Молись Богу, на Него надейся: нас сохранят Ангелы Его». С этими словами старец склонил голову на правую сторону и мысленно стал молиться. Отцу N страшно было ехать в полном мраке, при ежеминутной опасности ринуться в пропасть; он мысленно осуждал о. Архиппа и хотел снова сойти. Прозревая мысли его, старец сказал: «Сиди, я отвечаю; веруй, Господь не попустит», — взял отца N за руку и держал. «Не придется отвечать, когда ринемся вниз головой, не соберешь и костей наших», — помышлял отец N, но покорился. Вдруг появился какой-то луч и осветил лошадей, повозку и овраг, а все остальное окружающее пространство осталось в прежнем мраке. Отец N указал кучеру на чудесное освещение, тот молча кивнул головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза которого были закрыты. Но как только миновала опасность, о. Архипп открыл глаза, перекрестился и громко прославил Бога, а кучер сказал: «Проехали, батюшка!» С окончанием молитвы старца луч света исчез и воцарилась прежняя непроницаемая тьма. Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще более убедило спутников богобоязненного старца в чудесном освещении им дороги по святым молитвам о. Архиппа»³.

¹ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, с. 29.

² Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Изд. 2-е. СПб., 1862, с. 168.— (Почтение 14-е).

³ Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902, с. 38—40.

В подтверждение возможности чудес приведем слова святого Ефрема Сирина, который говорит, что небо и земля, море и воздух, и все, что в них, повинуются тому, у кого все сердце исполнено страха Божия¹. А святой Иоанн Лествичник пишет: «Никто по неразумию да не впадет в неверие, видя или слыша в монашеской жизни бывающее выше естества; ибо где Бог, превысший естества, являет Свое присутствие, там много бывает вышеестественного»².

Под духовным руководством смиренного, мудрого и строгого подвижника схимонаха Архиппа началась жизнь иноков в Спасо-Илиодоровском скиту Глинской пустыни. Многочисленные примеры духовных наставлений, дара прозрения, исцеления, обильно изливавшихся на ближних, читатель найдет в литературных источниках, посвященных боголюбивому старцу Архиппу.

В истории Глинской пустыни было немало подвижников, принимавших на себя трудный подвиг юродства: Глинский послушник Прохор юродивый (1829—1863), Глинский монах Кирилл юродивый (1834—1891), Глинский послушник Сергей юродивый (1870—1897) и другие. В своем поведении они нарушали порой общепринятые правила общежительной обители, но за странными и часто предосудительными поступками «юродивые скрывали чистое сердце, полное преданности Богу и самоотверженной любви к людям, что нередко и обнаруживалось у них делами, достойными самого высокого и просвещенного ума»³. Преподобный Паисий Величковский, оценивая подвиг юродства, пишет: «Великое дело юродство Бога ради, ибо оно обнимает все добродетели; из всего житейского они ничего не имеют у себя, только одно терпение всеусердно приобретают и тем все скорби преодолевают. Так, душа моя, в нынешнее время лучше этого нет пути ко спасению. Будь глух, нем, слеп и как бы не чувственным ко всему житейскому и от самих людей как безумный уединяйся и считай себя ни к чему не способным, как бы юродивым, Бога ради»⁴.

О многих именах Глинских подвижников, помимо литературных источников и архивных документов, мы узнаем из надписей на надгробных памятниках братского кладбища

¹ Творения Св. Ефрема Сирина. Ч.1. М., 1882, с. 521.

² Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица. Изд. 6-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901, с. 175.— (Слово 26, § 5).

³ Тесная врата. Виды подвижничества в русской земле/ Н. Сперанский. СПб., 1892, с. 81.

⁴ Паисий Величковский, архимандрит. Кринь сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания. О заповедях Божиих и о святых добродетелях. Изд. Русского Свято-Ильинского скита на Афоне. Одесса, 1910, с. 48.

этой обители. Здесь покоятся: благоговейный монах Досифей, дивный по жизни своей о. Лаврентий, любитель безмолвия о. Артемий, иеросхимонах о. Антоний безмолвник, иеросхимонах Амфилохий постник, схимонах Марко плачущий и многие другие¹.

Господь прославлял Своих угодников: одних при их жизни, других после их кончины. Известен, например, такой дивный случай, когда почивший старец-молитвенник иеродиакон Серапион «три часа перебирал в руках четки, тело его не разлагалось и не издавало запаха. Об этом говорили не только сподвижники о. Серапиона, но и Оптинский старец Амвросий»².

За высоконравственную жизнь и духовную опытность иноков Глинской пустыни часто направляли «для служения в другие обители и для управления оными»³.

С другой стороны, пустынь влекла истинных подвижников строгостью своего устава и старческими традициями. Так, в архивных документах Глинской пустыни хранится множество прошений о переводе из других монастырей в эту святую обитель⁴.

Заслуживает удивления жизнь Глинских подвижников не только прошлых веков, но и XX века. В начале XX века, еще до закрытия обители в 1922 году, стали известны имена таких Глинских

¹ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 30—34, 41—48, 53—54.

² Глинский Патерик/Сост. архимандрит Иоанн (Маслов). Загорск, МДА, 1970, с. 200.

³ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 49.

⁴ Приведем здесь лишь несколько примеров.

В 1827 г. по прошению в Глинскую пустынь из Валаамского монастыря был переведен бывший обер-священник армии и флотов иеромонах Петр (Павел Моджугинский) (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 108, д. 1279). В 1862 г. выразил желание жить на покое в Глинской пустыни настоятель Путивльского Молченского монастыря архимандрит Сосфен, считая, что в этой обители «поблагоднее, чем в других монастырях» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 17—17 об.).

В конце XIX—начале XX вв. на покой в Глинскую пустынь по прошению были переведены:

в 1894 г. настоятель Рыльского Николаевского монастыря игумен Симон (Симеон Титов) (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 439, д. 817, л. 1—2);

в 1904 г. казначей Тихоновой пустыни иеромонах Досифей (Терентий Кузьмин) (Государственный архив Сумской области (ГАСО), ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 12);

в 1907 г. такие знаменитые впоследствии Глинские подвижники, как иеросхимонах Никодим (Иван Калиуш) из Чуркинской Николаевской пустыни, настоятель Пустынского Успенского монастыря иеромонах Симеон (Стефан Юнг), иеромонах Иулиан (Иосиф Гагарин) из Курского Знаменского монастыря (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19, 15, 16);

в 1911 г. духовник Тульского Богородично-Щеглова монастыря иеромонах Исаия (Иван Миронов) (Государственный архив Курской области (ГАКО), ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 14 об.);

в 1917 г. настоятель Омского Покровского монастыря игумен Аристоклий (Авксентий Ветер) (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271, л. 1—2);

в 1921 г. архимандрит Феодосий, настоятель Николаевского Одрина монастыря (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974).

подвижников, как настоятель пустыни схиархимандрит Иоанникий (в миру Иоанн Гомолко), архимандрит Нектарий (в миру Николай Нуждин), старцы Спасо-Илиодоровского скита иеромонахи Софроний (в миру Симон Юденков), Феоктист (в миру Филипп Бородин) и многие другие.

Жизнеописание схиархимандрита Иоанникия впервые публикуется в этой статье и составлено автором по документам государственных архивов и личного архива автора.

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Исаия (впоследствии схиархимандрит Иоанникий, в миру Иоанн Гомолко) родился в 1842 году в семье обер-офицера¹, по другим данным, в семье отставного старшего сортировщика Могилевской почтовой конторы². С детства воспитанный в страхе Божиим, он отличался сосредоточенностью и самоуглублением. После окончания Гомельского уездного училища в 1865 году Иоанн поступил в Глинскую пустынь.

Отсекая во всем свою волю, предав себя в полное послушание старцам, молодой подвижник очищал сердце ежедневным исповеданием всех помыслов и поступков.

Отличительной чертой его духовной жизни была внутренняя собранность, сосредоточенное внимание к каждому своему помыслу, хранение ума, без которого истинное подвижничество невозможно. Много потрудился Иоанн для стяжания этой добродетели. Каждое утро и каждый вечер он испытывал себя (как тому учат святые отцы), проводил жизнь в строгом воздержании всех чувств и благоразумном молчании, при этом стремился ничем не выделяться среди братии, скрывал свои добродетели, опасаясь тщеславия.

Опытно познав, что ум его сосредотачивается на Богомыслии и память смертная помогает ему думать о последнем дне, подвижник еще ревностнее проявлял заботу о своем спасении. Смирение он ставил во главу угла, отыскивая для этого все возможные способы, всегда во всем обвиняя самого себя, старался терпеливо переносить укоризны от других, крайне остерегался осуждения.

Многими трудами, с болезнью сердечной и при помощи Божией стяжал подвижник собранность помыслов и непрестанную память о Боге. Каким бы делом он ни занимался, ум его пребывал в Богомыслии, которое, по учению святых отцов, является основанием внутреннего совершенства³. Даже лицо его носило отпечаток постоянной самособранности. Внутреннее преуспеяние привело и к внешнему.

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 191, отд. I, ст. 2, д. 5, л. 80; Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902, с. 47.

² ГАКО, ф. 20, оп. 3 л. д. 174, л. 9.

³ Иоанн (Маслов), архимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Диссертация на соискание ученой степени магистра богословия. В 2-х ч. В 8-ми т. Ч. 1. Т. 1. Троице-Сергиева Лавра, 1983, с. 125.

В 1874 году Иоанн был пострижен в монашество игуменом Иннокентием с именем Исаия; в 1880 году рукоположен во иеродиакона, в 1884 году во иеромонаха¹. Видя его духовную опытность, настоятель архимандрит Иннокентий назначил о. Исаию письмоводителем и поверенным по делам пустыни. В этой должности он стал «правой рукой» настоятеля и не только хорошо ознакомился со всем монастырским хозяйством, многотрудными обязанностями аввы обители, но и находился под непосредственным духовным руководством архимандрита Иннокентия. После кончины архимандрита Иннокентия Богу угодно было вверить о. Исаии управление обителью с 1888 по 1912 год. Большинство голосов монашествующей братии в октябре 1888 года он был избран на должность настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан игумена².

Много потрудился игумен Исаия для благоустройства и процветания обители, как внутреннего, так и внешнего ее облагораживания. Под его руководством в 1892 году была перестроена и расширена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы³, возобновлены иконы и вся утварь в храме Святых Богоотец Иоакима и Анны, в 1892 году в Спасо-Илиодоровском скиту была построена церковь во имя Нерукотворенного Спаса, в 1906 году к ней была пристроена каменная колокольня⁴. Его стараниями были устроены четыре домовые церкви⁵, каменный корпус для братии и два деревянных корпуса для приема богомольцев⁶. Благоустроил о. Исаия и больницу Глинской пустыни, которая в годы его настоятельства стала лучшей в епархии⁷. Здание больницы было «устроено по коридорной системе, со всеми необходимыми приспособлениями для вентиляции, дезинфекции и отопления... в особой комнате находилась аптека с запасом медикаментов, хирургических инструментов, имелась также сушильня трав, ванна... В 1896 году при больнице для тяжелобольных была устроена домовая церковь... Уход за больными осуществлялся под руководством фельдшера из монашествующих... для лечения опасно больных... приглашался врач из г. Глухова»⁸. Ежегодно в больнице Глинской пустыни пользовались медицинской помощью около девяти тысяч человек из братий и богомольцев⁹.

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 7.

² ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 1, 2, 7.

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ Там же.

ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2279, л. 8 об.

⁶ ГАСО, ф. 20, оп. 2, д. 176, л. 4—4 об.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1901, л. 9 об.

⁸ Там же, д. 2033, л. 10.

⁹ Там же, д. 1843, л. 15; д. 2033, л. 10 об.

Игумен Исаия ввел в Глинской пустыни, кроме обычных, уже бывших в ней монастырских должностей, много новых послушаний. Здесь были организованы мастерские живописцев, позолотчиков, коверщиков, ложечников, резчиков по дереву, переплетчиков, токарей, корзинщиков и другие. При нем в пустыни процветало садоводство, огородничество, пчеловодство и правильное рыбоводство¹. Эти послушания, с одной стороны, давали средства на содержание обители, а с другой — предоставляли возможность послушникам закалить себя в труде, научиться терпению. Насколько серьезно настоятель относился ко всем послушаниям, можно заключить из того, что при устройстве, например, живописной мастерской он письменно обратился к известному тогда художнику и реставратору Д. М. Струкову с просьбой дать практические советы по обучению живописцев, при этом сам четко и подробно описал процесс обучения, применявшийся в Глинской пустыни². (Вообще в письмах о. Исаии по делам обители отразилась природная острота его ума, высокая образованность, интеллигентность.) Позднее иконы, написанные в иконописных мастерских Глинской пустыни, украшали храмы монастыря³.

Мудрый настоятель значительно увеличил капитал обители⁴. Из уважения к строго подвижнической жизни настоятеля Глинской пустыни и ее иноков резко возросло число благотворителей монастыря. За годы настоятельства о. Исаии обители было пожертвовано разными лицами более 220 десятин пахотной и сенокосной земли, 257 десятин леса, 23 десятины полевой земли⁵. Монастырское землевладение Глинской пустыни стало самым большим в Курской епархии⁶.

Одновременно с ростом благосостояния Глинской пустыни возрастала и ее благотворительность.

Обитель ежегодно принимала около пятидесяти тысяч богомольцев, которые размещались в монастырской странноприимнице (на ее содержание пустынь расходовала около шести тысяч рублей)⁷, бесплатно пользовались жильем, монастырской трапезой, лекарствами, одеждой, обувью, а иногда получали и денежную помощь⁸.

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. Т. 2. СПб., 1899, с. 612.

² ЦГИА СССР, ф. 695, оп. 1, д. 155, л. 1-2.

³ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. I. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 50.

⁴ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

⁵ ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.

⁸ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. I. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 76.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1396, л. 38.

К особому виду благотворительности относится создание в 1890 году при Глинской пустыни Дома трудолюбия для обучения крестьянских детей-сирот не только разным ремеслам, но также грамоте и закону Божию. Вначале этот дом был рассчитан на 15—20 мальчиков, но позднее в нем обучалось под руководством монашествующих 125¹, а в 1904 году — 187² учеников.

Для духовной пользы братии отец настоятель собрал прекрасную библиотеку из аскетических и духовно-нравственных книг (если в 1894 году в библиотеке пустыни было лишь 345 экземпляров³, то в 1910 году — уже около 1350⁴). Кроме того, заботясь о духовном просвещении народа, о. Исаия организовал в 1891 году в Глинской пустыни издание религиозно-нравственных книг и листов⁵.

Среди всех этих многогранных трудов настоятель особенно заботился о духовной жизни братии, о бодрствовании каждого инока над своей душой. Внимание к помыслам уподоблял о. Исаия мысленной мастерской, в которой страстная жизнь переделявается в бесстрастную. Часто братия, принимая от него благословение, получали и наставление: «Будь внимателен!» Это энергичное слово настоятеля сообщало им бодрость духа. Призывал он всех стяжать внимание к своим душам, предложенное святыми отцами: «Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи»⁶, то помыслы его собираются. Для стяжания этой добродетели призывал он братию также хранить везде молчание и подвизаться в постничестве, побуждал к строгому воздержанию в пище. Так, например, он ограничивал монахов в белом хлебе и квасе⁷. Отец Исаия ревностно следил за всем в монастыре и не оставлял без внимания ни малейшей погрешности братии, так как знал, что без контроля внутреннего и внешнего трудно человеку спастись. Исправление нарушений иноками устава, возведение их на должную высоту монашеских подвигов потребовали от настоятеля огромных трудов. За это он и был признан «строгим ревнителем правил церковных и жизни иноческой»⁸. Некоторые из братий даже роптали на него за строгость, но он заботился только о том, чтобы деятельность свою сделать угодной Богу. Впоследствии и недовольные были ему благодарны.

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1843, л. 11 об.

² Там же, д. 2033, л. 9 об.

³ ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 7.

⁴ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 4.

⁵ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, с. 81.

⁶ Преподобных отцов Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1883, с. 226.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 1164, л. 1.

⁸ Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, с. 92.

Настоятель сам прошел строгую школу полного послушания старцам и знал, что невозможно иноку трезвиться без частого откровения помыслов. Поэтому при нем старчество особенно процвело в обители¹. При поступлении в монастырь каждому назначался старец (по своему желанию нельзя было избирать)², которому ежедневно следовало открывать все свои мысли и поступки, без его благословения ничего нельзя было предпринимать. Именно это делание возводило Глинских подвижников на высоту духовного совершенства, сохраняло преемственность древних иноческих традиций.

Слава о Глинской пустыни и ее богомудром настоятеле привлекала множество желающих поступить в святую обитель. При о. Исаии численность насельников пустыни почти утроилась, составив в 1909 году 598 человек³.

Под его многоопытным руководством сформировался целый сонм духовных подвижников, которые пронесли старческие традиции Глинской пустыни через всю свою жизнь и воплотили их в духовной жизни обители в 1942—1961 годах. По свидетельству одного из великих старцев Глинской пустыни, «среди иноков обители не было ни вражды, ни обмана, ни ссоры, они даже не знали, что такое лесть»⁴.

Духовное преуспевание иноков, которые «после обычных подвигов внутренних и внешних дошли до того, что чувствовали сильное влечение внутрь, чтоб быть там с единым Господом»⁵, позволило о. Исаии осуществить свое сокровенное желание об устройении при обители скита, который был создан в 1893 году на месте подвигов схиархимандрита Илиодора. В скиту был особый устав, составленный настоятелем, совершенно воспрещавший вход женщинам. По его же благословию было установлено там непрерывное чтение Псалтири (в начале XX века Глинская пустынь была единственной обителью Курской епархии, где поддерживались такие подвижнические труды⁶).

Духовная жизнь в Глинской пустыни при о. Исаии была на таком высоком уровне, что многие епитимийцы, присылаемые в обитель из других монастырей, исправлялись, пожив в пустыни даже короткое время⁷.

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14; д. 2461, л. 10.

² Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 440, д. 987, л. 20; ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89.

⁴ Личный архив автора. Старец Андроник/Сост. архимандрит Павлин (Миценко).

⁵ Курские Епархиальные ведомости, 1900, № 10, с. 152.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2033, л. 8 об.

⁷ ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 27 об., 30 об., 32.

За свою плодотворную и многотрудную деятельность игумен Исаия был удостоен многих наград, в том числе и орденов Св. Анны II и III степени, а в 1903 году возведен в сан архимандрита¹. Его почитали как высокодуховного, «строгого и умного»² старца. Святитель Феофан, Затворник Вышенский, называл о. Исаию «старцем многоопытной мудрости» и просил его молитв³. Сам же старец проводил жизнь скромную, смиренную, желая не человеческой славы, а только угождения Господу и единения с Ним. Постоянная бдительность над собой, непрерывная молитва привели его к подлинному безмолвию и бесстрастию. Как высшего подвига ради любви ко Христу желал он схимы, которую удостоился принять в 1906 году с именем Иоанникий⁴. С этого времени старец усилил свои подвиги, ночи проводил в бодрствовании, ограждая обитель своими святыми молитвами. Жизнь его поистине стала отшельнической, хотя он и оставался настоятелем большого монастыря.

Видя, сколь великую пользу получает обитель от богомудрого настоятеля, враг воздвиг на него гонение, восстановив против него отставного генерал-лейтенанта Павла Митропольского, арендовавшего у Глинской пустыни дом. Генералу удалось настроить против настоятеля небольшую кучку братьев, недовольных строгостью схиархимандрита Иоанникия. В 1909—1910 годах в Св. Синод поступило шесть заявлений, порочащих старца⁵. Его обвинили в якобы разорительном для монастыря ведении хозяйства, хотя процветание обители свидетельствовало об обратном.

В ответ на клеветнические заявления в 1909 году в Глинской пустыни были проведены две ревизии административно-хозяйственной части, а в 1910 году — дополнительное следствие, по результатам которых Курская Духовная Консистория не только не подтвердила виновность настоятеля, но и признала его образ жизни безупречным⁶. Архиепископ Питирим (Оков), занимавший тогда Курскую кафедру, лично знал старца и защищал его от гонителей. Отсылая в Св. Синод оправдательное заключение Курской Духовной Консистории по делу схиархимандрита Иоанникия, он просил оградить «достойного настоятеля»⁷ Глинской пустыни от несправедливых обвинений. Но тогда Павел Митропольский оклеветал в Св. Синоде и архиепископа Питирима, в результате чего его перевели в другую

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 6.

² Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

³ Курские епархиальные ведомости, 1900, № 10, с. 152.

⁴ ГАСО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 9 об.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 78, отд. 3, ст. 5, д. 2.

⁶ Там же, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 1.

⁷ Там же, оп. 205, д. 737, л. 10 об.

епархию¹. На Курскую кафедру был назначен архиепископ Стефан (Архангельский)², который поверил клеветникам и направил в начале 1912 года в Св. Синод прошение об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля. Вскоре после этого старец был удален из обители³. Безусловно, Богу было угодно, чтобы он в довершение всех своих подвигов перетерпел еще и несправедливое гонение.

Когда схиархимандрит Иоанникий покидал обитель, вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек, вода поднялась высоко, а старец вышел из монастыря, перекрестил воду и на глазах у всех пошел по ней, как посуху⁴, повторив чудо, совершенное когда-то преподобным Иоанникием Великим⁵. Так Господь прославил Своего угодника и всем открыл святость его жизни и несправедливость возведенных на него обвинений.

Дальнейшая судьба святого старца неизвестна, но память о нем жива. Рассказы о его святой жизни и подвигах, о его наставлениях передаются из поколения в поколение Глинских иноков.

В заключение следует подчеркнуть, что Глинские подвижники всех времен духовно едины. Подобно святым отцам прежних веков они имели такую большую заботу о пастве, что «не пропускали ни малейшего небрежения или преслушания; они были милостивы, где следовало, и были строги, где настояла потребность, согрешавших обличали и понуждали к добру...⁶». Глинских иноков объединяло и стремление к исполнению строгого устава, составленного «по чину Афонскому» еще игуменом Филаретом в 1821 году.

Духовные наставления боголюбивого старца Филарета передавались сначала из уст в уста, потом записывались и исполнялись иноками Глинской пустыни.

Приведем несколько высказываний-наставлений богомудрого старца Филарета: «Мы, христиане, имеем долг идти вслед Спасителя. Взирая на страдания и смерть Его, должны всегда понуждать худшее покорить лучшему и плоть поработить духу, чтобы сделать себя по образу и подобию Божию. Образ — в душе человеческой, подобие же — в добродетелях...

Кто совершенно покорит себя воле Божией (чрез послушание старцам и старшим), тот свою волю во всем оставит, тому и не бывает скорби, ибо врагу места там нет. Своевольным же и непокорным враг никогда не дает покоя и будет всегда наводить смущение. Что делается не так, как хочется, все Богу

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 439, д. 734.

² Там же, оп. 442, д. 2461, л. 1.

³ Там же, оп. 194, д. 1164, л. 9.

⁴ Личный архив автора. Из рассказов Схиархимандрита Андроника (Лукаша).

⁵ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Месяц ноябрь. Изд. 2-е. М., 1905, с. 60.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти кн. Кн. III. Т. 5. М., 1989, с. 189.

неугодным вмени (т. е. свое хотение и желание) и мирен будешь, и враг не будет тревожить... Понуждай себя считать меньшим и худшим всех в добродетелях и недостаточным в познании духовного делания...

В умномысленном делании и молитве наиболее состоит истинный подвиг монашества; в нем бывает истинное познание духовных вещей и Бога...»¹.

¹ Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской Общежительной Пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп. и перераб. Одесса, 1905, с. 41—43 («Общие наставления отца Филарета»), с. 43—44 («Монашеские наставления отца Филарета»).

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ КАК ЦЕНТР ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ СТАРЧЕСТВА (1942—1961)

Знаменитая Глинская Рождество-Богородицкая пустынь возникла в первой половине XVI века¹ на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы недалеко от Путивля². Издавна пустынь славилась строгостью истинно подвижнического устава, высотой духовной жизни своих насельников, особой силой религиозно-нравственного воздействия на народ, для которого всегда была «идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига»³. Это отмечали многие иерархи Русской Православной Церкви, считая Глинскую пустынь истинной школой монашеского делания, «школой Христовой»⁴.

В отчетах Св. Синоду о Курской епархии все правящие архиереи называли Глинских старцев «украшением монашества»,

¹ Златоверховников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии, Курск, 1902, с. 76.

Подробное обоснование времени возникновения Глинской пустыни приведено в монографии схиархимандрита Иоанна Маслова «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках.»— Примеч. составителей.

² Сейчас территория Глинской пустыни относится к селу Сосновка Глуховского района Сумской области.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14.

⁴ Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальника Алтайской духовной миссии. Ч. 2. М., 1860, с. 153.

Курские епархиальные ведомости, 1900, № 10, с. 149.

ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 14.

которые «умножают неприметно для своего смирения число почитателей»¹ монастыря.

В обители строго соблюдался устав, составленный «по образцу Афонского»². Богослужения начинались в полночь, ни у кого не было никакой собственности, братия сама исполняла все черные труды, женщинам вход везде, кроме храма, был воспрещен³, с родственниками можно было видаться только в гостинице, и то по благословению настоятеля, в келлиях не разрешалось никого принимать⁴.

Но особенно выделялась Глинская пустынь среди других монастырей процветавшим в ней старчеством. Это была одна из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. Сущность такого окормления, как это отражает устав Глинской пустыни, состояла в том, что все поступавшие в обитель с первого дня «поручались искусному старцу в повиновение»⁵. Ежедневно они приходили к старцу, очищали совесть подробным исповедованием всех своих помыслов, желаний и поступков, во всем должны были «советоваться со старцем... ни в чем не составлять своего разума»⁶, то есть полностью отказываясь от своей воли, беспрекословно выполнять все указания старца.

В начале XX века архиереи Курской епархии свидетельствовали, что «старчество как духовный институт издавна существует в Глинской пустыни и оказывает благотворное влияние не только на братию, но и на богомольцев. Подавая пример доброй нравственности, старцы руководят неопытных в духовной жизни и вразумляют заблуждающихся. Благодаря их влиянию и строгому надзору братия усердно ревнует о своем спасении»⁷. В обители были не один-два, а много старцев, известных своей прозорливостью и святостью⁸. Воспитанные ими иноки отличались духовной опытностью и строгостью жизни. Именно поэтому из Глинской пустыни очень часто избирали иеромонахов на начальствующие должности в другие монастыри для утверждения там истинного монашеского жития⁹.

Рассматривая старчество Глинской пустыни как неотъемлемую часть старческого делания на Руси, начатого преподобным Паисием Величковским, исследователи нередко сравнивают

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.

² Там же, оп. 102, д. 936.

³ Там же, л. 33.

⁴ Там же, л. 32.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14.

⁸ Там же, д. 2754, л. 10.

⁹ Там же, д. 57, л. 6.

Там же, оп. 135, д. 115, л. 2.

Глинскую пустынь с Оптиной, благодаря именно старческим традициям, связывающим эти обители¹. Известно, что сам преподобный старец Амвросий Оптинский почитал высоту и строгость духовной жизни Глинской пустыни², направлял туда учеников³, напоминал в своих наставлениях о подвигах Глинских старцев⁴ и вел с ними переписку⁵.

Но если история Оптиной пустыни освещена достаточно подробно, то этого нельзя сказать о Глинской. Последний очерк об этой обители был опубликован еще в 1912 году⁶. А ведь пустынь жила и процветала духовными подвигами и до ее закрытия в 1922 году, и особенно в близкий нам период с 1942 по 1961 годы, которому в основном и посвящена эта статья. Период с 1912 по 1922 год исследован нами отдельно⁷, но поскольку о нем ранее не было никаких публикаций, приведем здесь хотя бы краткое описание состояния обители перед ее первым закрытием.

Второе десятилетие XX века — один из самых сложных периодов истории России. В годы первой мировой войны, революции и гражданской войны Глинская пустынь принимала самое деятельное участие в помощи бедствующему народу. В этом велика заслуга ее настоятеля игумена Нектария (Нуждина), избранного в 1912 году большинством монашествующих Глинской пустыни⁸. К этому времени обитель отличалась благоустройством внутренним и внешним и славилась строгой высокодуховной жизнью иночествующих, чем во многом была обязана трудам прежнего настоятеля — святого старца схииеромандрита Иоанникия (Гомолко). В описываемый период в пустыни было пять отдельных храмов (два из них в скитах) и

¹ Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Изд. 2-е. Париж, 1988, с. 254, 279.

Четвериков С., протоиерей. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926, с. 25.

Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время / Ред. Е. Ю. Концевич и Г. Д. Подмошенский. Джорданвилль, 1970, с. 49—52, 171.

² Иоанн (Маслов), игумен. Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие / Московская Духовная Академия. Загорск: Троице-Сергиева Лавра, 1968—1969, с. 105.

³ ГБЛ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 7 об., 206 об.

⁴ Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900, с. 120.

Иоанн (Маслов), архимандрит, магистр богословия. Оптинский старец преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие. — Богословские труды. М., 1990, сб. 30, с. 124.

⁵ ГБЛ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 112 об. — 113.

⁶ Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Изд. 3-е. Курск, 1912.

⁷ Иоанн (Маслов), схииеромандрит. Глинская пустынь. История обители и ее духовно просветительская деятельность в XVI—XX веках.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 194, д. 1399.

четыре домовые церкви¹. Храмы были каменные (кроме храма в Спасо-Илиодоровском скиту), прочные, красиво украшены, отличались чистотой, богатством ризницы и церковной утвари. Кроме того, в пустыни было пятнадцать корпусов для настоятеля с братией и восемь корпусов при гостинице для приема богомольцев, трапезная, прачечная, больница с аптекой, хозяйственные постройки².

Благодаря заботам настоятеля и огромному трудолюбию Глинских иноков в обители процветали самые разные ремесла. Пустынь владела четырьмя водяными мельницами, более чем 400 десятинами леса, 930 десятинами сенокосной и пахотной земли. Это было самое большое монастырское землевладение в Курской епархии³.

Но главное, чем, как и в прежние годы, славилась обитель,— это высокодуховная жизнь ее иноков. Строгий Афонский устав соблюдался при игумене Нектарии столь же ревностно, как и при его предшественниках. Глинская пустынь в начале XX века была единственным мужским монастырем в епархии, где поддерживалось неумолкаемое чтение Псалтири⁴.

В духовной жизни пустыни главное место занимало старчество. По свидетельству схиархимандрита Андроника (Лукаша), благочинного Глинской пустыни в 1949—1958 годах, при игумене Нектарии были великие старцы: духовник и начальник Спасо-Илиодоровского скита иеромонах Феоктист (Бородин), подвижник Спасо-Илиодоровского скита иеромонах Софроний (Юденков), деятельной Иисусовой молитвой занимался старец Герасим (Рунский), особой строгостью жизни отличался иеромонах Иулиан (Гагарин)⁵.

¹ Государственный архив Курской области (ГАКО), ф. 20, оп. 3д, д. 174, л. 2 об.—4.

² Государственный архив Сумской области (ГАСО), ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2 об.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2525, л. 9 об.

⁴ Там же, д. 2033, л. 8 об.

⁵ **Иеромонах Феоктист** (в миру Филипп Бородин) родился в 1831 г. в г. Козлове Тамбовской губернии в семье мещан. Когда ему исполнилось 35 лет, поступил в Глинскую пустынь (женат не был). Игуменом Иннокентием (Степановым) пострижен в монашество в 1874 г. и за примерную монашескую жизнь определен пономарем при церкви. В 1889 г. он был рукоположен во иеродиакона, в марте 1893 г. определен помощником ризничего, в 1894 г. рукоположен во иеромонаха. За высокодуховную жизнь в мае 1895 г. он был утвержден братским духовником Спасо-Илиодоровского скита, в ноябре 1895 г. утвержден начальником этого скита и в 1897 г. награжден набедренником (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 14). За труды по поддержанию в скиту строгой отшельнической жизни в апреле 1901 г. награжден наперсным крестом, от Св. Синода выдаваемым. Одновременно исполнял должность братского духовника. По прошению уволен от должности скитного начальника в 1906 г. и проходил соборное священнослужение в скиту. По отзыву настоятеля схиархимандрита Иоанникия, он был «качеств очень хороших, к службе Божией и безмолвию усерден» (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 13). Отец Феоктист был старцем насельников скита и духовно окормлял всю братию обители. Пользовался огромным авторитетом. С 1911 г. по старости он уже не священнодействовал.

Старчествовал и сам игумен Нектарий¹. Старчество и строгость устава привлекали иночествующих и умножали число братии Глинской пустыни. В 1912 году в обители было 484 человека, в 1916-м — 435. Сокращение числа братии в 1916-м и, особенно, в 1915 году до 379 человек было вызвано тем, что многих послушников взяли в действующую армию².

Глинская пустынь всегда была известна своей благотворительностью, проявлявшейся в самых разнообразных формах.

Еще в 1854 году в обители была устроена больница. Лечили здесь братий монастыря, богомольцев и жителей окрестных деревень три фельдшера из монашествующих, а в тяжелых случаях из Глухова приглашали врача, которому обитель платила 200 рублей в год. При больнице была аптека. До самого за-

Иеромонах Софроний (в миру Симон Юденков) родился в 1843 г. в семье государственных крестьян Путивльского уезда Курской губернии. В Глинскую пустынь поступил, когда ему было 25 лет. В монашество пострижен игуменом Иннокентием в 1874 г., во иеродиакона рукоположен в 1884 г., во иеромонаха — в 1895 г., набедренником награжден в сентябре 1898 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 15). Подвизался в Спасо-Илиодоровском скиту, где проходил чредное священнослужение. Отличался даром духовного рассуждения, принимал иноков на откровение помыслов.

Иеромонах Иулиан (в миру Иосиф Гагарин) — родился в 1853 г. в семье мещан в г. Мещовске Калужской губернии. В 1882 г. поступил в Глинскую пустынь. Послушание проходил при больнице, отличался состраданием к больным, усердно ухаживал за ними. В мае 1884 г. пострижен в рясофор (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л., д. 89, л. 56), а в июне 1889 г. игуменом Исаией (Гомолко) — в монашество (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л., д. 109, л. 41). В декабре 1893 г. перемещен в Курский Знаменский монастырь, где в 1896 г. был рукоположен во иеродиакона, в 1897 г. — во иеромонаха. В сентябре 1902 г. награжден набедренником, в феврале 1907 г. по прошению переведен на покой в Глинскую пустынь, по болезни священнослужение не проходил (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 16; ГАКО, ф. 20, оп. 3 л., д. 174, л. 22). Был очень строгой жизни, от вопрошавших его требовал полнейшего отречения от своей воли, чем успешно достигал исцеления их душ.

Монах Герасим (в миру Гавриил Рунский) родился в 1844 г. в семье мещан г. Конотопа Черниговской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 16 лет, послушание проходил при трапезной и только через 17 лет подвижнических трудов был пострижен в монашество игуменом Иннокентием. От принятия священного сана по смирению отказывался, стремился к безмолвной жизни. В 1892 г. поступил в скит и проходил послушание пономаря при церкви Ближнего скита. Прозревал помыслы приходящих к нему, вел строго подвижническую жизнь, никогда не убирал своей кельи. По отзыву архимандрита Исаии, был «качеств очень хороших» (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 41). В 1918 г. по старости лет послушание уже не проходил, всецело предавшись духовным подвигам (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 32; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 33).

Более подробные жизнеописания этих подвижников см. в работе: Глинский Патерик /Сост. схиархимандрит Иоанн (Маслов). 2-я ред.

¹ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

² ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 440, д. 987, л. 30 об.

Там же, оп. 442, д. 2754, л. 9.

ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 501.

крытия обители больница Глинской пустыни считалась лучшей в епархии. Обращавшихся за лечебной помощью было от 3859 человек (в 1913 г.) до 11000 человек (в 1915 г.), в том числе и беженцев¹.

В 1912—1916 годах в Доме трудолюбия при Глинской пустыни обучалось от 30 до 50 мальчиков (в основном бедных сирот). На содержание Дома трудолюбия обитель тратила от 2500 рублей (в 1913 г.) до 4000 рублей (в 1916 г.)².

По сравнению с другими монастырями Глинская пустынь значительно больше помогала простым бедным людям. Обитель содержала странноприимницу, где жили приходящие в пустынь богомольцы и странники. Обычно за год бывало не менее 60000 бедных богомольцев. Общая сумма расходов на бесплатные обеды составляла от 8000 рублей (в 1914 г.)³ до 10000 рублей (в 1916 г.)⁴. Кроме того, пустынь помогала бедным вдовам, сиротам и погорельцам из окрестных деревень дровами, лесом, мукой и прочим.

Из-за распространения ересей в Курской губернии (штундизма) в 1913 году в Глинской пустыни был организован проповеднический кружок из тридцати человек, члены которого, «ежегодно развивая свою деятельность, сделали проповедование слова Божия постоянным и планомерным»⁵. Во время богослужения ежедневно читались поучения, а внебогослужебные чтения для народа проводились в монастырской гостинице. В благословение от обители всем желающим раздавались бесплатно образки, книги, крестики, листки. В течение 1913—1916 годов пустынь на эти цели выделяла ежегодно около 1000 рублей⁶.

Просветительная деятельность Глинской пустыни выражалась также в содержании на ее средства Дома трудолюбия и в пожертвовании монастырских сумм на содержание духовных учебных заведений (в 1915 г. было пожертвовано 179 рублей, в 1916 г.—125 рублей)⁷.

Самое деятельное участие принимала обитель в оказании помощи армии и народу во время первой мировой войны (1914—1918). Духовная помощь Глинской пустыни выражалась прежде всего в усердной и вдохновенной молитве ее иноков о

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2586.

² Там же, д. 2708.

³ Там же, д. 2586.

⁴ Там же, д. 2754.

⁵ Там же, д. 2646.

⁶ Там же, д. 2754.

⁷ Там же, л. 10.

⁸ Там же.

⁹ Курские епархиальные ведомости, 1914, № 20, с. 272.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 17.

¹¹ Там же, д. 2754, л. 10.

даровании победы над врагами. На проскомидии, сугубых ектениях за Божественной литургией возносились моления о здравии русских воинов, об укреплении их религиозно-нравственного духа. Совершались также заупокойные литургии и панихиды по убиенным воинам.

Большое внимание уделялось духовно-нравственному воздействию на народ. В проповедях священноиноки разъясняли учение Церкви о войне, о высоте служения христоролюбивых воинов, ценой своей жизни защищающих святую веру и Отечество. Такие поучения, с одной стороны, пробуждали патристическое сознание народа, с другой — напоминали об истинном смысле человеческой жизни — спасении души, о необходимости готовиться к смерти как к переходу в жизнь вечную. Правильное, православное отношение к жизни и смерти духовно укрепляло и воинов действующей армии, и их семьи, оставшиеся без кормильцев.

Для удовлетворения религиозных потребностей воинов Глинская пустынь командировала в 1915 году в действующую армию двух иеромонахов. С ними были отправлены ризница, богослужебные книги, облачения и деньги¹.

В военное время Глинская пустынь заботилась не только о духовной, но и о материальной помощи страждущим. Помощь эта направлялась как на излечение раненых, так и на поддержку семей воинов.

В Глинской пустыни был устроен лазарет для больных и раненых воинов на двадцать человек. Все необходимые для лазарета вещи (медикаменты, кровати, белье) были заготовлены на средства обители. Ухаживали за больными монашествующие под руководством опытного инок-фельдшера². Кроме того, при обители был устроен санаторий на двенадцать человек для воинов, нуждающихся после лечения в отдыхе, а также приют для детей погибших на 15 мальчиков³. Для увечных воинов были оборудованы столярная, сапожная и швейные мастерские⁴. В Курске на средства епархиальных монастырей был оборудован госпиталь. От Глинской пустыни поступало 20 процентов средств на его содержание⁵. На оборудование и содержание еще одного госпиталя (в Знаменской роще Курского монастыря) только в 1914 году Глинская пустынь пожертвовала более 2000 рублей⁶.

В 1915 году в обители побывало около 60000 беженцев. Они жили в монастырской гостинице и получили 100 000 бесплат-

¹ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, д. 794, л. 2 об.

² Там же, д. 794, л. 4.

³ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 54.

⁴ Там же, л. 55.

⁵ Там же, д. 2754, л. 40.

⁶ Там же, ф. 834, оп. 4, д. 794, л. 4.

ных обедов на сумму 10000 руб. Пользовались также бесплатно одеждой, обувью, лекарствами, многим из них были выданы деньги¹. На нужды Красного Креста в 1915 и в 1916 годах пустынь пожертвовала по 5000 рублей², часть этих денег была направлена на расходы по устройству быта беженцев.

О Глинской пустыни периода 1912—1916 годов сохранилось достаточно много сведений, в основном в ежегодных епархиальных отчетах, поступавших из Курской Духовной Консистории в канцелярию Св. Синода. Но в начале 1918 года Курская Духовная Консистория была упразднена, архив ее похищен³, и о периоде 1917—1922 годов в различных архивах содержатся лишь отрывочные разрозненные сведения. Но и они свидетельствуют о том, что, несмотря на продолжавшуюся войну и на революционный переворот в общественно-политическом строе страны, Глинская пустынь до самого закрытия в 1922 году продолжала жить насыщенной, полноценной духовной жизнью, являясь великой поддержкой и опорой для народа.

Несмотря на военное время, в пустыни оставалось достаточно много насельников: в 1918 г.—339⁴, в 1919 г.—345⁵ человек, хотя не все послушники, призванные в армию в 1914—1916 годах, смогли скоро вернуться в обитель: некоторые попали в плен и вернулись лишь в 1920—1921 годах⁶.

До самого закрытия в обители неопустительно совершались все положенные богослужения (по праздникам даже три литургии), не прекращалось «неумолкаемое чтение Псалтири»⁷. Как и всегда, совершались постриги в монашество (в 1918 г. 15 постригов, в 1920 г.—18; для сравнения: в 1911 г.—16)⁸, рукоположения во иеромонахов и иеродиаконов⁹, постриги в великую схиму¹⁰.

¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 57 об.

² Там же, л. 56

Курские епархиальные ведомости, 1916, № 43, с. 528.

³ ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 137.

⁴ ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3.

⁵ Там же, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

⁶ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

ЖМП, 1985, № 6, с. 58.

⁷ ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3, л. 33.

⁸ Там же, д. 3.

ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144.

Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 174.

По архивным данным последний постриг был совершен в Глинской пустыни 20 февраля 1922 г. (ГАКО, ф. Р2511, оп. 1, д. 137), но, возможно, были и позже.

⁹ Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 256.

В 1918 г. рукоположили 9 иеродиаконов и 10 иеромонахов.

¹⁰ Там же, оп. 2, д. 601.

ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 615.

Там же, оп. 1, д. 267.

Но самое главное — в пустыни по-прежнему процветало старчество, что привлекало не только молодых послушников (в 1917 г. в обитель поступило 13 человек¹, в 1918 г.—12²), но и опытных в духовной жизни подвижников. Так, в 1917 году в Глинскую пустынь вернулся настоятель Омского Покровского монастыря, бывший ризничий Глинской пустыни игумен Аристоклий (Ветер)³.

По прошению на покой в Глинскую пустынь были переведены:

в 1917 году иеромонах Дионисий (Чуканов), бывший казначей Обоянского монастыря, затем руководитель миссионерского кружка при Коренной пустыни⁴;

в 1919 году иеромонах Иринарх (Степанов), бывший наместник Николаевского Рыльского монастыря⁵;

в 1921 году архимандрит Феодосий, бывший настоятель Николаевского Одрина монастыря⁶.

Это были старцы высокой духовной жизни. Об архимандрите Феодосии, например, епископ Орловский и Севский Серафим (Остроумов) писал, что это «прекрасно настроенный, монашески воспитанный, духовный старец»⁷.

По воспоминаниям Глинских иноков, в то время старчествовал не только настоятель обители⁸, но и иеромонах Николай (Калиный)⁹, монах Герасим (Рунский)¹⁰, духовник обители иеросхимонах Иоанн (Макаров)¹¹.

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3.

² Там же.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271.

⁴ ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3, л. 19.

⁵ Там же, оп. 1, д. 4.

⁶ ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974.

⁷ Там же.

⁸ ЖМП, 1985, № 6, с. 58.

⁹ Иеромонах Николай (в миру Никита Калиный) родился в 1861 г. в семье крестьян Старооскольского уезда Курской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 1885 г. Исполнял послушание звоняря, затем был «записчиком при церкви» (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 62; ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 62). В 1897 г. был пострижен в монашество, в 1900 г. рукоположен во иеродиакона. В сентябре 1906 г., как опытный в духовном делании подвижник, перемещен в Николо-Тихвинский скит Саратова, где в ноябре 1906 г. был рукоположен во иеромонаха, а в апреле 1907 г. назначен скитоначальником. За устроение духовной жизни насельников скита, по личному заявлению Преосвященного Аполлинария, награжден набедренником в 1909 г., а в 1912 г. ему было преподано благословение Св. Синода. По прошению в 1913 г. перемещен в Глинскую пустынь, где до закрытия обители заведовал Сеймскими мельницами (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 44).

¹⁰ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

¹¹ Иеросхимонах Иоанн (в миру Иван Макаров) родился в 1866 г. в г. Боброве Воронежской губернии в семье мещан. В Глинскую пустынь поступил, когда ему было 19 лет. Послушание проходил на клиросе, после пострига в монашество в 1897 г. с именем Игнатий и рукоположения в иеродиакона в 1898 г. был назначен уставщиком в церкви. В 1902 г. был

Сохранение старческих традиций в обители позволило воспитывать истинных подвижников. До самого закрытия при ней существовали два скита, где преуспевшие в духовной жизни проходили подвиг безмолвия, стремясь к полному единению с Господом (в Дальнем скиту в 1918 году, например, было 12 насельников¹).

Для содержания обители иноки трудились на многочисленных монастырских послушаниях: до последних дней сохранялась живописная мастерская², велись и строительные работы³.

Обитель по-прежнему оказывала помощь населению. При пустыни сохранилась больница с аптекой⁴, где богомольцы получали медицинскую помощь и лекарства. До 1918 года существовал и Дом трудолюбия, в котором было двадцать мальчиков⁵ (более поздние сведения не сохранились). Кроме того, из-за недостатка священнослужителей на приходах Глинская пустынь направляла туда своих иеромонахов, которые с разрешения архиерея совершали также таинства Брака и Крещения⁶.

Но постепенно наступление на Церковь Христову, которое проводила советская власть, затронуло и Глинскую пустынь. Сначала было значительно сокращено монастырское землевладение. К началу 1919 года у обители оставалось 627 десятин земли⁷ (по сравнению с 1346 десятинами в 1917 г.)⁸. В 1921 году отобрали мельницу⁹, а в мае 1922 года (в соответствии с декретом ВЦИК от 16 февраля 1922 г.) было проведено изъятие монастырских ценностей (риз с икон, дарохранительниц, чаш, дискосов, лампад, кадильниц — всего 211 серебряных предметов) «общим весом 11 пудов и пять и 3/4 фунта»¹⁰.

переведен в Рыльский Николаевский монастырь, где в 1906 г. рукоположен во иеромонаха и назначен ризничим. В 1911 г. возвращен в Глинскую пустынь. В октябре 1914 г. указом Курской Духовной Консистории был назначен в отряд Красного Креста, где в 1915 г. за ревностное исполнение священнических обязанностей и понесенные труды в Житомирском этапном лазарете награжден орденом Св. Анны III степени. В 1916 г. за подвиги в составе 57-го отряда Красного Креста награжден орденом Св. Анны II степени. После демобилизации в январе 1918 г. о. Игнатий вернулся в Глинскую пустынь в Спасо-Илиодоровский скит, где в августе 1918 г. был пострижен в схиму с именем Иоанн. В 1919 г. иеросхимонах Иоанн был определен братским духовником и проходил это послушание до закрытия обители в 1922 г. (ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 44; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8).

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 2, д. 3.

² Там же, л. 42.

³ ГАСО, ф. P2308, оп. 1, д. 14.

⁴ ГАСО, ф. P1662, оп. 2, д. 8, л. 38 об.

⁵ Там же, ф. P3041, оп. 1, д. 3.

⁶ ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 283.

⁷ ГАСО, ф. P3041, оп. 1, д. 3.

⁸ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917—1921 гг.). М., 1975, с. 174.

⁹ ГАСО, ф. P3041, оп. 1, д. 5.

¹⁰ ГАКО, ф. P323, оп. 1, д. 686, л. 44 об.

Иноки и верующие просили возвратить одну чашу, так как на всю пустынь было оставлено только две чаши, а по праздникам служили три литургии. Просили также вернуть ризу с особо чтимого Образа Нерукотворенного Спаса, так как это была «икона старинной живописи и могла прийти в ветхость без ризы»¹, но эти просьбы не были удовлетворены.

В октябре 1921 года была создана комиссия по ликвидации монастырей Курской епархии², а в конце августа 1922 года — комиссия Путивльского уездного исполкома по ликвидации Глинской пустыни³. «Работа по ликвидации пустыни была начата 29 августа 1922 г. и закончена 27 сентября 1922 г. ... Имущество, как церковное, так и хозяйственное, взято на учет и занесено в опись»⁴. Сразу же после закрытия обители в ней был образован детский городок им. Ленина⁵, куда поместили детей с Поволжья⁶. Имущество монастыря принял по описи заведующий детским городком И. Савицкий⁷. Сохранилась расписка граждан села Шалыгино о том, что они взяли 15 сентября 1922 года из церкви Глинской пустыни Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы⁸. Существует предание, что икона и сейчас находится в селе Шалыгино и перед открытием Глинской пустыни святая Чудотворная икона снова появится на своем месте.

После закрытия обители некоторые из иноков перешли в другие монастыри⁹ (но вскоре и те были закрыты¹⁰), другие служили на приходах. Но так как действующих храмов оставалось очень мало, то большинство иноков вынуждено было жить в миру, за-

¹ ГАКО, ф. Р323, оп. 1, д. 686, л. 42.

² Там же, ф. Р325, оп. 1, д. 224.

³ ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8.

⁴ Там же, л. 2. Опись содержала 75 листов. В ней было указано число икон и приведено описание ризниц всех храмов; перечислены также все предметы, находящиеся в каждом здании обители.

⁵ ГАКО, ф. Р309, оп. 4, д. 104, л. 423, 513.

⁶ Там же.

⁷ ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 75.

Очевидно, сразу же началось разграбление имущества монастыря местными властями, так как уже в октябре 1922 года в Путивльский уездный исполком поступило распоряжение Курского губернского исполкома, запрещающее использовать и распределять имущество Глинской пустыни (ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 224). Однако вряд ли это указание было выполнено, поскольку в феврале 1925 года Курский губернский исполком сообщал в Государственную фондovou комиссию, что «об учете имущества Глинской пустыни никаких сведений не имеется» (ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63).

⁸ ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8, л. 75.

⁹ Например в Рыльский Николаевский монастырь перешло 10 иноков Глинской пустыни (ГАКО, ф. Р2511, оп. 1, д. 137), в Драндский Успенский монастырь, недалеко от г. Сухуми, — двое (ЖМП, 1985, № 6, с. 58; ЖМП, 1976, № 10, с. 29).

¹⁰ К началу 1925 года были закрыты все 12 монастырей Курской епархии (ГАКО, ф. Р325, оп. 1, д. 763, л. 63).

нимаясь различными ремеслами. Иеромонахи при этом совершали богослужения и требы на дому. Почти все монашествующие Глинской пустыни побывали в 30—40-е годы в ссылке или лагерях. Но навык подчинять свою волю воле старца, постоянно наблюдать за собой, сдерживать свои порывы даровал Глинским инокам ту духовную целенаправленность, силу воли и мужество, которые помогли им не только выдержать тяжёлые испытания, но и духовно возрасти после закрытия обители.

Детский городок находился на территории Глинской пустыни до 1928 года, затем там была организована сельскохозяйственная артель, которая в 1934 году была реорганизована в колхоз «Красный Октябрь» села Сосновки. В 1935 году вместо колхоза была создана МТС, а в 1936 году — промкомбинат по изготовлению сельскохозяйственного инвентаря, просуществовавший до Великой Отечественной войны¹.

Летом 1941 года Сумская область, к которой с 1938 года относилась территория обители, была захвачена немцами, а в 1942 году Глинская пустынь вновь была открыта².

Возобновителем Глинской пустыни стал прежний ее настоятель архимандрит Нектарий (в миру Николай Нуждин).

Архимандрит Нектарий родился в 1863 году в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье мещан³. Шестнадцатилетним юношей поступил он в Глинскую пустынь. Вначале молодой послушник проходил различные общие послушания, которые назначаются новоначальным: на мойке, на кухне, в хлебопекарне, затем был записчиком в храме⁴, канонархом на клиросе и одновременно проходил послушание в живописной мастерской⁵.

В 1887 году Николай был пострижен в рясофор⁶. Своим трудолюбием, внимательностью, кротостью и благонравием он скоро привлек к себе внимание настоятеля и был назначен келейником игумена Исаии (Гомолко, впоследствии схиархимандрита Иоанникия)⁷ — «строгого ревнителя правил церковных и жизни иноческой»⁸.

Под руководством такого опытного наставника Николай прошел строгую школу духовного делания.

¹ Архив уполномоченного при Сумском облисполкоме по делам Православной Церкви (АУПЦ). Беседа с председателем колхоза «Дружба» с. Сосновки П. С. Власенко от 23 октября 1960 г. (Здесь и далее при использовании материалов необработанных архивов ссылки даны непосредственно на документ).

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 4.

³ Там же, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

⁴ ГАСО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 52.

⁵ Там же, д. 89.

⁶ Там же, д. 109, л. 52.

⁷ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

⁸ Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, с. 92.

В 1894 году, потрудившись в обители почти пятнадцать лет, он был пострижен игуменом Исаией в монашество с именем Нектарий¹, в 1898 году рукоположен во иеродиакона, а в 1901-м — во иеромонаха. Затем проходил чредное священнослужение и трудился в живописной мастерской. В мае 1904 года о. Нектарий был командирован для исполнения священнических обязанностей в 271-й Львовский полк, где в 1906 году был награжден набедренником. В августе 1906 года возвратился в обитель².

В декабре 1912 года о. Нектарий указом Св. Синода был утвержден настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена³. Он руководил всей многотрудной и многоплановой деятельностью Глинской пустыни вплоть до ее закрытия и проявил себя рассудительным, предприимчивым и благочестивым настоятелем. В 1914 году он был награжден наперсным крестом, а в 1918-м — представлен к награде «по обстоятельствам военного времени»: возведен в сан архимандрита и награжден палицей⁴. После закрытия обители ему удалось сохранить значительную часть имущества монастыря. По Промыслу Божию он не был ни арестован, ни сослан, а жил в Путивле, в затворе, в подвигах строгого поста, богомыслия и усиленной молитвы. Тайно принимал он духовных детей на исповедь, каждую ночь неопустительно служил литургию. Нельзя было без чувства глубокого умиления присутствовать при совершаемых им богослужениях. Дух молитвы, почивавший на нем, переливался, казалось, в сердца предстоящих, и все находили особое духовное утешение в том, чтобы молиться вместе с ним.

Проводя жизнь сокровенную, о. Нектарий приобрел особенную духовную мудрость и прозорливость. Так, например, когда в 1941 году Сумская область была занята немцами и раскулаченные в годы коллективизации люди стали занимать свои прежние дома, о. Нектарий сказал: «Напрасно они это делают, опять их выгонят». — «Да кто же их выгонит?» — спрашивали его. — «А кто тогда выгонял, те и теперь выгонят». Позднее слова его исполнились⁵.

Когда о. Нектарий еще только собирался открыть Глинскую пустынь, один его духовный сын сказал: «Если откроете обитель, батюшка, то и я туда пойду». Отец Нектарий долго внимательно смотрел на него, а потом ответил: «Да, ты пойдешь, только не сейчас, потом будешь монах». Действительно, сначала

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

² Там же, д. 3, л. 2.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 194, д. 1399.

⁴ ГАСО, ф. 20, оп. 3л, д. 499; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 2.

⁵ Личный архив автора. Воспоминания игумена Глинской пустыни Афанасия (Александра Степановича Кошелева).

молодого человека забрали на фронт, а в 1947 году он вернулся в монастырь и впоследствии стал монахом¹.

При первой же возможности архимандрит Нектарий приехал в обитель с целью ее восстановления², но уже тогда предсказал, что впоследствии Глинская пустынь опять будет закрыта. За двадцать прошедших лет монастырь был razорен, и в нем царило полное запустение. Если при закрытии обители в 1922 году на ее территории, кроме перечисленных храмов и колокольни, было более тридцати зданий³, то к 1942 году в ней сохранилось лишь шесть полуразрушенных строений. Колокольня была взорвана сразу же после закрытия обители⁴, храмы несколько позже. В феврале 1923 года все храмы обители (в том числе и в скитах) еще перечислены в описи имущества детского городка им. Ленина⁵, но, по данным аналогичной описи, в апреле 1927 года на территории пустыни их уже не было⁶.

К 1942 году сохранились лишь больница с домовою церковью во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (построенная в 1896 г.⁷), двухэтажный, бывший «архиерейский», корпус и четыре братских корпуса, нуждающиеся в капитальном ремонте. В некоторых частях этих зданий жили колхозники села Сосновка⁸. При архимандрите Нектарии в ведении монастыря находилось только два здания: больница с

¹ Личный архив автора. Воспоминания игумена Глинской пустыни Афанасия (Александра Степановича Кошелева).

² Точное время открытия обители по архивным данным восстановить сложно. По одним источникам, это было в мае-августе 1942 г. (Архив Сумского Епархиального управления (АСЕУ). Прошение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра Харина от 12 ноября 1956 г.). По другим — в сентябре 1942 г. (АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.; Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

По воспоминаниям игумена Глинской пустыни Афанасия (Кошелева), первую литургию архимандрит Нектарий служил в обители в неделю святых жен-мироносиц (Личный архив автора).

В списке регистрации церквей Сумской епархии за 1945 г. указан лишь год открытия Глинской пустыни — 1942-й. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 4).

³ В 1922 г. в Глинской пустыни, кроме храмов и колокольни, было 19 корпусов (в том числе настоятельский, игуменский, «архиерейский», 2 иеромонашеских, экономический, канцелярский, пчеловодный и другие), больница с аптекой, трапезная, прачечная, книжная лавка, кузница, водокачка и мастерские (сапожная, столярная, портная, свечная, переплетная, кровельная, кожаная, колесная, бондарная), кроме того, было 13 сараев, 5 амбаров, коровников двор и конюшня. В Дальнем скиту, кроме храмов, было 8 корпусов, кухня и колокольня. (ГАСО, ф. Р1662, оп. 2, д. 8; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3; ГАСО, ф. Р309, оп. 5, д. 252).

⁴ ГАСО, ф. Р309, оп. 5, д. 252, л. 15—16.

⁵ Там же, л. 118—128.

⁶ ГАСО, ф. Р1685, оп. 2, д. 242, л. 10—15.

⁷ Там же, ф. Р2308, оп. 1, д. 14.

⁸ Там же, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2 об.

⁸ АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

храмом и архиерейский корпус, переданные обители Глуховским лесничеством по ходатайству сварковской религиозной общины¹.

Имущества никакого в пустыни не было, кроме того, что удалось сохранить архимандриту Нектарию². Монастырь содержался тогда на добровольные пожертвования прихожан. Также и члены братии при поступлении в монастырь приносили все, что у них было (хлеб и другие продукты), привели три коровы, одну лошадь³. В монастыре не хватало одежды, обуви (литургии совершали в лаптях). По несколько дней братия на трапезе вместо хлеба получала лишь вареную свеклу, а то и совсем голодала. Не было муки для просфор, вина для совершения литургии. Но иноки того времени, как истинные подвижники, все безропотно терпели, благодарили Бога и Матерь Божию только за возможность жить в святой обители. Ведь Глинская пустынь была единственным монастырем, открывшимся в России в то время.

Так, почти без средств, надеясь только на Бога и на помощь благодетелей, от Него посылаемую, принял архимандрит Нектарий за восстановление пустыни. Сподвижниками его в деле возрождения обители сначала были лишь Глинские иноки: будущий настоятель Глинской пустыни иеросхимонах Серафим (Амелин), иеромонах Гордий (Тюшин), впоследствии иеросхимонах Гавриил, и два послушника⁴. Но весть об открытии обители быстро распространялась, и братия начала собираться. К концу 1942 года в Глинской пустыни было уже не менее двенадцати насельников, восемь из которых — бывшие иноки Глинской пустыни. Среди них старец высокодуховной жизни схиигумен Антоний (Ветер) и иеромонах Феоген (Таран)⁵, впоследствии также настоятель Глинской пустыни.

¹ АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

² Село Сварково расположено в трех километрах от Глинской пустыни.

³ В мае — августе 1942 г. от о. Нектария из Путивля в Глинскую пустынь было перевезено «6 возов имущества пустыни, в том числе целый воз духовных книг» (АСЕУ. Прощение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра Харина от 12 ноября 1956 г.).

⁴ АУПЦ. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

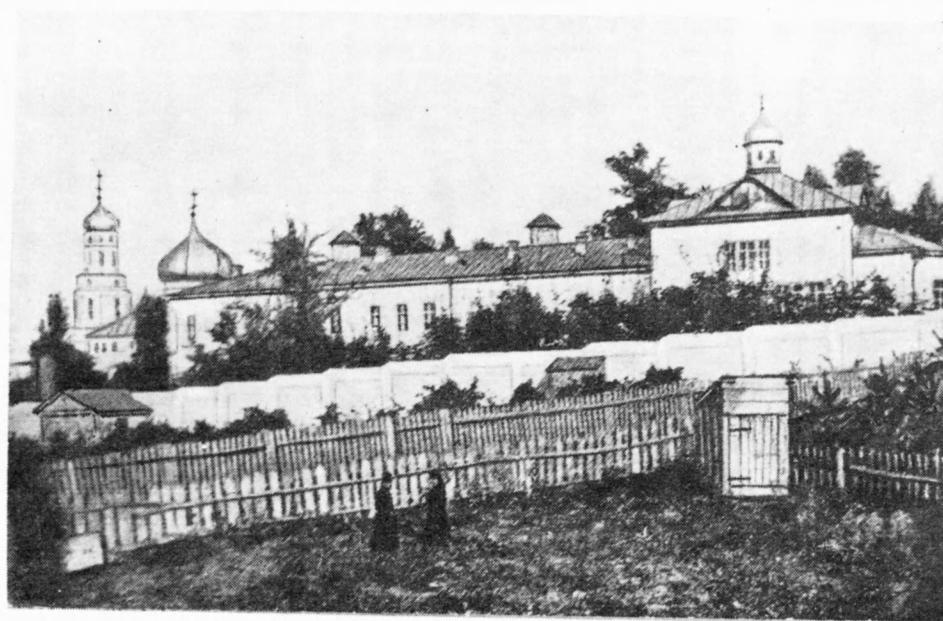
⁵ АСЕУ. Прощение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра Харина от 12 ноября 1956 г.

Архивные документы Глинской пустыни за эти военные годы не сохранились. Список насельников Глинской пустыни за 1942 и 1943 годы составлен автором на основании более поздних документов, в которых указан год поступления иноков в обитель: список монахов Глинской пустыни Шальгинского района на 6 мая 1944 г. (АУПЦ); анкеты служителей культа (АУПЦ); списки братии Глинской пустыни Шальгинского района Сумской области по состоянию на 1 мая 1953 г., на 1 сентября 1954 г., на 1 января 1956 г. (АСЕУ).

В 1942 г. в Глинской пустыни, кроме вышеуказанных, подвизались также: монах Силуан (в миру Семен Суrowицкий), иеродиакон Тихон (в миру Тарас Пономаренко); рясофорные монахи Андрей Коровяков и Михаил Дудкин; послушники Александр Харин, Дмитрий Новиков и Иван Гудимов (впоследствии Леонтий, митрополит Одесский и Херсонский).

Вид Глинской Рождество-Богородицкой пустыни
с северной стороны
Фотография начала XX века

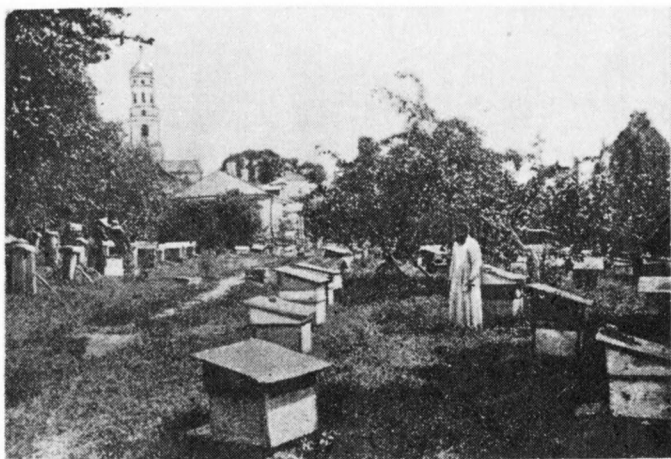

Больница с храмом во имя Воздвижения Честного
и Животворящего Креста Господня

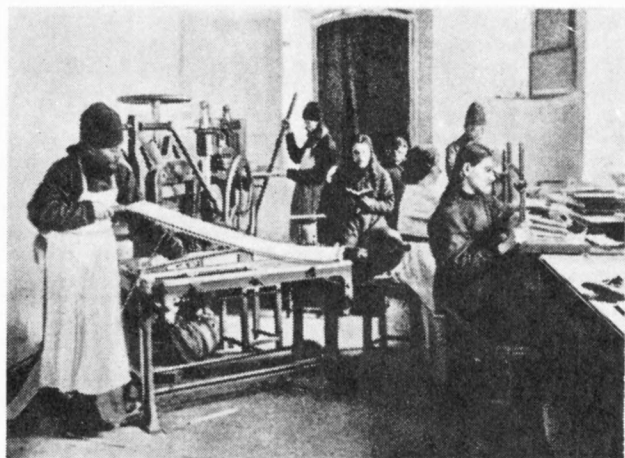
Фотография начала XX века

Двор монастырской гостиницы
Фотография начала XX века

Пасека Глинской пустыни
Фотография начала XX века

Переплетная мастерская Глинской пустыни
 Фотография начала XX века

Живописная мастерская Глинской пустыни
 Фотография начала XX века

Святые врата Спасо-Илиодоровского скита
Фотография начала XX века

Нерукотворенный Образ Спасителя

Копия Чудотворной иконы Рождества
Пресвятой Богородицы "Пустынно-Глинской"

Слева направо: отец Серафим (Амелин), отец Нил
и Тихон Дмитриевич Амелин в Глинской пустыни
фотография начала XX века

Схиархимандрит Серафим (Амелин)
в храме Глинской пустыни
Фотография 1950-х годов

Схиархимандрит Серафим (Амелин),
настоятель Глинской пустыни. 1957 год

Наставники Глинской пустыни: иеросхимонах
Серафим (Романцов), схиархимандрит Серафим
(Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш)
(слева направо)

Фотография 1950-х годов

Схиархимандрит Серафим (Амелин)
на месте явления Чудотворной иконы
Рождества Пресвятой Богородицы. 1958 год

В Бозе почивший настоятель Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Амелин). 1958 год

Храм во имя Воздвижения Честного
и Животворящего Креста Господня
Фотография 1950-х годов

“Архиерейский” корпус
Фотография 1950-х годов

“Угловой столп”
Фотография 1950-х годов

Монастырский домик (правую половину занимало
общежитие братии, левую - монастырская аптека)

Фотография 1950-х годов

Первой заботой архимандрита Нектария стало восстановление единственного сохранившегося больничного храма, в котором до войны молотили зерно. Стенная роспись в нем осыпалась, живопись была изуродована, иконостасы разграблены, окна выбиты. В бывшем больничном корпусе были восстановлены братская трапезная, кухня (на нижнем этаже) и кельи монахов. В «архиерейском» корпусе располагались просфорня и кельи. Работы по возобновлению храма и необходимых монастырских строений проводились исключительно силами братии под руководством 79-летнего настоятеля. Не щадя сил и здоровья, о. Нектарий был первым на работах и самым усердным молитвенником в церкви при совершении богослужения. Никогда не оставлял он и келейного правила, и издавна принятого им делания умной молитвы.

Среди трудностей и забот по внешнему восстановлению обители архимандрит Нектарий главное внимание уделял возрождению духовных традиций Глинской пустыни. Будучи сам ревностным хранителем обетов монашества, он прежде всего вновь ввел истинно подвижнический, составленный по образцу Афонского, устав Глинской пустыни. Внимательно следя за духовной жизнью монахов, настоятель не допускал никаких отклонений от него. При о. Нектарии соблюдались все особенности чина богослужения, установленного в обители еще в начале XIX века игуменом Филаретом (Данилевским). Положенные в церкви пение, чтение, поклоны, сидение, стояние и все прочее соблюдались в точности по уставу.

Много помог отцу настоятелю в этих трудах иеросхимонах **Никодим (Калиуш)**. Строгий аскет, потрудившийся в монашеских подвигах более сорока лет, он был назначен уставщиком обители и, хотя был совершенно слепым, ревностно исполнял возложенное послушание. Отец Никодим (в миру Иван Митрофанович Калиуш) родился в январе 1873 года в городе Конотопе Черниговской губернии в семье мещан. Образование он получил в местном городском училище, которое окончил в 1887 году¹.

От юности ум его обращен был к Богу, и в 1892 году он поступил в Глинскую пустынь², где после общих послушаний был определен на клирос³. Внимательно следя за богослужением, он стал знатоком древних церковных песнопений, которые только и допускались в Глинской пустыни, и в совершенстве изучил устав.

¹ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

² Там же.

В послужных списках братии Глинской пустыни за 1899 г. сказано, что Иван Калиуш поступил в обитель в 1893 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97). Благочестивое стремление к иночеству Ивана было столь пламенным, что оказало сильное влияние и на его 17-летнего брата Михаила, который в 1894 г. также поступил в Глинскую пустынь (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 100).

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97.

Внутренняя жизнь его всецело была сосредоточена в Боге. В Нем заключались все радости и утешения, смысл и цель жизни Ивана. Глубоко восприняв святоотеческое учение о страхе Божиим, он постоянно просил Бога ниспослать ему этот дар, ибо только присутствие страха Божия в человеке свидетельствует о его духовности.

В июле 1900 года его перевели из любимой им Глинской пустыни в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии¹. Безропотно принял это назначение молодой подвижник. Теперь, когда он лишился окормления опытных Глинских старцев, страх Божий стал главной движущей силой, направляющей всю его жизнь к достижению единственной необходимой для него цели и смысла земного бытия — стяжания благодати Божией и единения с Богом здесь, на земле, и на небе, в Царстве Божиим.

Видя его духовное преуспеяние, настоятель обители в мае 1901 года постриг подвижника в рясофор, а в январе 1903-го — в монашество с именем Николай². В том же 1903 году Георгием (Орловым), епископом Астраханским, Николай был рукоположен во иеродиакона, а в апреле 1906 года — во иеромонаха³. Чистота жизни, строгость в сохранении монашеских обетов стяжали ему уважение всей братии, он поистине служил в Чуркинской обители примером в исполнении всех иноческих добродетелей. Но сердце о. Николая всегда стремилось в Глинскую пустынь, где он полагал начало своих подвигов и надеялся достичь высшего совершенства. 15 декабря 1907 года он был возвращен в обитель⁴.

Стремясь стяжать непрестанную умно-сердечную молитву, о. Николай не ограничивался общими иноческими обетами, но пожелал угождать Богу высшими подвигами благочестия и подал прошение о пострижении его в схиму. Архиепископ Курский и Обоянский Питирим (Окнов), несмотря на молодость о. Николая, дал благословение, и 11 января 1908 года настоятель обители схиархимандрит Иоанникий (Гомолко)⁵ постриг его в схиму с именем Никодим.

Приняв великий ангельский образ, о. Никодим совершенно оставил внешние попечения и углубился в молитву. Богослужения он совершал с таким благоговением и страхом Божиим, что братия говорила: «Это ангел, а не человек». Сам настоятель схиархимандрит Иоанникий отмечал, что о. Никодим очень усерден к священнодействию⁶. Благодать совершения таинств и

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19.

² Там же.

³ Там же, д. 3, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 2, л. 19.

⁶ ГАСО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18.

ношения священной одежды, полученную при хиротонии, он хранил тщательно, помня, что эта благодатная способность относит священство к ряду небесных учреждений. Молитвенно, серьезно и сосредоточенно готовился он всякий раз к очередному богослужению. Это пробуждало в нем сокровенные духовные силы, создавало навык «возогревания страха Божия» (1 Тим. 1; 6). Священнодействуя, о. Никодим поистине предстоял пред Богом. Ему открыт был мир духовный, и в храме он воочию ощущал славу и величие Божие. Его благоговейное отношение к богослужению выразилось в прекрасном, детальном знании и точнейшем исполнении устава.

В мае 1913 года о. Никодим, как строгий ревнитель жизни иноческой, был переведен в Белогорский Троицкий монастырь для насаждения там духа истинного подвижничества¹. В апреле 1914 года архиепископом Курским и Обоянским Стефаном (Архангельским) он был награжден набедренником², через два года по прошению был возвращен в любимую им Глинскую пустынь³, где до самого закрытия обители «проходил чредное священнослужение»⁴. В 1923 году Святейший Патриарх Тихон наградил его золотым наперсным крестом⁵.

После закрытия обители о. Никодим жил в Глухове, где совершал богослужения и требы на дому. В эти годы по Промыслу Божию он потерял зрение и вернулся в Глинскую пустынь в 1943 году совершенно слепым, но, благодаря духовной силе и рассудительности, не скорбел, а без ропота и с покорностью благодарил Творца, считая слепоту средством к своему спасению. Вновь поступающей братии он передавал навыки совершения всего церковного чинопоследования. Усердие и благоговение его к богослужению было примером для всех в обители. Страх Божий и живое чувство Божия вездесущия были его отличительными чертами. Сама внешность о. Никодима ясно свидетельствовала о высоком благодатном устройении его души. Лицо его всегда было озарено светлой христианской радостью. Он жил в совершенном внутреннем спокойствии и тишине. Нельзя было не удивляться его постоянной духовной бодрости и даже веселости.

Всю свою жизнь старец усердно подвизался стяжать умносердечную молитву, и к этому времени она уже непрестанно действовала в его сердце. Господь удостоил о. Никодима и дара прозорливости. Он чувствовал присутствие человека, всегда первый отдавал почтение низким поклоном. Послушников, кото-

¹ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

² Там же.

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

рые жили с ним в одной келлии, поучал не принимать никого в келлии и без благословения ни от кого ничего не брать. За нарушение его слов всегда обличал, хотя и не мог этого видеть.

Не принимая на себя ответственность духовного руководителя, он умел оказать другим духовную помощь молитвой, дружеским советом или просто намеком.

Опытно познав, как страх Божий очищает сердце от страстей, старец и молодых братьев призывал стяжать эту чистительную добродетель. Он говорил, что монах в течение всей своей жизни должен неотступно пребывать в страхе Божиим. Только тогда душа сможет служить Богу с благоговением, ощущать в себе присутствие освящающего ее Духа Святого, так как страх Божий утверждает человека во всех христианских добродетелях, просвещает разум, ведет к благочестию, праведности, святости.

В 1953 году о. Никодим мирно почил о Господе, до последней минуты сохраняя ясное сознание. Старческое лицо его после смерти было так благообразно, чисто и светло, что братия Глинской пустыни почитала о. Никодима святым.

Для поддержания и развития духа древнего подвижничества архимандрит Нектарий старался распространить в обители знание святоотеческой литературы. С этой целью в монастыре была устроена библиотека из сохранных им духовных книг. Но главная заслуга архимандрита Нектария состоит в том, что он восстановил старчество, процветавшее ранее в обители.

Из учения святых отцов и опыта всей своей жизни архимандрит Нектарий знал, что только полное отсечение своей воли, всецелое послушание старцу рождает истинную борьбу со страстями душевными и телесными, исполнение Евангельских заповедей, самоуглубление, внимание к себе, смирение и неосуждение других, а как результат всего этого, бесстрашие и чистоту чувств и мыслей. Привычка отказываться от своего мнения и следовать слову старца укрепляла силу воли подвижников, необходимую для точного исполнения монашеских обетов. Поэтому с первых дней возобновления обители иноки должны были открывать духовнику всякую свою мысль и без его совета и благословения настоятеля ничего не делать.

В восстановлении старчества очень помог архимандриту Нектарию его сподвижник схиигумен Антоний (в миру Авксентий Ветер), которого настоятель поставил духовником обители. Схиигумен Антоний родился в 1870 году¹ в семье крестьян Город-

¹ Точная дата рождения схиигумена Антония неизвестна. В послужных списках монахов Глинской пустыни за 1899 г. и 1910 г. указан 1868 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 11); в списках за 1918 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5) и 1944 г., а также в наградных списках за 1946 г. (АСЕУ) указан 1870 г.; в списке за 1945 г. (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 22 февраля 1945 г.) — 1861 г.

нянского уезда Черниговской губернии. Окончив двухклассное училище¹, в 1893 году он поступил в Глинскую пустынь². Проходя общие послушания, обычные для всех новоначальных, он обратил на себя внимание настоятеля игумена Исаии (Гомолко) особенно тщательным отношением ко всем послушаниям. Авксентий делом исполнял монастырское правило «на послушание бежать, как на пожар», совершенно не имел своей воли, всегда исполнял в точности то, что ему говорили, причем заминал указания дословно, чтобы потом не ошибиться и не делать по своему разумению.

Провидя в нем строгого подвижника, настоятель взял Авксентия в келейники. Многому научился Авксентий у своего наставника, к которому питал не только почтительную любовь, но и глубокое благоговение. Ему были открыты благодатные дарования старца, которые отец настоятель от других тщательно скрывал. Авксентий сподобился быть свидетелем и прозорливости о. Исаии, и благодатных исцелений по его молитвам, и необыкновенной духовной рассудительности старца, но при этом претерпел от него много напрасных укоров и поруганий, чем очищалась душа молодого подвижника.

В 1897 году о. Исаия постриг его в рясофор и через три года в мантию с именем Аристоклий³. В 1902 году Аристоклий был рукоположен во иеродиакона, а в 1904 году — во иеромонаха и уже через два года награжден набедренником⁴. С августа 1907 года о. Аристоклий исполнял должность ризничего Глинской пустыни, а в феврале 1911 года указом Курской Духовной Консистории был утвержден в этой должности⁵. В его послужных списках сказано, что он был «качеств очень хороших»⁶.

Имея святое послушание, о. Аристоклий стяжал и плоды его, ибо послушание искореняет все страсти⁷. Еще в молодости приобрел он мирное устройство души, поскольку никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенной покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Даже настоятель, всегда остерегавшийся кого-либо хвалить, отступая от этого своего правила, в письме к Глинскому иеромонаху Савватию (Луговому) назвал о. Аристоклия «истинным монахом, которому должно подражать»⁸.

¹ АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

² ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82.

³ Там же, д. 2, л. 11.

⁴ Там же.

⁵ ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 13 об.—14.

⁶ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82.

Там же, д. 2, л. 11.

⁷ ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 14.

⁸ Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 1883, с. 180.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 3.

13 сентября 1913 года указом Св. Синода о. Аристоклий, как духовно опытный подвижник, был назначен на должность настоятеля Покровского монастыря близ Омска¹. Он ревностно принялся благоустраивать вверенную ему обитель как внутренне, так и внешне. В отношении материальных удобств для братии он довольствовался немногим, а основное внимание устремлял на духовную жизнь монашествующих. Его наставлениями, трудами и молитвами вся их жизнь была основана на тех строго подвижнических началах, которые о. Аристоклий усвоил в Глинской пустыни.

За усердие и труды на благо обители он был утвержден в должности настоятеля и возведен в сан игумена 15 апреля 1915 года².

Однако из-за сурового климата здоровье отца Аристоклия «совершенно расстроилось», и в мае 1917 года он подал прошение о переводе его в Глинскую пустынь³. Указом Св. Синода от 2 августа 1917 года он был перемещен в эту обитель⁴. Здесь, совершая чредное священнослужение, он подвизался до 1922 года, после закрытия монастыря жил в Глуховском районе и совершал требы на дому. В книге учета служителей культа Глуховского окружного административного отдела за 1926—1928 годы он числится как «бесприходный монах»⁵.

В эти годы о. Аристоклий был тесно духовно связан с о. Нектарием (Нуждиным). Вместе с ним ночью совершал литургии, помогал исповедовать и сам у него исповедовался. В 1942 году он вернулся в обитель, приняв незадолго перед этим постриг в великую схиму с именем Антоний.

Схиигумен Антоний был муж высокой добродетели. Лицо его казалось суровым, но сердце было преисполнено христианской любовью. Он назидал братию, малодушных утешал, гордых смирял, враждующих примирял своим незлобием. Главнейшим предметом его забот было водворение среди братии духа послушания, миролюбия и благочестия. Он следил, чтобы иноки не имели никаких пристрастий, даже пристрастия к строгим подвигам.

Мудрость наставлений о. Антония привлекала не одних монашествующих, но и мирян, которые из самых отдаленных мест во множестве устремлялись к нему. Старец и мирян учил чистосердечному исповеданию помыслов.

Отец Антоний и сам шел, и духовных детей своих вел безопасным путем, указанным святыми отцами, которые учат, что

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5.

² Там же, л. 6.

³ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271, л. 1.

⁴ Там же, л. 2.

⁵ ГАСО, ф. Р3131, оп. 3, д. 132, л. 6.

христианину прежде всего следует заботиться о познании себя и об укрощении своих страстей. Он учил, что страсти нельзя считать легким помышлением, они глубоко входят в душу, отсюда нелегко их изгонять. Если на земле страсть удовлетворяется, то она временно молчит, а по смерти без удовлетворения будет терзать душу. Поэтому так важно познать свои страсти и еще в земной жизни отсекасть их, к благим начинаниям не примешивать тщеславия или человекоугодия, а искренне, с не лукавой простотой служить Господу.

Неоднократно проявлял старец и дар пророчества, провидя греховные намерения человека и вовремя останавливая его.

Главными чертами этого духовного пастыря были сострадание греховным немощам людей, скорбь о согрешающих и пламенное желание приблизить их к Богу. Его поистине можно назвать путеводителем и стражем на пути ко спасению.

В 1946 году, испрашивая о. Антонию сан архимандрита, настоятель обители писал: «Схиигумен Антоний — строгий по жизни, скромный и примерный, любимый всеми как наставник и молитвенник»¹. Но старец не дожид до этой награды, он скончался осенью этого же года² к глубокой скорби братии обители и множества богомольцев. Похоронен он был в Глинской пустыни у южной стены Крестовоздвиженского храма.

Кроме схиигумена Антония, в первый год после открытия Глинской пустыни старчествовал также иеросхимонах Серафим (Амелин), бывший казначей обители. Принимал откровение помыслов, давал наставления и сам архимандрит Нектарий.

Заботами настоятеля о внутреннем и внешнем устроении обители быстро умножалось число братии. В 1943 году в пустыни было уже не менее 25 человек (17 из них подвизались в Глинской пустыни до ее закрытия)³.

Восстановив обитель, собрав братию и учредив старчество, о. Нектарий почувствовал свой близкий исход. Передав управление монастырем избранному иноками иеросхимонаху Серафиму (Амелину), он всецело посвятил себя приготовлению к смерти. Тихо угасал много потрудившийся старец, но не пере-

¹ АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

² Архив Шальгинского райисполкома (АШР). Докладная записка секретаря исполкома Шальгинского райсовета депутатов трудящихся о проверке проживающей в монастыре Глинской пустыни молодежи от 20 февраля 1951 г.

³ Среди поступивших в 1943 г. были известные строгостью своей жизни Глинские иноки: схиеродиакон Иов (в миру Иов Полхов), благочестивый и усердный молитвенник иеромонах Исидор (в миру Иван Шендриков), иеродиакон Игнатий (в миру Ипатий Щастный, впоследствии иеросхимонах Иларион).

Список братии Глинской пустыни за 1943 г. см. в работе схиархимандрита Иоанна (Маслова) «Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI—XX веках».

ставал поучать братию, особенно заповедуя полное послушание настоятелю и ежедневное откровение помыслов старцу. Точная дата кончины архимандрита Нектария неизвестна¹, но в списке монахов Глинской пустыни на 6 апреля 1944 года он уже не значится². Старец был похоронен у южной стены Крестовоздвиженской церкви³.

Иеросхимонах Серафим (Амелин) был утвержден в должности настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан игумена епископом Белгородским Панкратием (Гладковым) 29 мая 1943 года⁴.

Великий старец о. Серафим был истинным последователем богомудрых настоятелей Глинской пустыни. Именно ему во многом обязана обитель своим духовным расцветом и внешним благоустройством. При нем прославилась Глинская пустынь святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению.

Отец Серафим (в миру Симеон Дмитриевич Амелин) родился 21 июля 1874 года в деревне Соломино Фатежского уезда Курской губернии⁵. Родители его, простые крестьяне, воспитывали детей в страхе Божиим и послушании старшим. У Симеона был брат Тихон, впоследствии также послушник Глинской пустыни⁶. Семья жила строго и благочестиво. Родной дядя Симеона (о. Нил) подвизался в Глинской пустыни.

После смерти матери отец Симеона стал настаивать, чтобы тот женился, но душа благочестивого юноши стремилась к духовному подвигу. В 1893 году он ушел из дома и поступил в Глинскую пустынь⁷. Отец его вначале был этим недоволен, но, приехав в обитель, смягчился и сказал ему: «Раз ушел в монахи, так уж и живи, не уходи отсюда»⁸.

¹ Благочинный Глуховского района протоиерей Константин Лысенко писал, что архимандрит Нектарий умер в 1944 г. (Рапорт о перезахоронении почивших настоятелей Глинской пустыни с территории монастыря на братское кладбище от 11 октября 1961 г. ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105).

Однако, по воспоминаниям богомольцев, помогавших восстанавливать обитель, кончина его последовала в день памяти преп. Антония Великого 17 января 1943 г. (Личный архив автора).

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

³ Там же, д. 55, л. 105.

⁴ АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

⁵ Там же.

⁶ Тихон Дмитриевич Амелин поступил в Глинскую пустынь в 1950 г. (АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1957 г.)

⁷ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 49.

⁸ Личный архив автора. Воспоминания Т. Д. Амелина.

В монастыре Симеон трудился сначала на общих послушаниях, ежедневно ходил на откровение помыслов к старцам, обучался подвигам поста и молитвы, читал творения святых отцов. Уже в эти годы его отличала особая тихость нрава и кроткая сдержанность в обращении. Глубоко почитая настоятеля обители схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), Симеон очень внимательно относился ко всем его наставлениям. Поучения настоятеля о том, что без хранения ума все духовные подвиги ни во что не вменяются, побудили молодого подвижника постоянно наблюдать за собой, обдумывать каждое слово и дело, быть внимательным ко всем своим помыслам и чувствам. Все греховные движения души открывал он старцу. Откровенность, простота и искренность были качествами, которые Симеон воспитал еще в родительском доме. Такая бдительность к себе постепенно позволила ему стяжать трезвение, которое «есть необходимая принадлежность истинного духовного делания»¹. Конечно, не обходилось без скорбей и искушений, но он все переносил со смирением, всегда старался подавлять нетерпение и раздражительность, обретая внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукорении.

Все более и более убеждался Симеон в спасительности монашества, возлюбил его всем сердцем и стремился к нему. Великой радостью для него было пострижение в 1899 году в рясофор, а 28 ноября 1904 года в мантию с именем Серафим². С этого времени он особенно ревностно подвизался о своем спасении, следил, чтобы ум не развлекался, но был погружен в молитву или благочестивые размышления. С детства не любил он много говорить, но теперь молчание стало для него путем к постоянному богомыслию, средством к тому, чтобы ум был устремлен к небесному, а язык ни в чем не согрешал. Путем такого делания стяжал о. Серафим сокрушение сердца и истинное покаяние.

Трудясь на послушании в живописной мастерской, куда он был определен в 1899 году³, о. Серафим стремился не только изображать видимыми красками духовный мир, но запечатлеть образ Христа у себя в сердце. Занятия иконописью подготовили и утончили его ум и чувства к восприятию всего духовного. В короткий срок он овладел искусством живописи и был поставлен начальником живописной мастерской.

¹ Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Приношение современному монашеству. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 5. СПб., 1905, с. 265.

² ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 90.

³ Там же.

Много потрудился подвижник для приобретения смирения: старался не сравнивать себя с другими, а всегда считать хуже всех, «вменять себя ни во что». В этом болезненном для души делании много помогали ему советы старца, имя которого осталось для нас неизвестным из-за смирения о. Серафима, ничего о себе не рассказывавшего. Его духовное преуспеяние выразилось в том, что он приобрел спокойствие души, духовное просвещение ума и сердца, ясное познание пути добродетелей. Совесть его, очищенная трезвением, давала теперь истинную оценку всему, что встречалось в жизни, внушала то, что действительно спасительно для души. И это не укрывлось от его собратьев.

Внимательные иноки стали замечать, что там, где появлялся о. Серафим, водворялся мир. Недоразумения как-то незаметно и скоро разрешались, ссорящиеся легко и просто примирались, всякое недоброжелательство исчезало. Многие удивлялись тому, что молодой еще о. Серафим, казалось бы ничем не выделявшийся, не имевший каких-то особых подвигов, даже ничего не говоривший, приносил с собой душам окружающих тот Христовый мир, которого так ищут подвижники. Невольно многие старались быть ближе к о. Серафиму, но он, любя всех равно как братьев во Христе, удалялся от бесед, от особенных привязанностей, всегда искал уединения и молитвы, не отказывая, однако, в совете и духовной поддержке тем, кто этого просил.

В 1913 году о. Серафим был рукоположен во иеродиакона, а в 1917-м во иеромонаха¹, в этом же году его назначили исполнять должность ризничего² в обители. Настоятель архимандрит Нектарий, видя его духовную зрелость, возложил на о. Серафима в ноябре 1919 года ответственную и особенно тяжелую в те тревожные годы должность казначея обители³, в которой он подвизался до закрытия монастыря, будучи во всех делах «правой рукой» настоятеля. За усердное исполнение своего послушания в 1920 году он был награжден наперсным крестом⁴. После закрытия Глинской пустыни о. Серафим жил в селе Ковенки Шалыгинского района Курской (после 1938 года — Сумской) области, занимался столярно-слесарной работой⁵.

Еще во время революции он тайно принял схиму с тем же именем Серафим. Став схимником, о. Серафим как бы совсем

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 20.

² ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 256, л. 1.

³ Там же, ф. 750, оп. 2 л, д. 6, л. 40.

⁴ АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

⁵ Там же.

В начале 30-х годов о. Серафима, как и других Глинских подвижников, хотели арестовать и сослать, но почитавшие его крестьяне в корзине вывезли отца Серафима в лес и тем спасли его (Личный архив автора).

ушел от внешнего мира в свой внутренний, сердечный, обретая там Бога. Поразительно было его дарование жить в миру внутренне по-отшельнически.

С 1941 года о. Серафим стал служить в Ильинской церкви села Ковенки¹, открытой после прихода немцев. Многие богомольцы обращались к нему за советом и получали духовную поддержку. Он вернулся в Глинскую пустынь в 1942 году² и много потрудился в деле восстановления обители и возрождения ее духовных традиций. Святой своей жизнью, кротостью и любовью он всех привлекал к себе. Многие избирали его своим старцем и ходили к нему на откровение помыслов. Братия обители так любили и уважали его, что единогласно избрали своим настоятелем.

В этой должности о. Серафим усилил свои подвиги, предался великому воздержанию и слезно молился о возрождении духовной жизни обители во всей ее былой славе. Он принял настоятельство в возрасте 69 лет и был уже преисполнен благодатных дарований. Всю свою подвижническую жизнь о. Серафим любил молчание, так как занимался Иисусовой молитвой, а она несовместима с многословием. До самоотвержения преданный заботам о благе обители, о спасении вверенных его руководству душ, он оставался спокойным и самособранным, несмотря на многотрудные и разнообразные обязанности настоятеля монастыря. Никогда не было в нем суетливости или раздражения. Благоразумный и рассудительный, он и среди многих попечений умел жить как затворник, пребывая в умно-сердечной молитве. Эта его непрестанная, вдохновенная молитва незримо ограждала братию от всех козней вражеских.

Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничтожения, скорбей и всякого рода испытаний о. Серафим получил и великое дарование — любовь к Богу и ближним, горящую в его душе, подобно сильнейшему огненному пламени. С братьями обращался он как с родными детьми. Из любви к ним только и вступал в беседу, и то очень редко, при этом говорил лишь о работе над умом и сердцем. Он учил братию жить в благочестии, волю свою не творить, а иметь полное послушание. Наставлял всегда коротко, четко, ясно. Слово его содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью, так как ум о. Серафима, просветленный благодатью, ясно постигал истины Божии. Он всей душой любил эти истины, и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действительно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники человеческих душ. Приходившие к отцу настоятелю ясно видели,

¹ АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

² Там же.

что все их мысли и чувства открыты ему, и без слов ощущали тесный духовный контакт со старцем. В общении с о. Серафимом приоткрывалась тайна молчания. Когда старец в последние годы жизни болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побыв в его келлии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцеленные душой. Просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами, они стремились хоть недолго побыть возле благодатного старца. Во время болезни старец у врачей не лечился. Врачи, приезжавшие из Москвы, сами у него лечились с большой духовной пользой.

Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. И вот тогда старец с кротостью говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова человек, как драгоценное сокровище, хранил незабвенно всю свою жизнь, благодаря за них Бога.

Пребывая в своей келлии в молитве, о. Серафим знал обо всем, что происходит в монастыре. Его опытному взору были открыты все духовные нужды братии. Например, однажды он вызвал к себе в келлию молодого ревностного монаха, который так сильно постился, что даже заболел. Был Петров пост, а отец настоятель налил ему полный стакан кефира и велел пить. Из послушания монах выпил, хотя никогда в жизни не нарушал поста. Тогда о. Серафим сказал ему: «Вот так, и не перегибай палку!» Мудро удерживал он молодых подвижников от непомерных подвигов.

Смирение было господствующим качеством его души. Оно проявлялось во всем: и во внешнем виде, и в поступках. Даже схиму старец носил тайно: не только в документах, которые он подписывал по делам обители, но и в своем послужном списке никогда не указывал, что он схимник. Смирением он всех покорял, даже тех, кто был недоволен. Замечания делал с кротостью, но в случае необходимости своим словом мог смирить людей, много о себе думавших: этим он оказывал ближнему духовное милосердие. В келлии его на письменном столе всегда лежала записка с изречением одного из Киево-Печерских подвижников: «Укоризну пейте, как воду»¹.

Но особой отличительной чертой духовности о. Серафима было его миротворчество. Этот дар начал проявляться еще в молодые годы отца настоятеля, но теперь он раскрылся во

¹ Записка хранится в личном архиве автора.

всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес о. Серафим всем окружающим и объединял любовью самых разных людей. Мир — это духовное сокровище, которое Христос принес на землю, примирив Своей крестной жертвой человека с Богом. Посланный с неба мир является благодатной силой, которая приводит к гармонии человеческие души. Именно этот дар через о. Серафима распространял свое спасительное действие на всю братию и богомольцев. Недаром во все время настоятельства о. Серафима жизнь обители была наполнена миром духовным и тишиной. Это отмечала не только братия, но и многочисленные паломники, посещавшие Глинскую пустынь.

Примером всей своей жизни о. Серафим учил, что Христовый мир находится очень близко, его можно обрести через веру, добродетельную жизнь и Православную Церковь. Когда на богослужении, выходя из Царских врат, отец Серафим произносил краткие, но благодатные слова «Мир всем», то, проникая в души молящихся, эти слова способствовали не только их духовному возрождению, но изливались на всех их близких и родных. Людям открывалось, что Православная Церковь не только хранит Божественное наследие мира Христова, но и непрестанно раздает его всем в нее входящим.

Отец Серафим поистине был миротворец, молитвы которого укрепляли братию в духовной жизни.

По болезни в последние годы жизни он редко возглавлял богослужение, но если служил, то всегда со слезами, особенно во время Божественной литургии, когда углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому. Богослужение, совершаемое им, имело особую благодатную силу: своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясало человеческую душу, влекло ее к небу.

По молитвам о. Серафима и у всех иереев обители было благоговейное отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу настоятелю, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа Истины. Открывалось это и благоговейно молящимся в храме, поэтому дней, когда служил отец настоятель, особенно ждали.

Мудрым душепопечительством была проникнута вся деятельность о. Серафима. Он умело налагал послушания, так как всегда безошибочно видел, к чему более способен человек и какое послушание полезнее для спасения его души. За жизнью в монастыре, за всеми мелочами он следил тщательно. Отец Серафим не любил повелевать и показывать свою власть, но всегда и во всем был сам начальником и руководителем. Ходил

он и по келлиям. Увидев однажды, как молодой послушник лег на кровать в валенках, сказал: «Ты зачем на чистую постель в валенках улежся?». Так он поучал, чтобы во всем совесть монахи блюли, даже и в отношении к вещам.

Отец Серафим пользовался огромным авторитетом и уважением. Кроме духовного возрождения, обитель обязана ему и внешним благоустройством. Все здания в монастыре построены при о. Серафиме, его стараниями и трудами. Братия считали себя блаженными, что находятся в послушании у такого старца; одно только его присутствие вселяло в них бодрость духа и воодушевляло на подвиг.

Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами. Например, редкий был день, когда о. Серафим не обходил всех послушаний. Когда он шел по монастырю, не каждому было дано его видеть. Это открывалось только духовным старцам. Старцы низко кланялись, а молодые монахи спрашивали, кому они кланяются. Те с благоговением отвечали: «Отец настоятель прошел!» Сами великие Глинские старцы учились у него, а известный святостью жизни схиархимандрит Андроник (Лукаш) особо благоговел пред ним и был у о. Серафима келейником.

Глубоко почитали о. Серафима и все правящие архиереи. Так, епископ Белгородский Панкратий (Гладков) в первый же год настоятельства о. Серафима наградил его палицей и крестом с украшениями¹. Архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий (Попов) в 1946 году отзывался о нем как о старце «высокой религиозной настроенности, любимом братией и верующими за обходительность и добродетельную жизнь ... достойном преемнике прежних славных в подвижнической жизни настоятелей прославленной Глинской пустыни»². Иларион (Прохоров), епископ Сумской и Ахтырский, в 1948 году возвел о. Серафима в сан архимандрита и назвал «благоговейным и усердным молитвенником, уважаемым братией за добрую жизнь»³.

Но особенно почитал архимандрита Серафима преосвященный Евстратий (Подольский), управлявший Сумской епархией в 1951—1958 годах. Он писал Святейшему Патриарху Алексию: «Строгий к себе, благочестивый отец настоятель архимандрит Серафим зорко следит за поведением всех послушников и не допускает ни для кого никаких отступлений от правил монашеской жизни»⁴, «архимандрит Серафим — человек прекрасной

¹ АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

² Там же. Наградные списки монахов Глинской пустыни за 1946 г.

³ Там же. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

⁴ Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского. Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

души»¹. А для бывшего насельника Глинской пустыни епископа Степанованского, впоследствии митрополита Тетрицкаройского, Зиновия (Мажуги, в схиме Серафима) архимандрит Серафим был истинным духовным наставником. Пресвященный Зиновий неоднократно посещал Глинскую пустынь и пользовался душеспасительными советами отца настоятеля.

Время настоятельства о. Серафима условно можно разделить на два периода: 1943—1952 и 1953—1958 годы. Первый период был очень трудным. В эти военные и первые послевоенные годы в обители не хватало самого необходимого, земли почти не было. В 1943 году Глинской пустыни удалось получить от Сосновского сельского совета только пять гектаров неудобной болотистой земли², которую использовали под огород, зерновые не сеяли. Для обработки земли были лишь один плуг и одна борона³. Скота также было мало: лошадь, подтелка, три коровы и три теленка⁴.

После освобождения Сумской области от немцев органы советской власти обязали пустынь платить большие налоги⁵. Только за сентябрь 1943 — февраль 1944 годов в фонд государства Глинская пустынь сдала около 50 тыс. руб.⁶, а в 1945 году — более 53 тыс. руб.⁷.

Выплачивая столь большие налоги, иноки Глинской пустыни жили в крайней бедности, но всем, что было в обители, делились с богомольцами, помогали им, как только было возможно, особенно заботясь о сиротах и вдовах.

В 1946—1947 годах монахи Глинской пустыни голодали, но с терпением подвизались, все упование возлагая на Царицу Небесную, за все благодарили Бога и безропотно несли каждый свой крест.

В 1947 году по решению Шалыгинского райсовета Глинской пустыни был отведен земельный участок размером около

¹ АСЕУ. Донесение епископа сумского И Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 9 февраля 1957 г.

² АУЦП. Сведения о монастыре Глинская пустынь от 6 мая 1944 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Налог на зелененый участок, например, составил более 1200 руб. (АУЦП. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

⁶ В том числе: в фонд обороны — 26,6 тыс. руб.; на танковую колонну — 6 тыс. руб.; на военный заем — 2 тыс. руб., на приобретение лотерейных билетов — 2 тыс. руб., прочие обложения составили 13 тыс. руб. (АУЦП. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

⁷ АУЦП. Денежная сумма, выданная Глинской пустынью в фонд государства в 1944—1945 гг. (Деньги на уплату налогов обители, вероятно, получала за счет пожертвований прихожан и церковного дохода.)

десяти гектаров¹. С этого времени начали сеять зерновые: в основном овес и просо, а также немного ячменя, кукурузы и фасоли. В огороде выращивали самые необходимые овощи: картофель, капусту, огурцы, помидоры, лук и свеклу². Кроме скота, которого было по-прежнему мало, завели пчел.

В конце 40-х годов деньги в монастырь поступали в основном за счет продажи свечей (65 процентов). Пятую часть доходов составляли пожертвования богомольцев, остальное получали за счет «тарелочного сбора», молебнов и богослужений в других приходах³. Более половины денег расходовалось на уплату налогов: со строений, с посевной площади, за пользование зданием церкви, подоходного налога и других⁴. Но, несмотря на все трудности, духовная мудрость и молитвы настоятеля быстро умножали братию монастыря, влекли в обитель духовно опытных иноков, большинство из которых много пострадало за веру Христову в ссылках и лагерях. Своей святой жизнью они возродили Глинскую пустынь.

В 1944 году в обители было уже 37 насельников (17 монахов и 20 послушников); в 1952-м — 60 (34 монаха и 26 послушников)⁵.

Несмотря на умножение братии, монастырю до 1948 года по-прежнему принадлежали лишь два двухэтажных здания (церковь с больничным корпусом и бывший «архиерейский» корпус)⁶. Нижние этажи этих корпусов были из кирпича, верхние обложены кирпичом. Снаружи здания были оштукатурены и побелены. Храм был убран «просто, без золота и серебра, но изящно... в том же корпусе находились кельи для монашествующих... а в нижнем этаже помещалась кухня, столовая для братии, сапожная, бондарная и столярная мас-

¹ АУПЦ. Сообщение епископа Сумского и Ахтырского Илариона уполномоченному по делам Русской Православной Церкви по Сумской области от 31 января 1947 г.

² Там же. Отчет Глинской пустыни об итогах посева 1947 г. от 10 июля 1947 г.

³ Там же. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г.

АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 5 мая 1952 г.

⁶ До 1949 г. территорию рядом с монастырем, принадлежавшую ранее обители, «занимал Шалыгинский райпромкомбинат, 2 здания были заняты местпромом, а в одном здании жили колхозники села Сосновки» (АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.), но решением Шалыгинского райсовета от 12 сентября 1949 г. эти помещения были переданы Сумскому облоно для организации в них Шалыгинского детского дома (ГАСО, ф. Р7382, оп. 1, д. 1).

Детский дом рядом с монастырем просуществовал до 24 сентября 1953 г., затем его помещение было передано Лебединскому дому инвалидов-престарелых (ГАСО, ф. Р7382, оп. 1, д. 14).

терские»¹. Во втором корпусе были келлии², просфорня и пекарня. Жилые строения были заняты до отказа. Еще в 1946 году обитель направила заявление председателю Сумского облисполкома с просьбой передать монастырю корпус старой больницы, который принадлежал Шалыгинскому промкомбинату³, поскольку в монастыре не хватало жилых помещений: «в келлии живем по 3—5 человек... а корпус старой больницы бездействует, крыша течет... промкомбинату он не нужен»⁴. Монастырь обещал привести корпус в порядок, но в просьбе было отказано.

В 1948 году монахи заняли еще и так называемый «угловой столп» рядом с бывшим «архиерейским» корпусом — небольшую каменную башенку, где раньше была часовня. Здесь на первом и втором этажах разместилось лишь по одной келлии. В ноябре 1948 года исполком Шалыгинского райсовета разрешил монастырю использовать под строительство прачечной разрушенное здание, принадлежавшее до этого промкомбинату, расположенное справа от ворот монастыря⁵. В следующем году прачечная была построена.

В этот период обитель терпела притеснения от председателя соседнего колхоза «Красный Октябрь» (с. Сосновка). Летом 1947 года было принято постановление райсовета о том, что Глинская пустынь должна помогать колхозу в уборке урожая. Пустынь отправила монаха (с подводой) на полтора месяца в хозяйство. Было перевезено не менее 50 тонн грузов, однако никакой справки о выполненной работе колхоз не дал, и монастырь не имел возможности доказать, что помощь колхозу была оказана⁶. Постепенно отношения с сельским советом так обострились, что в апреле 1949 года архимандрит Серафим (Амелин) направил заявление в Шалыгинский райисполком с просьбой перевести Глинскую пустынь в ведение Шалыгинского сельсовета «ввиду... незаконных и бюрократических давлений на Глинскую обитель со стороны председателя Сосновского сельсовета»⁷. Эта просьба не была удовлетворена.

¹ Алтарь не имел нижнего этажа, а от алтаря под храмом шел первый этаж, где располагались кухня и келлии (АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.).

² Там же.

³ АУПЦ. Заявление председателю Сумского облисполкома трудящихся от коллектива монашеской общины Глинской пустыни от 8 апреля 1946 г.

⁴ Там же.

⁵ Архив Глуховского райисполкома (АГР). Договор о передаче в пользование мужского монастыря Глинская пустынь зданий и культового имущества от 14 мая 1951 г.

⁶ АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 16 декабря 1947 г.

⁷ АШР. Материалы по монастырю и церквам Шалыгинского района.

О бедности обители в тот период свидетельствует инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря: в храме было только 25 икон, 1 потир, 1 лжица, 1 кадильница, 7 лампад, 6 подсвечников. На двух игуменов и 19 иеромонахов облачений было всего 7; диаконов было 5, а стихарей 3; подризников 13 (из них 3 — ветхих)¹. Опись имущества монастыря за 1952 год² полностью совпадает с описью за 1949-й, то есть за три года пустынь не смогла ничего приобрести даже для храма.

В донесении епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Алексию от 3 мая 1952 года о нуждах обители сказано, что здания монастыря «пришли в ветхость, нужны денежные средства для приобретения материалов и оплаты труда по ремонту строений», келлии монахов переполнены, необходимо «приобрести постельное белье, так как постели насельников... и верхнее одеяние монашествующих изношены; для упорядочения монастырских условий, ввиду престарелого возраста и инвалидности монашествующих, нужно пополнить монастырь трудоспособными насельниками»³.

В этих тяжелых материальных условиях главной целью отца настоятеля был подъем духовной жизни братии и богомольцев, их нравственное перерождение, стяжание ими Духа Святого. «Ревностный по проведению в обители строгого Афонского устава»⁴, отец настоятель восстановил строго подвижнический уклад жизни Глинских иноков, весь день которых был заполнен молитвой и трудами послушания.

В Глинской пустыни повседневное утреннее богослужение начиналось в четыре часа утра⁵. Сначала вычитывались утренние молитвы, затем была полунощница и утренняя; по 3-й и 6-й песни канона и после кафизм с амвона читались святоотеческие поучения и Пролог; после утрени совершался первый час. Утренняя обычно оканчивалась в 7—7.30 утра. На утрени молились все насельники обители, а на литургию оставались лишь мантийные монахи, остальные шли на послушания. После утрени каждый день был акафист Спасителю перед старинным

¹ АУЦП. Опись имущества монастыря Глинская пустынь на 5 апреля 1949 г.

² Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 июня 1952 г.

³ АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

Образом Нерукотворенного Спаса (в субботу — акафист Божией Матери)¹.

С 9 часов утра совершалась одна Божественная литургия (поскольку престол в обители был только один), которая оканчивалась в обычные дни к 11 часам утра, затем исполнялись требы. С 12 до 13 часов был обед, после которого до 16 часов все трудились на послушаниях. С 16 до 17 часов совершалась вечерня. Затем был небольшой перерыв, ужин по монастырскому уставу не полагался. В 18 часов начиналось повечерие, прочитывались каноны Спасителю, Богородице, Ангелу Хранителю и молитвы на сон грядущим. По окончании вечернего богослужения монахи целовали крест, прощались друг с другом и шли в свои кельи, где продолжали при свечах молитву наедине. После вечернего правила никакие встречи и разговоры не допускались. Келейное правило давалось старцем. Обычно оно включало в себя Евангелие, Апостол, Псалтирь. Самым же главным было исполнение пятисотницы с земными и поясными поклонами, которую никогда не опускали, ее вычитывали все насельники обители. На келейную молитву перед утренней службой большинство иноков после небольшого отдыха вставало в 2 часа ночи.

Праздничное богослужение в Глинской пустыни начиналось в 16 часов малой вечерней, которая длилась около одного часа, затем был перерыв, и в 18 часов начиналось всенощное бдение, продолжавшееся до часа ночи.

Чин богослужения в Глинской пустыни совершался строго по древнему уставу обители, без малейших сокращений или изменений. Как и прежде, кадили кациями (кадильницами, имеющими вместо цепей ручки), с гробницею на плечах. Пение исполнялось двумя клиросами на гласы и подобны. Левый клирос придерживался старых распевов Глинской пустыни, правый — использовал иногда распевы Киево-Печерской Лавры, обиход. Продолжительное богослужение, совершаемое во всей полноте, постепенно приводило внимательных иноков к богомыслию, которое овладевало всем существом молящихся так, что все земное отступало от них, и даже утомление не чувствовалось.

В храме монахи стояли отдельно от богомольцев, в особой комнате. Здесь были стасидии — специальные места, где можно было стоять и сидеть; садиться же разрешалось только тогда, когда это было определено уставом. Благоговейная настроен-

¹ До середины 50-х годов в Глинской пустыни между утренней и литургией был перерыв, во время которого читали правило ко Причащению и исповедовали богомольцев. (АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.).

ность во время богослужений поддерживалась и тем, что монахи совершали поклоны, снимали и надевали клобуки по уставу, все вместе, одновременно.

В 6 часов утра начиналась воскресная или праздничная полунощница, затем был соборный акафист Матери Божией, часы и литургия, которая оканчивалась в 13 часов. По праздникам был звон, звонили в маленькие колокола и подвешенные рейки.

После окончания литургии со Святой Панагией (Богородичной просфорой) шли в трапезную — сначала настоятель, за ним монахи попарно. Впереди несли икону праздника. Во время обеда читались жития святых, за год прочитывали все Четьи-Минеи. По окончании обеда настоятель в корзинку, которую носил старший трапезный, опускал остаток хлеба, корзинка передавалась через весь стол, и все также клали в нее остатки. Потом вставляли, возвышалась просфора, все отщипывали частицу просфоры и вкушали ее, прикладывались к иконе, брали благословение у настоятеля и расходились по келлиям. По уставу обители после монахов в трапезной кормили богомольцев¹. Для богомольцев готовили всегда; что сами монахи ели, тем и людей кормили.

Главной святыней обители был чтимый образ Рождества Пресвятой Богородицы — копия Чудотворной иконы Пустынно-Глинской. Особенность праздника Рождества Пресвятой Богородицы состояла в совершении крестного хода и водоосвящении на колодце в ограде монастыря.

Всей жизнью монастыря управлял отец настоятель. Его ближайшими помощниками, кроме братского духовника, были: казначей — иеромонах Феоген (в миру Фома Таран), впоследствии настоятель Глинской пустыни; благочинный — сначала иеросхимонах Иов (в миру Иов Полхов), затем иеросхимонах Андроник (в миру Андрей Лукаш); ризничий — до 1949 года иеродиакон Михаил (в миру Макарий Петренко), затем иеродиакон Герасим (в миру Григорий Щебедько); эконо́м — иеромонах Гордий (в миру Григорий Тюшин), впоследствии иеросхимонах Гавриил. Все они, кроме иеродиакона Михаила, подвизались в Глинской пустыни до ее закрытия в 1922 году.

Бывшие иноки Глинской пустыни до начала 50-х годов составляли почти половину насельников монастыря. Благодаря их высокой духовной настроенности, верности древним традициям обители, в пустыни строгойше соблюдались все монашеские обеты.

На послушаниях все делали только по благословению старшего. Кроме работ на кухне, в пекарне, просфорне, в монастыре были послушания в столярной, сапожной и по-

¹ В 23-й главе устава Глинской пустыни «О гостеприимстве» сказано: «Аще кто из богомольцев ...трапезы вкусить восхошет, да веден будет по обычаю в трапезу; женский же пол да не входит, им же в гостинице трапеза да поставляется» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 31 об.).

шивочной мастерских, в прачечной, кузнице, библиотеке, канцелярии, на огороде, на скотном дворе. Несмотря на то, что почти две трети насельников монастыря в те годы были старше шестидесяти лет¹, монахи все делали сами, везде работали только монахи. Немошные телесно, но духовно сильные, они своей молитвенно-трудовой иноческой жизнью восстановили и благоустроили Глинскую пустынь.

Жизнь в обители была поистине постническая. Пищу готовили и ели только один раз в день. Как и раньше было заведено в монастыре, ели из одной миски сразу четверо. Варили, как правило, суп или борщ, кашу и компот. Рыбную пищу готовили не чаще, чем раз в год (варили соленого судака), молоко уходило на молокопоставки, братия почти его не получала. Хлеб в основном ели черный, белого на трапезе давали не более одного куска. До самого закрытия обители хлеб монахи пекли сами — и на братию, и на богомольцев. Великим постом постились очень строго, по Типикону. В первую неделю поста старцы три дня вообще ничего не вкушали, а молодые монахи и послушники не ели ничего вареного.

Готовили пищу на дровах и торфе, так как в обители не было ни газа, ни электричества. Электричество не проводили в обитель специально. Отсутствие его отрешало иноков от мирской суеты, а горение свечей более настраивало душу на молитвенное единение с Богом.

В начале 50-х годов монахи в келлиях жили по пять-шесть человек (даже старцы жили не по одному), но это не мешало инокам духовно совершенствоваться, так как все в единомыслии и любви работали Господу. Если кто-то вставал ночью молиться, то другому не мешал. Молились тайно, сдержанно, хотя и целые ночи на молитве простаивали. В летнее время уходили молиться в подвал.

В монашество постригали лишь после длительного искуса. После трехлетнего пребывания в обители давали только одежду послушника, затем, через несколько лет, если убеждались в истинных монашеских намерениях послушника, его постригали в рясофор и только после длительного срока, при многих подвигах и трудах — в мантию.

¹ В 1944 г. в Глинской пустыни в возрасте свыше 60 лет было 22 насельника, от 40 до 60 лет — 8, от 30 до 40 — 2 и до 30 лет — 5 (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 6 мая 1944 г.). В 1952 г., соответственно, в возрасте свыше 60 лет было 44 насельника, из них 24 старше 70 лет, от 40 до 60 лет — 10, от 30 до 40 лет — 5, до 30 лет — 5 (АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 5 мая 1952 г.). Кроме того, в числе братства были слепцы и инвалиды; например, в 1945 г. в обители было 30 нетрудоспособных: инвалидов, больных, перенесших контузии (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 22 февраля 1945 г.).

Волосы и бороду никогда не подстригали (за исключением усов, чтобы не мешали священнослужителям во время принятия Святых Таин), в бане никогда не мылись.

Строгость жизни проявлялась и в том, что инокам не разрешалось выходить за ограду обители.

Основой духовного воспитания иноков Глинской пустыни, как и в прежние времена, было старчество. Если архимандрит Нектарий (Нуждин) только начал дело его возрождения, то при о. Серафиме (Амелине) старчество процветало в обители и принесло обильные духовные плоды. Ежедневное откровение помыслов, полное отсечение своей воли и безусловное послушание стало нормой жизни для Глинских иноков. Их высокая духовная целенаправленность была результатом старческого окормления.

В середине 40-х годов в обитель поступили маститые старцы-архимандриты Тихон (Беляев), Артемий (Миньковский), Антоний (Прохода). Примером своей жизни назидали также братию иеросхимонахи Иов (Полхов), Петр (Дробязка), Мелетий (Шечко), Алексий (Заярный) и другие.

До 1946 года духовником обители оставался схиигумен Антоний (Ветер). После его кончины на эту должность был назначен архимандрит Антоний (в миру Андрей Петрович Прохода). Он родился 1 декабря 1875 года в селе Суходол Улановской волости Глуховского уезда Черниговской губернии в крестьянской семье, образование получил в сельской школе¹. Рано проявилось в нем звание Божие к иночеству, но, как писал сам подвижник, «обстоятельствами принужденный оставаться при родителях»², лишь в 1898 году смог он поступить в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Афонской Горе. Здесь обрел он то, к чему стремилась его душа: строгий иноческий устав, продолжительные богослужения (бдение длилось по восемь, а иногда и по десять-двенадцать часов), руководство опытных старцев. Все внимание иноков обращалось на внутреннее делание, сокровенную жизнь во Христе.

Прожив на Афоне семь лет, Андрей был назначен послушником на книжный склад Афонского подворья в Москве³. В мае 1906 года, по прошению, он был переведен в Донской монастырь⁴, где проходил послушание пономаря в соборном храме⁵. 12 декабря 1908 года Андрей был пострижен в рясофор, а 29 ноября 1909-го — в мантию с именем Антоний⁶. Настоя-

¹ Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА СССР), ф. 1183, оп. 1, д. 172, л. 3.

² Там же, л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 88, л. 2 об.

⁵ Там же, д. 172, л. 1.

⁶ Там же, л. 4.

тель Донского монастыря архимандрит Иаков в докладе в Московскую Синодальную контору писал, что Антоний «ведет себя благонравно и трезво, к начальству относится с должным уважением и послушание, на него возложенное, исполняет с особым усердием и честностью»¹. В 1910 году о. Антоний был рукоположен во иеродиакона², а в 1920-м — во иеромонаха³. С этого времени он особенно усилил молитву, которая указывала ему путь духовного восхождения. О. Антоний постоянно ощущал суетность и кратковременность земной жизни; многими подвигами он стяжал особую духовную цельность, собранность, спасительную устремленность к вечной жизни. В 1923 году он был награжден Святейшим Патриархом Тихоном наперсным крестом, а в 1928-м — митрополитом Сергием — саном архимандрита. В 1932 году, во время гонения на Церковь Христову, о. Антоний был выслан из Москвы и уехал на родину.

В 1943 году он поступил в Глинскую пустынь, где своим подвижничеством и благочестием, духовной мудростью приобрел всеобщую любовь и почитание. Архимандрит Антоний был назначен духовником братии, когда ему было уже более семидесяти лет. Воспитанный строгими афонскими старцами, он не только с чувством подлинного смирения познал самого себя, но и провидел душевное состояние тех, кто к нему обращался. На исповедь к нему приходили не только братия монастыря, но и многие миряне.

В своих наставлениях о. Антоний особенно поучал о необходимости молитвы в деле спасения. Он говорил, что при постоянном молитвенном подвиге человек входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. Душа искренне молящегося всегда чутко реагирует на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждает его зорко следить за чистотой собственной совести перед Богом и всеми людьми. Архимандрит Антоний не только других учил молиться, но и сам неустанно просил Бога о своих духовных чадах, он искусно врачевал всякие язвы душевные и успешно руководил вверившиеся ему души к духовному преуспеянию.

В 1948 году по старости он был освобожден от должности братского духовника, но продолжал принимать на исповедь богомольцев и тем более не отказывал братии в духовной поддержке.

¹ ЦГАДА СССР, ф. 1183, оп. 1, д. 172, л. 1.

² Там же, д. 88, л. 6.

³ АСЕУ. Послужной список архимандрита Антония (Проходы). Далее сведения о жизни архимандрита Антония приводятся в соответствии с этим документом.

В 1951 году Великим постом архимандрит Антоний принял постриг в великий ангельский образ с именем Афанасий. На второй день Пасхи, когда он совершал литургию, ему стало плохо. Старца отвели в келлию, где он в тот же день мирно скончался. Похоронен схиархимандрит Афанасий на братском кладбище Глинской пустыни.

Большим духовным авторитетом пользовался в те годы также иеросхимонах Иов (в миру Иов Никитич Полхов). Родился он в семье крестьян Курской губернии в 1877 году¹, образование получил в сельской начальной школе. В Глинскую пустынь Иов поступил в 1913 году и проходил послушание при бакалейной лавке². Отличаясь сердечной простотой и искренним смирением, он скоро приобрел любовь всей братии. В июне 1918 года Иов был пострижен в рясофор³, а перед закрытием обители в 1922 году — в мантию с оставлением имени Иов, затем рукоположен во иеродиакона. В 1926 году, о. Иов принял великую схиму также с оставлением прежнего имени⁴. Во время Великой Отечественной войны о. Иов жил в городе Белополье Глуховского района Сумской области. В 1943 году он вернулся в Глинскую пустынь, где был рукоположен во иеромонаха, и в 1944 году назначен благочинным обители. Отличительной чертой о. Иова была постоянная сосредоточенность в себе самом. Он искренне до самой кончины считал себя хуже всех и ниже всех, еще не положившим начала духовной жизни, и всегда просил у Господа даровать ему покаяние. Молитвенная собранность и внимательное самоиспытание настолько очистили его сердце, что он стяжал внутренний плач, сетование о своих грехах, а в храме почти все время проливал теплые слезы умиления.

Отец Иов «бегал людей», всей душой стремился к уединению, кроме исповеди ни в какие беседы старался не вступать, но братия и очень многие богомольцы искали у него духовного совета и утешения. Сама внешность подвижника влекла к нему людей. В его строгом монашеском облике чувствовалась какая-то необычная простота и святость. В келлии у о. Иова не было ничего лишнего, только несколько икон, четки и самые необходимые книги. Старец имел дар прозрения. Его простые речи были полны духовной силы и священной веры в помощь Божию. Покаяние считал он основой всех видов христианского подвига, и его краткие поучения были горячим призывом к истинному покаянию. В 1945 году он был награжден набе-

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 65.

² Там же.

³ Там же.

⁴ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни, представленных к наградам в 1946 г.

ренником, а в 1946-м — золотым наперсным крестом¹. В этом же году после напутствия Святыми Тайнами иеросхимонах Иов тихо и мирно почил о Господе.

В конце 40-х годов в Глинскую пустынь вернулись такие великие старцы и духовные светочи, как схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов). Благодаря их молитвам и трудам, духовное окомление иноков и мирян во всей полноте процвело в обители.

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш), маститый старец, великий молитвенник и смиренный труженик на ниве Христовой², родился 12 февраля 1889 года в селе Луппа Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье крестьянина Андрея и его жены Акилины³. Начальное образование получил в сельской церковно-приходской школе. В 1906 году, желая всецело посвятить свою жизнь Богу, Алексей приехал в Глинскую пустынь⁴ и просил настоятеля схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) принять его в обитель. Строгий,

¹ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни, представленных к наградам в 1946 г.

² Этот текст, как и почти весь некролог архимандрита Иоанна (Маслова), посвященный памяти схиархимандрита Андроника (Лукаша), дословно списан А. Чесноковым и, без ссылки на первоисточник (на с. 216—218), без заключения цитируемого текста в кавычки, помещен в его диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия «Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков». Сравн.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Вечная память почившим. Схиархимандрит Андроник (Лукаш).— ЖМП, 1974, № 8, с. 45—46 и Чесноков А. Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков. Загорск, 1990, с. 216—219. Дословно цитирует А. Чесноков, не заключая в кавычки, «Глинский Патерик» о. Иоанна и некролог, посвященный памяти схиархимандрита Серафима (Романцова). Сравн.: Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Серафим (Романцов).— ЖМП, 1976, № 10, с. 29—30 и Чесноков А. Глинская пустынь и пастырское служение ее иноков, с. 233—236. Остальные разделы диссертации А. Чеснокова основаны не на подлинных документах, а на воспоминаниях разных лиц. Они содержат много фактов, не соответствующих действительности, и мы вынуждены перечислить здесь хотя бы некоторые из них, чтобы оградить читателей от недостоверной информации. А. Чесноков ошибочно утверждает, что:

— Глинская пустынь была открыта уже после изгнания немцев (с. 138),
— от старой Глинской пустыни сохранился только «архиерейский» корпус (с. 133),

— в 1961 г. обитель закрывали при настоятеле Модесте (с. 140). Неверно он указывает численность насельников монастыря (с. 142); расположение зданий в обители (с. 134), часы начала и окончания богослужений, искажает как распорядок дня, так и уклад жизни монастыря даже в мелочах (пишет, например, что монахи в храме стояли вместе с богомольцами (с. 135)). В работе А. Чеснокова не только не указаны фамилии настоятелей Глинской пустыни (так же, как и других ее насельников), но и перепутаны последовательность и периоды их настоятельства (с. 139—140); неверно указаны основные даты жизни о. Серафима (Амелина); допущены ошибки и при перечислении имен насельников обители, приведены вымышленные имена иноков, что легко проверить по послужным спискам монашествующих.— Примеч. составителей.

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75.

⁴ ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

⁴ АСЕУ. Послужной список схиархимандрита Андроника (Лукаша).

умный отец Иоанникий, проверяя решимость юноши, спросил: «Ты такой молодой, а послушания у нас тяжелые... Как будешь жить?»¹. Но, видя непоколебимое стремление Алексея к иноческой жизни, принял его в состав братства. Сначала Алексей нес послушание в монастырской гостинице, принимая гостей, затем — на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке и наконец в скиту. Первым его старцем был о. Аристоклий (Ветер). В 1913 году о. Аристоклий перешел в Омский Покровский монастырь, а Алексея поручили строгому аскету и опытному подвижнику о. Иулиану (Гагарину), который учил его внимательной Иисусовой молитве и духовному противоборству. С детства кроткий и смиренный, Алексей полностью предал себя в волю старцев. Такая настроенность привлекала к нему благоволение и милость Божию, помогала возрастать в богоугодной жизни и идти спасительным путем духовного обновления. Тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, посылаются и сугубые скорби. Так и жизненный путь старца был преисполнен различных скорбей.

В 1915 году Алексея призвали в армию. Сначала он служил в Перми, но вскоре был переведен на фронт, где попал в плен к австрийцам² и пробыл в Австрии три с половиной года. Пленных почти не кормили, работу давали самую трудную. Многие пленные умерли. Но Алексей усиленно молился и принимал все скорби как от руки Божией. От такого внутреннего устройства в душе его постоянно сохранялся мир. Он стяжал живую веру и получал благодатные утешения. О страданиях тех лет старец с присущей ему кротостью говорил: «Мы землю копали, все равно ведь нужно трудиться. И чудеса Божии сопутствовали нам»³. Конвоиры, видя, как старательно он работает, предлагали ему табак (нередко пленные меняли хлеб на табак), но Алексей не брал. Они удивлялись и говорили: «И не курит, и трудится»⁴. После окончания войны в 1918 году он вернулся в обитель, где сначала проходил послушание на монастырской мельнице, а затем был определен на должность эконома⁵. 11 июня 1920 года был пострижен в рясофор, а в 1921-м — принял монашеский постриг с именем Андроник⁶. День пострига навсегда остался в его памяти. Позднее он писал

¹ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Анроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

² Вместе с о. Андроником в плен попали еще пять монахов, служивших с ним в одном взводе (Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Анроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

и говорил своим духовным детям: «Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные нами... быть истинными монахами — во веки не согрешите»¹. Годы, проведенные в обители, оставили в молодом иноке неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. И впоследствии, где бы он ни был, он всегда был тверд в исполнении своих монашеских обетов.

Отец Андроник глубоко переживал закрытие Глинской пустыни и говорил, что это было «событие страшное»². Своей строгой иноческой жизнью и беспрекословным послушанием монах Андроник обратил на себя внимание епископа Павлина (Крошечкина), Курского викария, который взял его к себе в келейники и в 1922 году рукоположил во иеродиакона. Старец рассказывал: «Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: «Бог даст и зазвонят», за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 году на 5 лет»³. В ссылке о. Андроник служил санитаром в тюремной больнице. Он ухаживал за больными с искренним состраданием и любовью, сам мыл их. Все его любили, а сосланные узбеки даже звали «мамой». Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом «застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки»⁴. Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. В 1936 году он был награжден за это золотым наперстным крестом Патриаршим Местоблюстителем Блаженнейшим Митрополитом Сергием. По амнистии о. Андроник вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 году в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени Преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда о. Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преп. Андроника, память 26 (13) июня)⁵.

В 1939 году о. Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала его одиннадцать месяцев держали

¹ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

² Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но старец молчал. Ему угрожали, мучили: «Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают...»¹. Следователь кричал на о. Андроника: «Я тебя убью», а однажды сорвал со старца крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: «Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь». Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время допроса вошел в комнату «какой-то верзила и сказал следователю: «Сколько ты будешь возиться с этим стариком?»², и ударил о. Андроника так, что тот потерял сознание. «Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал, да о камень ударился»³. Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскалена печь, и сказали: «Ну, Лукаш, садись на печку». Отец Андроник спросил: «Как, разуваться? Босым лезть?» Тогда его удержали: «Пока подожди». Во время другого допроса раздели до нижнего белья, вывели в коридор, где стояли огромные ящики в рост человека, в таком ящике его и заперли, а мороз был пятьдесят градусов. Старец думал, что замерзнет и умрет там, но в последний момент ящик открыли, под руки вывели его, так как сам он идти уже не мог⁴. Много раз предлагали подписать какие-то бумаги, но о. Андроник отвечал: «Я неграмотный, не знаю, что там написано» — и не подписывал. Затем о. Андроника перевели в лагерь, там было легче, допросов не было, «только шпана очень беспокоила, если к ней попадешь»⁵.

В лагере много работали, о. Андроник был там дневальным. Трудолюбие, послушание и внутреннее благородство старца вызывали уважение не только у осужденных, но и у охранников. Сам начальник лагеря очень его уважал, дорожил им и в конце срока взял к себе в дом, где о. Андроник вел все домашнее хозяйство. «Я повесил картиночку «Воскресение», молился, а когда начальник стал за это упрекать, то сказал: «Не нравится — уйду в лагерь», — рассказывал старец. По-видимому, он сильно болел в то время, так как просил начальника в случае его смерти сообщить в Патриархию, что скончался такой-то схимник. Все в той семье очень полюбили о. Андроника, жена начальника расспрашивала его о духовной жизни, а когда закончился срок о. Андроника и он уезжал в Глинскую пустынь, она

¹ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

дала ему денег на дорогу. Сам же начальник всеми силами пытался удержать о. Андроника, жалко ему было расставаться со старцем¹.

28 сентября 1948 года о. Андроник вернулся в Глинскую пустынь². С самыми теплыми чувствами братской любви встретили его настоятель и старцы обители. Видя высокоподвижническую жизнь о. Андроника, епископ Сумской и Ахтырский Иларион в апреле 1949 года назначил его благочинным и ризничим монастыря³. Как благочинный он должен был следить за всем в обители, собирать братию на общие послушания (сенокос, заготовку дров, работы на огороде и др.), на которых всегда сам был первым. Во всех делах о. Андроник был энергичен и бодр, так что слово его, живое, задушевное, ясное, подбадривало и всех окружающих. Работать с ним было легко и радостно.

Душа о. Андроника, очищенная многими скорбями, была преисполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духовность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь «Любите врагов ваших» и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией — христианскую любовь к ближнему. Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец всегда смиренно согнувшись. В его послужном списке было сказано: «Отец Андроник отличается особым смирением, кротостью и трудолюбием; послушлив, любвеобилен»⁴. Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение наполняло их сердца. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником⁵. Епископ Сумской и Ахтырский Евстратий писал: «О. Андроник... пользуется заслуженным уважением всех насельников обители. Все свободное время проводит в молитве»⁶.

Действительно, ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: «Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих грешных молитвах»⁷. Мудрый духовный наставник, о. Андроник имел дар от Бога безошибоч-

¹ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

² АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Андроника (Лукаша).

³ Там же.

⁴ Там же. Послужной список схиигумена Андроника (Лукаша).

⁵ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 3.

⁶ АСЕУ. Список монахов, представленных к наградам в 1954 г.

⁷ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

но видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца заключалась в том, что ему свыше было открыто, как и каким путем вести каждую душу ко спасению. Помогая другим, он и сам восходил на вершину богообщения, и слушающих его возводил за собой.

Советы старца всегда были основаны на учении святых отцов. В сохранившихся записях о. Андроника собраны наставления из «Отечника», «Луга духовного», других святоотеческих творений, а также глубокие по своему содержанию собственные изречения старца, которые он сам переписывал и раздавал своим ученикам¹.

5 мая 1955 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия о. Андроник был возведен епископом Евстратием в сан схиигумена. Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовались у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстратий (Подольский), который писал о. Андронику: «Вот уже шестой год я знаю Вас в ответственной и многотрудной должности (благочинного — А. И.), которую Вы исполняете с большой ревностью и такой же большой пользой для монастыря... Вы пользуетесь заслуженной любовью как насельников обители, так и многочисленных богомольцев ее... и моим Архипастырским расположением»². В прошениях обители к архиерею самыми убедительными для него были слова: «Сам схиигумен Андроник лично просит Вас»³.

В 1960 году Святейший Патриарх Алексей наградил о. Андроника палицей.

После закрытия обители в 1961 году о. Андроник переселился в г. Тбилиси под непосредственное попечение бывшего насельника Глинской пустыни митрополита Тетрицкароевского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Грузии о. Андроник продолжил свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого Александра Невского, кафедральном храме Владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузин-

¹ Личный архив автора. Наставления схиархимандрита Андроника (Лукаша).

² АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия схиигумену Андронику (Лукашу) от 21 сентября 1957 г.

³ Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) Преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому, от 24 августа 1957 г.

ской Православной Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было не много богомольцев, а церковь, где исповедовал о. Андроник, всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца. В 1963 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

Тесна была духовная связь о. Андроника со всеми Глинскими иноками, которые часто писали ему, приезжали. «Сердце горело, когда ехали к старцу»,— вспоминали они. Письма отца Андроника к его духовным детям—инокам Глинской пустыни, составляющие часть его духовного наследия, проникнуты необыкновенно искренней, трогательной любовью, истинно отцовской заботой и даже лаской. В то же время они содержат и строгие, мудрые высокодуховные наставления. Приведем лишь несколько отрывков из его писем. «Духовный и возлюбленный мой родной сыночек, отец... Не скорби... Господь—сердцеведец, призови Его крепкою сердечной верой, и Он всеблагий всегда тебе поможет. А больше всего всегда старайся и дела, и жизнь свою предавать всецело святой воле Божией. Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи и свой посильный труд к этому делу». «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше среди докучливых и иногда устрашающих искушений. Добро всегда иметь Господа пред собою и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве... Господи, посылаешь ми скорби, прошу: пошли и терпение. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, прости, помоги мне, Господи, Крест Твой понести».

«Радуйся во искушениях, которые будут допущены тебе, при посредстве их приобретается духовный плод». «Молися почаще и говори: «Не яко аз хочу, а яко Ты, Отче. Матерь Божию нужно просить, Она никогда не оставит. Только нужно крепко веровать»¹. К Матери Божией имел о. Андроник величайшее благоговение и любовь. Он говорил: «Поручитесь Матери Божией—Она вас всегда и везде спасет!»

Очень часто старец повторял: «У человека невозможно, у Бога все возможно...», «Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: «Легли многие и не встали; заснул—и на вечность».

К старцу обращались многие священнослужители для разрешения вопросов, которые у них возникали в их пастырской деятельности. Вот дословные ответы старца на некоторые из таких вопросов.

«Те, кто причащаются каждый день,—эти люди в прелести. Это не нужно, это от лукавого. Причащаться надо только один раз в месяц. Нужно подготовиться к Причастию, отсекай сво-

¹ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

евелие, чтоб Причастие было во спасение, а не во осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник... Священникам надо почаще каяться. Людей исповедуем часто, а сами не каемся. Хорошо каждый день исповедоваться, что есть на совести...

Если в храме есть ковры, на которых изображены кресты, то такие ковры надо убирать... на кресте был Господь распят, а мы ходим, топчем. Однажды в Глинскую пустынь прислали дорогой ковер, а на нем большой крест, но сразу заметили и убрали...

Некоторые священники, когда нет вина, совершают литургию на соках. Это грех. Это недопустимо.

Во время литургии на жертвеннике и на престоле нужно, чтоб обязательно горели свечи, если не горят, то смертно согрешает иерей¹.

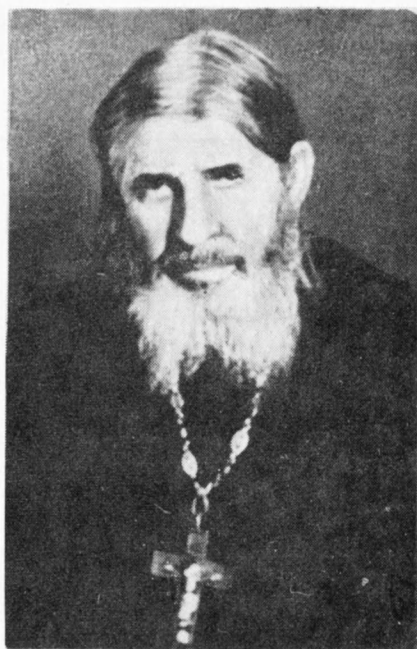
Достигнув преклонного возраста, схиархимандрит Андроник почувствовал, что приближается переход его в иной мир, к чему он готовился всю свою жизнь бдением, пощением и молитвой. В ноябре 1973 года во время чтения утренней молитвы «Боже, очисти мя, грешного...» он стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь и отнялась левая сторона тела. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божиим Промышлением он еще должен было пожить на пользу своих духовных чад. Через двадцать пять дней речь его восстановилась, но паралич левой стороны продолжался до самой кончины.

Не имея возможности по болезни посещать богослужения, он переносил болезнь без ропота и непрестанно молился дома, ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. На первой седмице Великого поста о. Андроник почувствовал облегчение и даже мог петь ирмос «Помощник и Покровитель...». И никто теперь уже не думал, что это была последняя его песнь. На третьей седмице его здоровье ухудшилось, и он перестал принимать пищу. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра, он был в забытии. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова: «Милость Божия все покроет», а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за строгую, подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в сознание, тихо сказав: «Я буду умирать», закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и оставался в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра он в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

¹ Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

Братия Глинской пустыни в 1958 году

Схиигумен Андроник (Лукаш). 1959 год

Отец Андроник (Лукаш) на послушании
в Глинской пустыни

Фотография 1950-х годов

**Схиигумен Андроник (Лукаш) у могилы
настоятеля Глинской пустыни
схиархимандрита Серафима (Амелина)**

Фотография конца 1950-х годов

Слева направо: иеросхимонах Серафим (Романцов)
и схиигумен Андроник (Лукаш) в Глинской пустыни

Фотография конца 1950-х годов

Отпевание схиархимандрита Андроника (Лукаша)

**Схиеромонах Серафим (Романцов) и иеромонах
Михаил (Петренко) отправляют паломников из
Глинской пустыни**

Фотография конца 1950-х годов

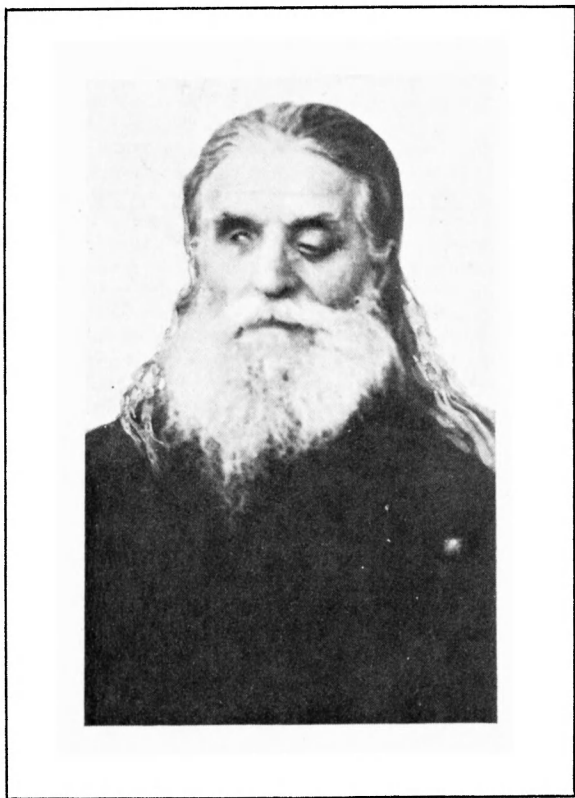
Схиархимандрит Серафим (Романцов)
на смертном одре

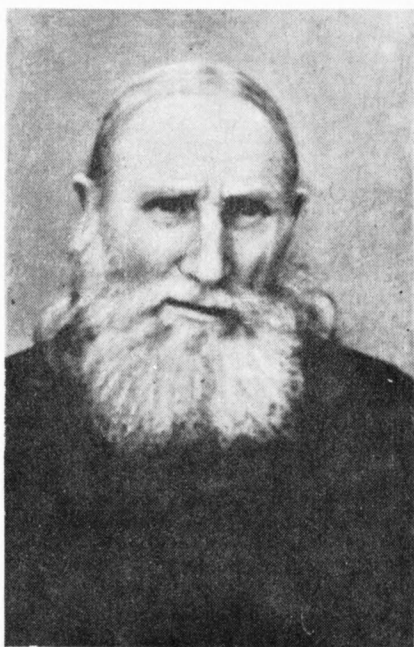
Отпевание схиархимандрита Серафима (Романцова)

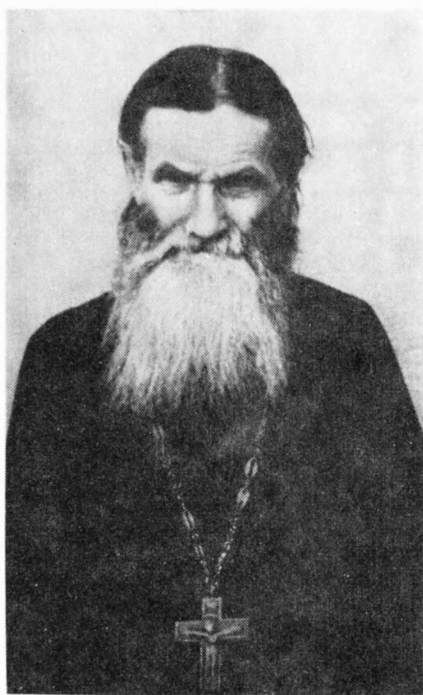
Крестный ход к колодцу в 1959 году

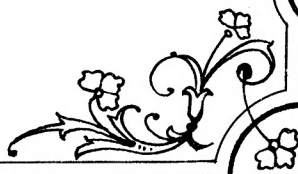
Монах Иакинф (Резник)

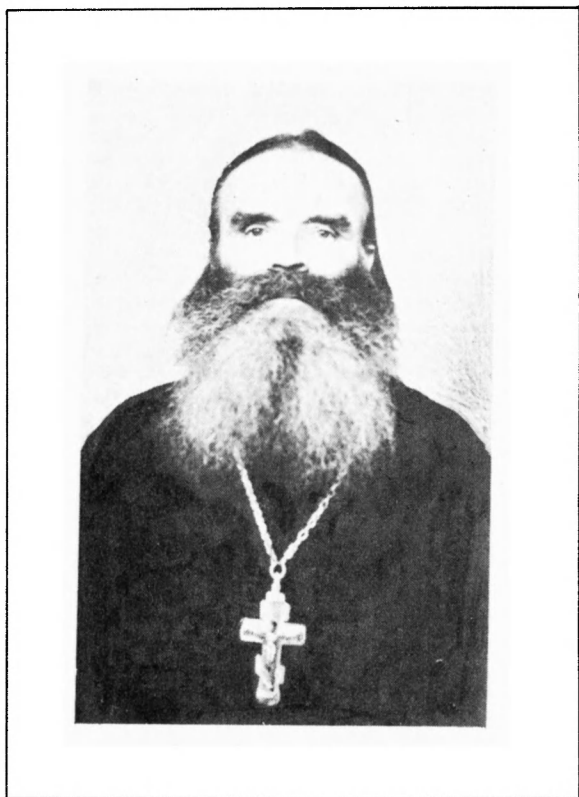

Иеродиакон Георгий (Ефименко)

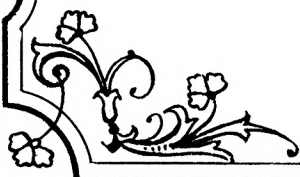

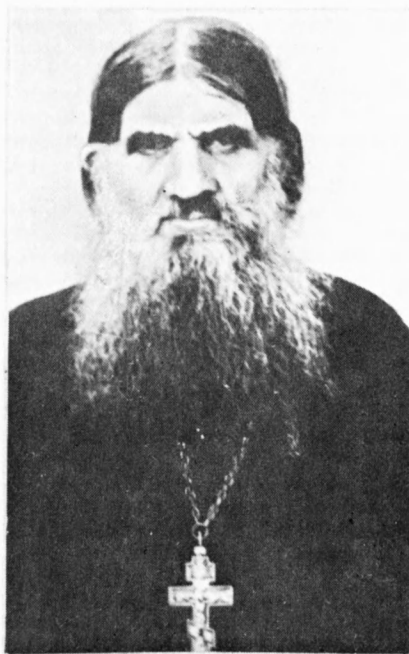
Иеромонах Михаил (Петренко)

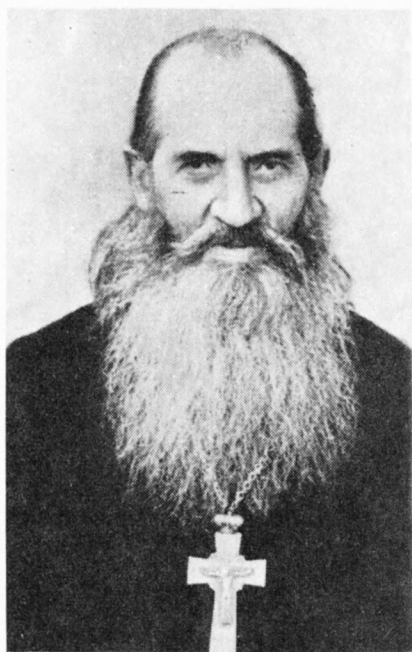

Иеромонах Власий (Сумин)

Иеромонах Иосиф (Ходыревский)

Архимандрит Феоген (Таран),
настоятель Глинской пустыни

21 марта гроб с телом почившего схиархимандрита Андроника был поставлен в соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, где митрополитом Зиновием была совершена великая панихида. Тело старца находилось в соборе до 26 марта. У гроба совершались панихиды и читалось местными и приезжими священниками Святое Евангелие. 26 марта архимандрит Иоанн (Маслов) с собором клириков совершил литургию Преждеосвященных Даров. Отпевание и погребение схиархимандрита Андроника было совершено митрополитом Зиновием с собором духовенства в присутствии иерарха Грузинской Церкви епископа Цилканского Гайоза, ректора Мцхетской Духовной Семинарии. Бывший насельник Глинской пустыни игумен Иларион (Приходько) сказал сердечное прощальное слово, в котором подчеркнул, что о. Андроник был человеком широкой души, глубокой веры и большим тружеником, его сердце было исполнено сострадательной любви к каждому человеку, он жил не для себя, но для народа, поэтому к нему вполне приложимо наименование печальника душ человеческих. Затем гроб с телом о. Андроника был обнесен священнослужителями вокруг престола. Прощальная процессия направилась к месту погребения — Грмагельскому городскому кладбищу. По совершении на могиле краткой литии гроб с останками верного служителя Церкви Христовой при пении «вечной памяти» был опущен в могилу. Прах о. Андроника предал земле митрополит Зиновий, который заботился о нем, как любящий отец о своем сыне. Он же в сороковой день по преставлении к Богу схиархимандрита Андроника в соборе святого князя Александра Невского совершил заупокойную литургию и панихиду в сослужении всего духовенства, съехавшегося почтить память старца. Могилу старца посетил Святейший Патриарх Давид, который, обращаясь к о. Андронику, положил на его могилу красное яйцо и сказал: «Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни? Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем открыто было твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства».

Память об о. Андронике будет всегда жить в сердцах многих людей. Он поистине «подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь ему готовится венец правды, который даст Господь, Праведный Судия в день оный» (2 Тим. 4, 7—8).

Великий Глинский старец схиархимандрит Серафим (в миру Иван Романович Романцов) родился 28 июня 1885 году в деревне Воронок Крупецкой волости Курской губернии в семье крестьянина¹. О жизни его сохранилось совсем не-

¹ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).

много сведений, так как «старец о себе ничего не говорил по своей скромности»¹. Иван окончил церковно-приходскую школу. В августе 1910 года, после смерти родителей, он поступил в Глинскую пустынь². Сначала был определен на послушание при хлебне³, а через год — при бондарне⁴. В 1914 году он был взят в армию и участвовал в первой мировой войне, в 1916 году был ранен и после выздоровления возвратился в обитель. В 1919 году Иван Романцов принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Постригал его настоятель архимандрит Нектарий. Для молодого инок начались годы высшей школы, годы постижения духовной науки из наук — монашеской жизни. Старцем его, как и у о. Андроника (Лукаша), стал иеромонах Аристоклий (Ветер)⁵, научивший его чистосердечному ежедневному исповеданию помыслов и внимательности ко всем движениям сердца. Впоследствии о. Серафим считал это внутреннее делание очень важным для духовного возрастания и спасения души.

Благодать Божия дала ему полнее вкусить сладость духовной жизни и тем пресекла вкус ко всему земному. Под руководством мудрых Глинских старцев он терпеливо переносил искушения, приобрел навык полного послушания и смирения. Кроме стяжания этих добродетелей, юный подвижник с усердием предавался подвигу молитвы; любовь к молитве настолько пленила его сердце, что он не расставался с ней всю свою жизнь. «Горячая молитва,— говорил он не раз впоследствии,— ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни». В 1920 году монах Ювеналий был рукоположен во иеродиакона епископом Рыльским Павлином⁶.

После закрытия Глинской пустыни о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия), где в 1926 году епископом Никоном был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим⁷.

В 1928 году был закрыт и Драндский монастырь. До 1930 года о. Серафим жил в окрестностях Алма-Аты и работал сторожем на пасеке⁸. В 1930 году он был арестован и выслан на строительство Беломорканала.

¹ Личный архив автора. Письма митрополита Зиновия (Мажуги).

² ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 116.

³ Там же.

⁴ ГАСО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 109.

⁵ Личный архив автора. Письма игумена Исаии (Коровая).

⁶ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

По воспоминаниям духовных чад о. Серафима, после закрытия Драндского монастыря он некоторое время жил в пустыни на Сухой речке, недалеко от Сухуми, под руководством иеромонаха Савватия (Личный архив автора. Письма игумена Исаии (Коровая).

С 1934 по 1946 год о. Серафим жил в Киргизии¹ — сначала в Тактагуле, затем в Ташкумуре. Летом он уходил высоко в горы, где к большому камню была пристроена плетеная хижина, внутри нее было лишь плетеное сиденье из лозы и каменный выступ вместо стола. Внизу из-под камня бил родник, а еду ему приносили из ближайшего селения. Жизнь о. Серафима была поистине аскетической, отшельнической. Он весь предался уединению, чтению Божественного Писания, молитве и богомыслию, спал мало, прямо на полу. Под воскресение и праздники совершал всенощное бдение, стоя на молитве с вечера до утра, и весь день потом не давал себе отдыха. Так приносил он искреннее покаяние Богу. Зимой о. Серафим жил в одной благочестивой семье, много ему помогавшей (живы еще родственники этой семьи, которых знает автор). За курятником, скрытно от всех, была сделана келлия, в которой были лишь печка, кровать и стол. Возрастая духовно, о. Серафим не оставлял и других без духовного окормления. По ночам совершал он богослужения, исповедовал и причащал, проповедовал, давал душеспасительные наставления и всех приходивших к нему обращал на путь спасения.

В 1946—1947 годах о. Серафим жил в Ташкенте, где был духовником при кафедральном соборе².

30 декабря 1947 года он вернулся в Глинскую пустынь³, а в 1948 году, видя духовную опытность и совершенство его монашеского подвига, архимандрит Серафим (Амелин) назначил иеросхимонаха Серафима на должность духовника.

С самых первых дней пребывания своего в обители о. Серафим всецело посвятил свою жизнь делу духовного окормления братии и богомольцев, и все обращавшиеся к нему видели в нем духовного руководителя и наставника на пути ко спасению.

Это был духовник опытнейший, знаток всех сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. Наделенный духовным рассуждением, о. Серафим всякому приходящему к нему давал наставления. С особой отеческой любовью принимал он тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто не знал, каким путем идти в жизни. Принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Православной Церкви. В то тяжелое послевоенное время столько горя было в каждой душе! Многие потеряли родных, близких, лишились домашнего очага; надо было поддержать и укрепить их веру. Отец Серафим вы-

¹ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).

² Там же.

³ Там же.

слушивал все скорби и тотчас залечивал раны душевные, давал нужные советы. Утешение, успокоение и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению.

Отец Серафим умел дать почувствовать, что земная жизнь — это лишь подвиг временного странствования на пути к вечной жизни; он призывал людей к жизни христианской, совершенной, возвышенной. Все его наставления имели своей целью святость в смысле отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Каждого призывал он стяжать в душе дары Духа Святого. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем» (Мф. 5, 19).

Пастырство о. Серафима было многогранно. К нему обращались люди с самыми разными судьбами и характерами, устремлявшиеся в Глинскую пустынь со всех концов страны. Он вникал во все тайники их сердец, своими мудрыми советами умел вовремя и правильно дать каждой душе единственно верное направление, ведущее ко спасению. Советы о. Серафима имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других. Все, что говорил старец, было основано на Св. Писании и святоотеческих творениях. Особенно зоркое внимание обращал старец на душевные страсти, учил всех следить за ними, не действовать по их внушению, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им. Он учил не оправдывать себя, а осознавать свои грехи и полагать твердое намерение исправиться.

Более всего стремился он привести своих духовных чад ко смирению, о котором писал: «...Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это величайший дар Божий, и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами не изъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божию, но не предается отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет какие от Бога дарования — молитву, или слезы, или пост, или иное что, то все оное тщательно

скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает»¹.

Смирение же самого старца было изумительно. Он никогда ничего не приписывал своим личным дарованиям, не считал себя никаким особым молитвенником, а наоборот, смирял себя в своих собственных глазах и в глазах тех, кто к нему обращался. Сознание необходимости помощи свыше, того, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати — это сознание все в его душе покорило глубочайшему смирению и наполнило ее христианским спокойствием. Старец иногда посещал келлии своих учеников и приходил всегда благовременно, имея цель духовную: ободрить и вразумить инока. По уходе его и сама келлия исполнялась благоухания смирения, запечатленного на всех делах и словах этого поистине дивного старца. Но смирение сочеталось в нем с ревностью о спасении душ пасомых. Поэтому на исповеди он мог быть и строгим, когда требовалось, обличал прямо и смело, так что духовные дети подчас трепетали лишь от одного вида батюшки Серафима, созная свою греховность.

Отец Серафим получал много писем от своих духовных детей; всем он старался ответить, всех утешить и поддержать. Так, монахиням, изнемогающим в скорбях и трудах, он пишет: «Радуйтесь о Господе, а не унывайте. Вы сами знаете, что в унынии нет спасения, уныние помрачает душу и расслабляет чувства. Зачем унывать? Прочь уныние. Да возрадуется душа моя о Господе и уповает на Него. Молитесь, трудитесь, пойте, читайте — вся во славу Божию творите, утешайте себя и говорите все, что душу назидает и к Царствию Божию ведет. Тогда сами делом уверитесь, как вся ваша душа покроется мирными помыслами и сердце ваше возвеселится, будучи объято неизреченною радостью о Христе Иисусе»².

Дает он в письмах и подробное наставление о том, как спасаться: «Прошу вас и молю: мир имейте между собой и святыню во всем — и в мыслях, и в делах; без сего никто не узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело удержать мысли добрыя, а злыя, когда они находятся, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову. Берегитесь почаству оставлять свою келлию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием, а если и приходит к вам кто бы то ни был, то ради Бога старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, — яже суть Божия, а не человеческая, в противном случае, то есть, когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощанием, просите святых его

¹ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Серафима (Романцова).

² Там же.

молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли исходят вся помышления злые, за помышлением слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров. Всего больше искушаются наши мысли и слово; но вот тут-то и подвиг, нужно бороться с такими искушениями: лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Помяните, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный. Если бы даже случилось кому-либо из вас скорбный и поносный слышать слова, не смущайтесь, а благодарите — это по большей части служит на пользу нам: ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить, как по течению воды плыть, но духовно жить нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить всякую нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас святое Евангелие. Хотя же вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благия и добрыя. Положи, Господи, хранение устом нашим и не уклони сердца наша в словеса лукавствия. Молитесь о мне, молюсь и о вас»¹.

В своих письмах и наставлениях о. Серафим постоянно предостерегал от осуждения ближних, показывал всю тяжесть этого страшного греха. Убеждал в необходимости терпения на пути ко спасению. «Невозможно без креста спастись... Давайте терпеть и спасемся!»². Призывал более всего хранить мир душевный и смиряться, за все благодарить Бога и с детской покорностью все переносить.

Отец Серафим неоднократно подчеркивал, что в деле спасения необходимо иметь руководителя, так как мало кто имеет дар духовного рассуждения и может различать плохое от хорошего. Монашествующих призывал хранить святое послушание, «ибо и Христос, когда пришел на землю, избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения Отцу Небесному... Пребывая в повиновении, радуйтесь, что и вы жительствуете по подобию Господа нашего Иисуса Христа... есть ли что блаженнее сего»³.

День старца начинался с двух часов ночи, когда он исполнял свое келейное правило, затем неопустительно бывал на богослужении, после которого всего себя отдавал на служение ближним: принимал богомольцев, распределял их на жительство в пустыни,

¹ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Серафима (Романцова).

² Там же.

³ Там же.

исповедовал, решал все возникавшие вопросы, и так до позднего вечера. Ночью отвечал на письма. Переписывал сам и духовных детей благословлял переписывать отрывки из творений святых отцов, которые потом рассылал. Времени на отдых у о. Серафима оставалось совсем мало, но даже и это время он использовал для молитвы о своих пасомых. Любовь побуждала его самоотверженно заботиться о каждой душе. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами, своей сострадательной любовью! Как сам о. Серафим писал в своем духовном завещании, прося молитв о самом себе: «...Все вы были в моем сердце, и обо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал... Помяните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моею собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам»¹.

Это был великий угодник Божий и истинный пастырь, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, непрестанным контролем над собой, духовным бодрствованием и молитвенным подвигом. Поистине это был спутник, который сопровождал людей в Царство Небесное. За советами к нему обращались не только миряне и монахи, но и архиереи, видя в нем не плотского человека, а мужа духовного. Святейший Патриарх Алексий лично знал о. Серафима, неоднократно принимал его и беседовал с ним как о духовных предметах, так и о нуждах обители².

За усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией Святейшим Патриархом Алексием в 1954 и в 1957 годах о. Серафим был награжден наперсным крестом, в 1960 году — возведен в сан игумена³.

После закрытия Глинской пустыни схиигумен Серафим переехал в Сухуми, где продолжал свои старческие труды, будучи духовником кафедрального собора. И сюда к нему стекалось множество богомольцев. Никогда до этого Сухумский храм не был переполнен так, как при о. Серафиме. В последние годы своей жизни, удрученный многими подвигами, старец безропотно нес свой тяжелый крест пастырства. По-прежнему он не только принимал людей, но и рассылал множество писем, отвечая на вопросы своих духовных детей. И никогда никто не слышал от него гласа нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Как пастырь он жил во Христе, утвердился в истинной святости, был истинным мучеником, распинался со Христом ради паствы, был достойным носителем благодати Христовой. За ревностное слу-

¹ Личный архив автора. Духовное завещание схиархимандрита Серафима (Романцова).

² АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) Преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому.

³ Личный архив автора. Свидетельство духовника о. Серафима (Романцова) о возведении его в сан игумена. Сумы. 1960.

жение Святой Церкви митрополитом Сухумским и Абхазским Илией (ныне Каталикос всей Грузии) в 1975 году о. Серафим был возведен в сан архимандрита.

До конца жизни о. Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокую молитвенность. Он имел непрестанную умную молитву Иисусову.

18 декабря 1975 года, во время всенощного бдения в канун праздника Святого Николая, о. Серафим почувствовал себя плохо. Он слег в постель. Все время старец читал вслух молитву Иисусову, а когда уставал, то просил других продолжать ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался Святых Христовых Таин.

Будучи в полном сознании, старец сподобился увидеть многих своих братьев по духу, которые, по его словам, пели стихиру Божией Матери «Совет Превечный». И затем слабым голосом старец сам запел: «Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуия». После видения он сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить». И далее сказал: «Теперь я буду умирать». 31 декабря старец закрыл глаза и уже ни с кем не говорил.

1 января 1976 года благодатный старец мирно предал дух свой Богу.

Канон на исход души старца Серафима читал игумен Исаия. Все присутствующие в благоговейном молчании стояли вокруг одра своего духовного отца, не смея нарушить тишину во время свершения таинства разлучения души от тела.

Весть о кончине схиархимандрита Серафима облетела многие места нашей Родины, она наполнила глубокой грустью сердца его духовных чад.

2 января гроб с телом схиархимандрита Серафима был поставлен в кафедральном соборе в Сухуми. Три дня не прекращались чтение Евангелия и служение панихид. И все это время собор был заполнен духовными детьми о. Серафима, которые пришли проститься со своим наставником и молитвенником.

4 января, в Неделю 28-ю по Пятидесятнице, пред Рождеством Христовым, святых отец, митрополит Илия в сослужении многих клириков совершил Божественную литургию и отпевание почившего инок. Митрополит сказал сердечное надгробное слово, в котором охарактеризовал старца как человека подлинно христианской души, смиренного труженика и благодатного молитвенника.

После продолжительного прощания гроб с телом почившего был обнесен священниками вокруг престола и всего храма при погребальном звоне и доставлен на Михайловское кладбище в городе Сухуми. У ворот кладбища процессию встретил притч кладбищенской церкви во главе с настоятелем протоиереем Иоанном Андрющенко, который после литии сказал надгробное слово, назвав благодатного старца

светильником, горящим на подсвечнике Христовом. При пении «вечной памяти» тело о. Серафима было предано земле.

9 февраля 1976 года, на сороковой день по кончине схиархимандрита Серафима (это был день празднования Перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста), в кафедральном соборе Сухуми митрополит Илия с прибывшими из разных мест священниками — духовными чадами о. Серафима совершил панихиду и произнес слово. Обращаясь к почившему, как к живому, Владыка Илия сказал: «Молись за нас, отче, Богу, потому что ты приобрел пред Ним дерзновение». После панихиды в кладбищенском храме была совершена заупокойная литургия. До поздней ночи совершались панихиды на могиле старца. Верующий народ долго не расходился.

Для многих православных была очень ощутима потеря о. Серафима. Но они утешались мыслью, что он не умер, а лишь отошел в тот мир, о котором тайнозритель говорил: «Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

* * *

Периоды расцвета и упадка духовной жизни всегда были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства. Возрождение старчества в Глинской пустыни обусловило такой подъем духовной жизни в обители, что слава «о святости жизни насельников Глинской пустыни, строгости ее устава и аскезы»¹ распространилась по всей стране.

В духовной жизни Глинская пустынь занимала самое высокое место. Как и прежде, обитель была центром духовного просвещения, старческого окормления и нравственного возрождения. Не только многие архиереи, но и сам Святейший Патриарх Алексей отзывался о Глинской пустыни как о знаменитом, строгом монастыре, глубоко почитал ее опытных старцев и считал их руководство душеспасительным².

После десятилетнего управления обителью о. Серафимом (Аmeliным) наступил второй период его настоятельства (1953—1958 гг.) — период расцвета и благоустройства Глинской пустыни.

Строго подвижническая жизнь Глинских старцев, высокий духовный авторитет ее настоятеля собирали в монастырь ре-

¹ АСЕУ. Письмо епископа Астраханского и Сталинградского Сергия епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 12 марта 1959 г.

² Там же; АСЕУ. Письмо архиепископа Днепропетровского Гурия епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 25 ноября 1955 г.; Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни архимандриту Тавриону от 15 октября 1957 г.

внителей настоящего иноческого жития. В святую обитель стремились попасть не только желающие начать монашескую жизнь, но и опытные подвижники, чтобы в среде этой «дружины воинов Христовых» обрести верный путь к высшему духовному совершенству. В архиве Сумского Епархиального управления хранится множество прошений того времени о переводе или поступлении в Глинскую пустынь не только со всех концов нашей страны, но и из-за рубежа¹. Но по распоряжению уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви Сумской области прием насельников в святую обитель был ограничен. Если за 1942—1952 годы в Глинскую пустынь поступило более 130 человек, то за период с 1953 по 1958 год было принято лишь 48². Среди поступивших были такие опытные старцы, как иеромонах Оптиной пустыни Полиевкт (Гришкин, в схиме Паисий), схимонах Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря Симон (Хондошко), подвижник со Святого Афона Виталий (Середа, впоследствии схимонах Варсонофий). Общее число насельников монастыря за этот период изменилось незначительно: с 57 человек в 1953-м до 64—в 1958 году. Как и прежде, более 70 процентов братии составляли иноки старше 60 лет³, нетрудоспособных в 1953—1956 годах было 13 человек⁴, в 1958 году—26⁵.

Духовное ядро обители до самого ее закрытия составляли подвижники, жившие в Глинской пустыни еще до 1922 года. В 1953—1957 годах их было около одной трети, а в 1958-м—около одной пятой от общего числа насельников. Они восприняли от Глинских старцев XIX и начала XX веков древние высокодуховные иноческие традиции обители и передавали их следующим поколениям. Так, посредством старческого окормления осуществлялась в Глинской пустыни духовная преемственность.

В тот период средоточием духовной жизни обители по-прежнему были старцы: архимандрит Серафим (Амелин), схигумен Андроник (Лукаш) и иеросхимонах Серафим (Романцов). Как писал епископ Сумской и Ахтырский Евстратий,

¹ АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона в Сумское Епархиальное управление от 18 июня 1957 г.

² Там же. Списки монахов Глинской пустыни на 1 мая 1953 г., на 1 июля 1954 г., на 1 января 1955 г., на 1 января 1956 г., на 1 января 1957 г., на 1 января 1958 г.

³ Насельников в возрасте от 50 до 60 лет было в этот период около 6 процентов, а до 30 лет—5-9 процентов. (АСЕУ. Списки монахов Глинской пустыни на 1 мая 1953 г., на 1 июля 1954 г., на 1 января 1955 г., на 1 января 1956 г., на 1 января 1957 г., на 1 января 1958 г.)

⁴ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9 об.; АСЕУ. Сведения о движении насельников Глинской пустыни за 1954 г.

⁵ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни на 1 января 1958 г.

«Трудами о. Андроника, о. Серафима-духовника и настоятеля архимандрита Серафима крепла и процветала Глинская пустынь»¹.

Под их руководством возрос целый сонм подвижников, многие из которых впоследствии пронесли старческие традиции Глинской пустыни по всей стране.

Особенно отличались высотой жизни схимники обители. Благословение на постриг в схиму в Глинской пустыни давали с большой осмотрительностью, осторожностью. По учению старцев, схема есть совершенное отчуждение от мира для соединения с Господом. Для схимника недостаточно много поститься и молиться, необходимо стяжать разум духовный, познать свое внутреннее состояние, молиться и поститься разумно и уметь различать злоухищрения врага, чтобы не впасть в самообольщение; так что сподобившиеся пострига в святую схиму в Глинской пустыни стояли уже на высокой ступени духовно-правственного совершенства.

Духовная сила схимников была очень велика. Болезненные, престарелые, они не пропускали ни одной церковной службы, некоторые из них, опираясь на палочки в обеих руках, с трудом доходили до храма, но не обращали внимания на болезни, потому что все у них покрывалось духовным. Подвиги схимнические несли сокровенно. Схиму носили под верхней одеждой, как ранее это было принято в Глинской пустыни.

Святостью жизни был известен великий Глинский старец иеросхимонах Гавриил (в монашестве Гордий, в миру Григорий Андреевич Тюшин). Родился он 30 сентября 1873 года в деревне Ново-Николаевка Путивльского уезда Курской губернии в крестьянской семье².

Рано проявилось его стремление к жизни уединенной и созерцательной. Еще в детстве умел он дома в большой крестьянской семье сохранять внутреннее безмолвие. Его глубокая религиозная настроенность выразилась в твердом решении посвятить свою жизнь служению Богу в иноческом чине.

В 1913 году Григорий поступил в Глинскую пустынь. По его словам, жизнь в обители напоминала тогда древние времена монашества. Здесь он получил первые уроки иноческого делания: терпения, строгости к себе и безусловного послушания. Именно эти черты, которые он сам называл азбукой монашеской жизни, отличали его впоследствии. С первых дней поступления в обитель Григорий был особенно ревностен к иноческим подвигам и внимателен к своим помыслам. Его благочестивая настроенность со временем переросла в состояние строго духовного подвижничества: он искренне отвращался от всякого греха,

¹ АСЕСУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия архимандриту Тавриону (Батозскому) от 21 августа 1957 г.

² Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

неправедного слова и дела, и вел постоянную борьбу с самыми тонкими движениями самолюбия и самоутодия.

В 1919 году он был пострижен в монашество с именем Гордий¹. В монашеском чине о. Гордий еще усерднее старался служить Господу, все усилия направлял к тому, чтобы с помощью Божией стяжать в своем сердце огонь Божественной благодати, пополюющей и пожигающей всю греховную скверну. Во время богослужения он следил за собой, чтобы никогда не отвлекаться. Когда молился, старался мыслить только о Боге и о том, что устами произносил пред Ним. После закрытия Глинской пустыни о. Гордий жил на родине, но в 1942 году одним из первых пришел помогать о. Нектарию в деле восстановления обители². Исполняя должность эконома, он был очень осмотрителен в ведении хозяйства, как обязанный дать Богу отчет за монастырское имущество. Бережному отношению ко всему в монастыре учил он и молодых послушников.

В первые годы, когда у монахов не было обуви, он сам плел всем лапти, кроме того, из воска делал свечи для богослужений. Днем без отдыха трудился, а ночи проводил в молитве. Среди самых разнообразных трудов послушания он жил в обители как в глубокой пустыне, стяжав полную сосредоточенность духа и непрестанно занимаясь Иисусовой молитвой. Еще в молодости получил он от Глинских старцев наставление: «Будь глухой, немой и слепой в духовном виде и спасешься», и всегда старался его исполнять. Иногда он настолько углублялся в молитву и богомыслие, что не замечал ни времени, ни окружающих.

Своим преуспеянием в стяжании умно-сердечной молитвы и внутреннего безмолвия во многом он был обязан о. Серафиму (Амелину), келейником которого был в течение нескольких лет после отытия обители. Не только наставления, но и сам пример святой жизни о. Серафима, которую близко видел келейник, да и одно лишь пребывание в его намоленной, полной сердечных воздыханий келлии приводили душу в то «тихое устроение, в котором почиает Бог»³.

В мае 1946 года о. Гордий был рукоположен в иеродиакона и в том же году — во иеромонаха⁴. Отец Гордий был предельно исполнителен и тщателен в обычных монастырских послушаниях, но к иерейскому служению он приступал с особой ревностью и страхом Божиим. Пламенное состояние его души передавалось окружающим. Велика была сила совершаемых им благоговейных священнодействий. Даже когда он читал полунощницу в храме,

¹ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г.

² Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

³ Преподобных отцов Варсонуфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883, с. 105.

⁴ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

братия говорили, что их души охватывало неизъяснимое чувство умиления и они возгорались ревностью к духовному деланию.

В 1951 году о. Гордый был пострижен в святую схиму с именем Гавриил. Приняв схиму, он жил как затворник, в келлии пребывал в непрестанной молитве, богомыслии, чтении Св. Писания, кроме храма никуда не выходил. Храня глубокое смирение и детскую чистоту целомудрия, подвижник всемерно скрывал свой внутренний мир от других. Но лицо его всегда так было озарено светом молитвенного пламени, что братия не дерзали даже свободно смотреть на него. Делатель умной молитвы Иисусовой, он достиг в ней высокого преуспеяния.

Старец стремился ни с кем не беседовать, но если просили у него назидания, он всегда готов был поделиться богатством своего чистого, любвеобильного сердца и духовной опытности.

Обращавшихся к нему о. Гавриил учил Иисусовой молитве и учеников своих верно вел по пути этого спасительного иноческого делания. Поучения его были четкими и ясными, сразу западали в душу. Он говорил: «Как шурупчик, поставь его в дерево, крути-крути, он и ввернется; так и молитва — повторяй со смирением и страхом Божиим, она и будет прививаться. Бог будет помогать!» За этими бесхитростными, простыми словами стоит опыт многолетнего подвига и самоотверженного, напряженного труда.

Старец стяжал и великое дерзновение к Богу, и духовное просвещение ума, и дар прозрения. Благодать Божия преисполняла его сердце, все его существо, а от него изобильно изливалась на других и так умягчала души, что следовавшие его советам забывали всякое земное помышление. Все Глинские подвижники, сами славившиеся высокими добродетелями, глубоко почитали святого старца и были привязаны к нему искренним духом любви по Богу.

Ущедренный от Бога многоязычными дарованиями, созрел подвижник в мужа совершенна, и на восемьдесят четвертом году жизни, 1 октября 1956 года, Бог призвал его в вечность. Лицо старца, и при жизни благообразное, после кончины так видимо сияло благодатию Божией, что даже глубоко почитавшая его братия обители не могла не удивляться.

Во время его кончины в монастыре было много бесноватых, но ни один из них не смог оставаться в храме при отпевании иеросхимонаха Гавриила. Все они убежали за монастырь, в лес и кричали там разными голосами: «О, Гавриил! Как ты далеко ушел от нас!».

Братия Глинской пустыни почитала иеросхимонаха Гавриила великим угодником Божиим и по кончине его обращалась к нему, прося его святых молитв и помощи на пути ко спасению.

В те годы в схиме подвизались также иеросхимонахи Иларион (Щастный) и Иоанн (Примаков), схимонах Симон (Хондошко).

Иеросхимонах Иларион (в монашестве Игнатий, в миру Ипатий Филиппович Щастный) родился 25 марта 1867 года в

селе Полошки Глуховского уезда Черниговской губернии в семье украинского казака¹.

В 1888 году Ипатий поступил в Глинскую пустынь, где возрастал в духовной жизни под руководством строгих старцев обители. В 1893 году он был переведен в Троице-Сергиеву Лавру, а в 1897-м — в Высоцкий Серпуховской монастырь². Здесь в 1907 году он был пострижен в монашество с именем Игнатий и рукоположен во иеродиакона³. После закрытия Высоцкого монастыря в 1923 году иеродиакон Игнатий перешел в Батуринский монастырь Черниговской губернии, а в 1928 году вернулся на родину, жил у родных и «работал по найму»⁴.

В 1943 году о. Игнатий вернулся в Глинскую пустынь. В 1944 году епископом Сумским и Ахтырским Корнилием он был рукоположен во иеромонаха⁵ и стал совершать чредное богослужение в обители. Поскольку это было его основное послушание, то служил он часто. Обуви тогда в монастыре не было, служить ему приходилось в лаптях, и зимой о. Игнатий сильно простудил ноги. Но он безропотно продолжал нести возложенное послушание, несмотря на болезнь. Самоотверженно преодолевая свои немощи, подвижник возрастал в терпении и полной преданности воле Божией.

В 1951 году он принял постриг в великий Ангельский образ с именем Иларион⁶. После принятия схимы он проводил жизнь, чуждую всякой рассеянности, в непрестанной молитве и богомыслии.

В 1955 году по старости и немощи о. Иларион был освобожден от послушаний. Он так был болен, что и лежать было ему тяжело, но ежедневно понуждал себя, с трудом переступая, ходить в храм ко всем богослужениям и выстаивал все службы с начала до конца, несмотря на то, что ноги его были покрыты ранами и язвами. Автор этих строк, исполняя в течение нескольких лет послушание заведующего аптекой, врачевал и перевязывал его раны и видел, как из них даже черви выпрыгивали, но старец, крепкий терпением, так весь был устремлен в мир духовный, что не обращал на это внимания, болезнь телесная не ощущалась им.

¹ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

² Там же.

³ Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1956 г.

В списке монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. указано, что Игнатий (Щастный) пострижен в монашество в 1904 г. (АУПЦ).

⁴ Там же. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

⁵ В послужном списке иеромонаха Игнатия (Щастного) сказано, что он рукоположен во иеромонаха в 1943 г. (АСЕУ), но в списках монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. (АУПЦ) и 6 апреля 1944 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6) он значится еще иеродиаконом, и лишь в списке на 22 февраля 1945 года иеромонахом (АУПЦ).

⁶ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 12 марта 1952 г.

До конца дней иеросхимонах Иларион за все благодарил Бога и безропотно нес свой крест. 14 декабря 1957 года с молитвой на устах он предал дух свой Богу на девяносто первом году жизни¹.

Иеросхимонах Иоанн (в миру Захарий Максимович Примаков) принадлежал к тем редким людям, которые с детства и до конца дней хранят незлобивую простоту, искренность нрава и бесхитростность. Родился он 5 сентября 1878 года в селе Форостовичи Черниговской губернии в простой крестьянской семье².

В 1910 году, стремясь к богоугодной жизни, он поступил в Рыхловский Николаевский монастырь, где уже в 1912 году был пострижен в монашество с именем Зосима, в 1915 году рукоположен во иеродиакона, а в 1918 году — во иеромонаха. С 1923 года, после закрытия обители, он служил на приходах Курской епархии. В 1937 году о. Зосиму арестовали и как священнослужителя осудили на пять лет тюремного заключения. После окончания срока он жил в деревне Починка Черниговской области, работал в колхозе сторожем и пас телят. С 1944 года о. Зосима служил священником в Черниговской области, а в 1947 году был принят в Глинскую пустынь. Для него было большой радостью после стольких лет жизни вне ограды монастыря опять поступить в обитель, тем более, что строгий устав Глинской пустыни как нельзя более соответствовал самоуглубленному настрою его души.

В 1949 году он был награжден набедренником, а в январе 1953 года назначен священником в деревню Новая Слобода Путивльского района. Здесь он проявил себя истинным пастырем, не только совершая богослужения, но по-отечески заботясь о спасении вверенных ему душ. Как строгий подвижник духовно он был выше своей паствы и все силы своей души устремлял на то, чтобы и пасомых возводить к небу. Молитвенность была основой его внутренней жизни. Молитва вводила его в атмосферу небесной жизни, давала силу его духу. Она соединяла его с членами торжествующей небесной Церкви и тем спасала от одиночества и уныния. В молитвенности заключалась сила его пастырского воздействия на прихожан. Благодаря ей у о. Зосимы установилась незримая, но реальная связь с народом. Он духовно возрождал и преображал жизнь людей. В сентябре 1954 года он был возвращен в Глинскую пустынь, однако уже в апреле 1955 года назначен на другой приход, в село Гремячин Ямпольского района. Вот как пишет об этом периоде его пастырства благочинный Глуховского района: «Иеромонах Зосима — монах по призванию, но не замкнутый, а общительный. В обращении с людьми ласковый и простой... Влияние его на верующих очень благотворно. За богослужением он говорит

¹ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шальгинского района на 1 января 1957 г.

² В списке проставлены даты кончины монахов в течение 1957 г.

Там же. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова).

Далее сведения о жизни о. Зосимы приводятся в соответствии с этим списком.

проповеди краткие, но внушительные. Пользуется любовью и уважением не только прихожан, но и верующих из дальних мест, посещающих его ради духовного назидания и совета»¹.

Когда старец почувствовал, что силы его угасают, то неоднократно обращался с прошением к епархиальному начальству о возвращении его в обитель. Наконец в декабре 1956 года он переехал в Глинскую пустынь, где вел высокодуховный образ жизни и постоянно готовился к смерти. Много лет в келии его был только гроб, в котором он и спал. По ночам он занимался Иисусовой молитвой, не вмешивался ни в какие монастырские дела, но обращался со всеми с искренней любовью, особенно поддерживал молодых иноков, стремился привить им любовь к молитве.

Имея великую ревность к богоугодной жизни, о. Зосима особенно жаждал схимы и долго ее просил, но сподобился принять лишь во время предсмертной болезни. Схиигумен Андроник (Лукаш) постриг его в схиму келейно накануне празднования преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и нарек ему имя Иоанн. Уведомление об этом было послано епархиальному архиерею уже после пострига. Через два дня после принятия схимы, 11 октября 1957 года, старец почил о Господе².

Схимонах Симон (в миру Сергей Григорьевич Хондошко) родился 2 сентября 1877 года в селе Ляличи Суражского уезда Черниговской губернии. В 1899 году он поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. В этой обители, основанной на Кавказе монахами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря Святой Афонской Горы, в то время подвизались и мудрые в духовной жизни афонские старцы, советами которых руководствовался молодой подвижник. Особенно он почитал настоятелей обители: старца архимандрита Иерона, управлявшего монастырем до 1912 года, и его преемника игумена Илариона. В 1913 году Сергей был пострижен в монашество с именем Симон. Стремясь обновить и очистить свои помышления, он постоянно во всем осуждал самого себя. Память смертная и страх будущего суда, как огонь, поядали нечистоту его сердца и подготавливали к принятию благодатных даров.

В 1925 году обитель была закрыта, но к этому времени, проведя более четверти века в монастыре, о. Симон был уже опытным подвижником, имевшим духовную целеустремленность и собранность.

Покаяние стало его постоянной душевной настроенностью, так что все скорби он воспринимал как средство для очищения сердца от всего греховного. Такое расположение души помогло

¹ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова).

² Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1957 г.

ему не только мужественно перенести все уготованные испытания, но и получить от них духовную пользу.

После закрытия монастыря о. Симон вместе с другими новофонскими иноками перешел в пустынь в горах недалеко от села Цебельда Сухумского района, где подвизался пять лет¹ и был пострижен в схиму с именем Симон. В 1930 году пустынь была разорена, а сами пустынноики арестованы. О. Симона осудили на «принудительные работы в лагерь на Урале»². В 1935 году он вернулся из заключения и поселился в селе Енисели³. Почти двадцать лет провел о. Симон в этом грузинском селе. Душа его, очищенная искренним покаянием и скорбями, все более и более просвещалась благодатью Божией. С плачем о грехах вымолил он у Господа дар истинного ведения: он ясно видел, что есть добро и что есть зло, как надо поступать в том или ином случае. Ему было дано знать последствия человеческих действий и поступков.

Отец Симон очень хотел окончить жизнь в монастыре. Летом 1954 года он приехал в Глинскую пустынь, где с любовью был принят о. Серафимом (Амелиным) в число братства⁴.

Здесь он пользовался уважением не только старцев, духовно прозревавших высоту его монашеского подвига, но и богомольцев, посещавших обитель.

В Глинской пустыни дар духовного рассуждения о. Симона — плод понесенных им искушений и духовной борьбы — раскрылся во всей полноте. У тех, кто следовал его советам, жизнь устраивалась, а сами они достигали духовного совершенства. Случаев его благодатной прозорливости было множество. Говорили, например, в обители богомольцы о своей горе: «Кто бы нам посоветовал, растолковал, как быть?». А о. Симон сразу подходил и спрашивал: «Вы меня звали?». Они в недоумении отвечали: «Нет, батюшка, никто не звал». А он опять спрашивал: «Вы меня звали?». И тут же давал ответы на мучившие их вопросы и советовал, как поступить. Только потом они вспоминали, что перед этим говорили: «Кто бы нам растолковал?» Впоследствии богомольцы, уже по опыту зная силу его наставлений и молитв, сами подходили к нему за советом, так что он все время был окружен людьми. Отец Симон много предсказывал, и предсказания его всегда сбывались.

Иногда молодые иноки спрашивали его, как может человек прозревать помыслы ближних, предсказывать будущее. Он отвечал, что, как стекло по мере очищения становится прозрач-

¹ АУПЦ. Анкета служителя культа Хондошко С. Г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ным и более способным пропускать через себя поток света, так и душа, обратившаяся от грехов к Богу, чем более очищается от грехов, тем более просвещается благодатью, и тогда как бы завеса некая спадает с ее душевных очей, и она получает способность ясно видеть то, что прежде от нее было скрыто и чего не видит занятый суетой земной жизни мир.

Когда старцу исполнилось 80 лет, он стал чувствовать приближение кончины и в последние месяцы своей жизни, несмотря на слабость телесных сил, всемерно старался утешить, поддержать, наставить и даже обласкать приходивших к нему за советом. Он не только не уединялся, а наоборот, стремился как бы всего себя отдать на служение людям. На второй день Рождества, 8 января 1958 года¹, о. Симон с молитвой на устах предал свой дух в руки Божии.

Но не только схимники Глинской пустыни вели жизнь подвижническую. В те годы многие иноки обители были исполнены даров Духа Святого и отличались благочестием. Это и незлобивый, как младенец, рясофорный монах Самуил (Конобаев), и степенный, молчаливый монах Климент (Григораш), и кроткий Валериан (Опенько), и сокрушенный сердцем иеромонах Павел (Васильев), и знавший наизусть Библию монах Мелетий (Кириченко), и многие другие. Подробные их жизнеописания приведены в «Глинском Патерике»². Здесь же ограничимся кратким описанием жизни лишь некоторых из них.

В Глинской пустыни все сведения о богослужебном уставе поступавшим в обитель передавал опытейший уставщик монах **Иакинф-слепец**. Лишенный возможности видеть этот временный мир, очами ума он созерцал Царство Божие.

Отец Иакинф (в миру Иаков Афанасьевич Резник) родился 23 октября 1888 года в городе Кролевец Черниговской губернии в семье украинского казака³. От юности он был избран Богом на служение Ему и призван к иноческой жизни. В 1907 году Иаков поступил в Глинскую пустынь, где проходил послушание при корзинной мастерской⁴. В 1920 году архимандритом Нектарием он был пострижен в монашество⁵. Монах Иакинф отличался особенным усердием к молитве и трудолюбию. После закрытия обители он жил на родине. Там он потерял зрение и вынужден был питаться подаянием.

В 1944 году Иакинф вернулся в Глинскую пустынь и проходил послушание на клиросе⁶. Обладая прекрасной па-

¹ АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) в Сумское Епархиальное управление от 8 января 1958 г.

² Глинский Патерик / Сост. схиархимандрит Иоанн (Маслов). 2-я ред.

³ АСЕУ. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).

⁴ ГАСО. ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 111.

⁵ АСЕУ. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).

⁶ Там же.

мьятью, он наизусть читал Апостол, паремии, детально изучил церковный устав и после кончины о. Никодима (Калиуша) стал уставщиком обители. Отец Иакинф был как огонь. Отличаясь горячей ревностью ко спасению и высокой духовной настроенностью, он скрывал свои подвиги. Когда о. Иакинф выходил читать Апостол на середину храма, то брал с собой зажженную свечу. Иногда, пока он шел, свеча у него гасла, но он этого не мог видеть, читал Апостол, потом начинал гасить свечу.

Несмотря на слепоту, о. Иакинф все время был в трудах послушания и не только не роптал на свою участь, но благодарил Бога. Постоянным самопринуждением, молитвой и подвигами воздержания он прогнал тьму страстей из своей души и сподобился озарения вечным светом Божиим. Видя его духовную опытность, многие ходили к нему за советом. Отец Иакинф наставлял молодых иноков пребывать все время с мыслью о всевидящем и вездесущем Боге, перед Ним совершать все свои подвиги и дела, выработать ревность к богоугодной жизни и не уташать ее невниманием к своим помыслам. Никогда не было в нем уныния или недовольства, наоборот, его бодрость, живая вера в жизнь будущую и стремление к этой жизни передавались окружающим. В общении с ним так чувствовалась эта вечная жизнь, мир иной, что самые тяжелые скорби казались незначительными, страсти умирялись, и человек невольно начинал смотреть на земную жизнь лишь как на приготовление к вечности. Отец Иакинф жил в обители до самого ее закрытия. Затем он переехал в село Новая Слобода Путивльского района к почитавшим его богомольцам, где и скончался.

Большим духовным авторитетом в обители пользовался иеродиакон Георгий (в миру Григорий Тихонович Ефименко)¹. Родился он 23 ноября 1888 года в селе Загребелье Черниговской губернии. Вырос в простой украинской семье, помогал родителям вести крестьянское хозяйство, в 1898 году окончил трехклассную начальную школу.

В 1905 году в возрасте 18 лет он поступил в Глинскую пустынь², где безропотно и со смирением исполнял волю отца настоятеля и старцев, неленостно трудясь на монастырских послушаниях, нередко весьма тяжелых. Отличаясь совершенным послушанием, он стремился укрепить свой дух опытами строгого подвижничества. Сердце его разгоралось любовью ко Господу, и целью его жизни стало теснейшее единение души с горним миром.

В 1911 году молодого послушника забрали на военную службу, а с 1914 по 1918 год он был в действующей армии.

¹ АСЕУ. Послужной список иеродиакона Георгия (Ефименко).

² Там же.

Вернувшись на родину, он до 1921 года работал «охранником в Лесхозе, затем в ремонтной бригаде на железной дороге и в колхозе с. Загребелье»¹.

Но и в миру Григорий не расточил того внутреннего богатства своей души, которое стяжал в обители. Наоборот, он приучил себя думать, что для него в целом мире есть только он сам и Бог. Его любил он всем сердцем, желал и искал. Кроме Бога и своих слабостей, ничего не видел, не знал, и никакая укоризненная мысль в отношении ближних не касалась его ума.

В 1954 году Григорий вернулся в Глинскую пустынь. Более сорока лет пробыл он вне обители, но все эти годы самым верным духовным ориентиром для него были уроки и наставления Глинских старцев, полученные им еще в молодости. Он не только усвоил эти старческие заветы, но и осуществил их в своей жизни, и душа его стяжала благодатные дары Духа Святого.

В обители Григорий по своему обыкновению смиренно трудился: выпекал хлеб, плотничал и тайно, так как это было запрещено уполномоченным, делал свечи. Автор этих строк, еще будучи послушником, помогал ему в этом послушании. За день из чистого пчелиного воска делали несколько пудов свечей (в монастыре тогда уже был свой пчельник). В 1956 году Григорий был пострижен архимандритом Серафимом в монашество с именем Георгий, а 9 сентября 1956 года епископом Евстратием рукоположен во иеродиакона². В прикровенных речах и намеках скромного и смиренного труженика все более начала обнаруживаться благодатная прозорливость, привлекавшая внимание иноков. Старец провидел духовное состояние близких, предостерегал от падений, раскрывал козни врага. Неоднократно о. Георгий предсказывал закрытие Глинской пустыни, но в то же время, утешая монахов, говорил, что Глинская пустынь опять обязательно будет открыта, и даже показывал место, где должен будет строиться новый собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Он рассказывал, что Глинские старцы еще до закрытия обители в 1922 году говорили об этом.

Когда молодые монахи просили у него духовного наставления, то он говорил, что главное — хранить в душе мир. Этот мир есть место, недостижимое для лукавого. Злой дух, лжец и разбойник духовный, стремится прежде всего вывести человека из равновесия, возмутить его, расстроить. Когда ему это удастся через какое-либо искушение или наваждение, тогда в сей «мутной воде» души враг начинает делать свой улов, толкать человека, ослабленного страстью (гнева, зависти, похоти, стяжательности), на пре-

¹ АСЕУ. Послужной список иеродиакона Георгия (Ефименко).

² Там же.

ступление, то есть преслушание Закона Христова. И если человек молитвой и покаянием не порвет этой паутины, то делается орудием лукавого, поэтому правило духовной борьбы — всякую страсть побеждать силою Христовой немедленно, как только зародилась она. Изгнать ее совершенно мы не можем, но нужно все время загонять ее «на дно», чтоб там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит «прорыв», сейчас же все внимание сердца надо обратить туда и усилием, то есть молитвенной борьбой, восстановить мир сердца, души. Это и есть трезвение духовное.

После закрытия Глинской пустыни в 1961 году о. Георгий переехал на родину к родственникам, где и окончил свой земной путь.

Игумен Серафим (в миру Стефан Евтихиевич Кондратенко) родился 24 декабря 1872 года в селе Верхняя Сыроватка Краснопольского уезда Сумской губернии в крестьянской семье¹. В 1891 году он поступил в Глинскую пустынь, где проходил общие послушания до 1894 года, затем был переведен в Куражский Преображенский монастырь Харьковской губернии. Здесь в 1903 году он был пострижен в монашество, в 1905 году рукоположен во иеродиакона и затем во иеромонаха. В 1912 году о. Серафим был перемещен в Курский Знаменский монастырь, а в 1914 году его назначили в действующую армию священником при 442-м Кашинском полку. За добросовестное исполнение священнических обязанностей в 1916 году он был награжден наперсным крестом. В 1917 году о. Серафим вернулся из армии и подвизался в Софрониевой пустыни до самого ее закрытия. С 1921 по 1929 год он был священником в Пантелеимоновской церкви города Сумы, затем с 1929 по 1943 год служил в разных храмах Сумской и Курской епархий, был псаломщиком при Николаевской церкви в Алупке, работал сторожем в разных организациях г. Сумы. С 1943 по 1949 год отец Серафим служил священником в селе Новая Слобода Сумской области. В 1946 году Святейшим Патриархом Алексием он был награжден саном игумена, в 1949 году ушел за штат и в 1951 году поступил в Глинскую пустынь², где пользовался уважением братии как опытный в духовной жизни, «тихий, кроткий и уступчивый»³ старец.

У него всегда было много исповедующихся. За долгие годы монашеской жизни и пастырского служения он изучил малей-

¹ АСЕУ. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко). (Данные биографии о. Серафима изложены в соответствии с этим списком).

² Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 1 мая 1953 г.

³ Там же. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко).

шие движения души, познал все оттенки борьбы, которую враг ведет с человеком, и приобрел духовную рассудительность, руководствуясь которой никогда не поступал опрометчиво.

Он не спешил с наставлениями, которые время и терпение могут сделать более плодотворными, а выбирал благоприятные минуты для наставления, сам подготавливал их, но никогда не предварял. Слово свое он направлял по обстоятельствам, приспособляя к различным характерам, соразмеряя с последствиями, которых желал. Такая рассудительность увеличивала силу его пастырской деятельности.

До последних дней своей жизни о. Серафим трудился в святой обители. Скончался он 19 октября 1956 года¹.

В среде таких подвижников и младшая братия возрастала в богоугодной жизни. Старцы подавали пример своим смирением, кротостью, молитвенностью. Это передавалось и позволяло новоначальным инокам духовно совершенствоваться.

В Глинскую пустынь для духовного назидания и исправления, как и прежде (в XVII — начале XX века), присылались провинившиеся клирики. В 1956 году Святейший Патриарх Алексий направил в Глинскую пустынь архимандрита Сергия (Гаврилова), бывшего наместника Псково-Печерского монастыря, который прожил в обители до февраля 1957 года, затем был перемещен в Астраханскую епархию². В 1957 году для «духовного возрастания под руководством опытных старцев» были присланы иеромонах Псково-Печерского монастыря Ириней (Пономарев) и иеродиакон Троице-Сергиевой Лавры Ксенофонт (Ращупкин)³. Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн в январе 1954 года направил в Глинскую пустынь «для пользы его души» монаха Назария (Кулако) из Киево-Печерской Лавры, а в октябре того же года — запрещенного в священнослужении протодиакона Владимирского собора Киева Филиппа (Мошно) «для прохождения епитимии»⁴.

В октябре 1957 года митрополит Киевский и Галицкий Иоанн направил на послушание в Глинскую пустынь иеродиакона Киево-Печерской Лавры Геронтия (Резника)⁵. Все епитимийцы с пользой для души пребывали в обители. А иеродиакон Геронтий (Резник), хорошо себя зарекомендовавший, в апреле 1959 года по прошению настоятеля Глинской пустыни был рукоположен во иеромонаха и

¹ АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 1 января 1956 г.

² Там же. Письмо епископа Астраханского и Сталинградского Сергия епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 4 февраля 1957 г.

³ Там же. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 15 октября 1957 г.

⁴ Там же. Донесение Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, митрополиту Киевскому и Галицкому, Патриаршему Экзарху всея Украины от 3 ноября 1954 г.

⁵ Там же. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 15 октября 1957 г.

проходил чредное священнослужение в обители до самого ее закрытия¹.

Духовное окормление и нравственная поддержка людей были одним из главных подвигов Глинских старцев. Святость жизни иноков, чистота их душ, чудеса, ими совершаемые, их молитвы, низводящие благодать небесную в сердца богомольцев, оказали огромное плодотворное влияние на духовное воспитание народа.

Люди стремились в обитель со своим горем, скорбями, болезнями. Они видели, что все труды иноков направлены на стяжание в своей душе Царствия Небесного и достижение господства духа над плотью. Глинская пустынь была тем домом милосердия, где каждый встречал теплый прием, искреннюю любовь, получал утешение и необходимую помощь. Богомольцев не только всегда кормили всем, что было у братии, но нуждающимся помогали также деньгами, одеждой, обувью (даже в то время, когда в обители не хватало самого необходимого).

Устав обители, распорядок дня, внутреннее устройство каждого инока — все в Глинской пустыни было удивительно согласовано, проникнуто особой просветленностью и одухотворенностью. Паломники, чувствуя, что монахи всецело устремлены к жизни будущей, вечной, сами пробуждались от греховного омрачения, приходили к покаянию и становились ближе к Богу.

Особенно сильно воздействовала на душу глубокая молитвенная настроенность монастырских богослужений и их продолжительность. В храм люди всегда несут страдания и скорби сердца, кровоточащие раны совести, сознание заблуждений своего ума, расслабление своей греховной воли. Каждый молится Богу о помощи в скорбях, об ограждении от соблазнов и искушений, сокрушается о своих неправдах.

Глинские подвижники, имея дух молитвы, с великим дерзновением просили за народ. В храме монастыря душа сама устремлялась ввысь, возгоралась любовью ко Господу. Недаром старцы любили поучать: «Будь свечой горящей!». Богослужения, совершаемые истинными пастырями обители, перерождали души грешников и обращали их к Богу. Молясь в храме Глинской пустыни, человек мог глубоко понять и духовно воспринять преизобилие благодатной жизни Святой Православной Церкви. Молитва переносила его в неземной мир. По прошению старцев многие получали дар искреннего покаяния и другие благодатные дарования.

Отношение богомольцев к Глинской пустыни в тот период вполне можно выразить словами: «Мы чувствовали себя там как в среде святых и ходили со страхом, как по Земле Святой»².

¹ АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 14 июля 1961 г.

² На богослужения в обитель приходили и инвалиды из расположенного рядом (на территории бывшей Глинской пустыни) Сосновского дома инвалидов, но впоследствии тех, кто ходил в монастырь, перевели в другие дома инвалидов.

Обитель была поистине духовной лечебницей для душ, истерзанных грехом, удрученных горем, ищущих вразумления, поддержки и утешения.

Приезжая в обитель, люди шли на исповедь, выбирали духовника, к которому потом ездили постоянно и советами которого руководствовались всю жизнь. Глинские пастыри были истинными душеспечителями, умели говорить непосредственно с «внутренним человеком» собеседника. Они пробуждали в грешнике недовольство своим состоянием и желание лучшего, заставляли возвыситься над страстями, утверждали в кающихся надежду на любовь и всепрощение Божие и достигали полного духовного врачевания. Очищение совести и обновление духа получали паломники в таинстве покаяния, когда исповедовали свои грехи и с сокрушенным сердцем раскрывали перед Богом свои падения, немощи, раны души.

В те годы особым авторитетом у богомольцев пользовались иеромонахи Михаил (Петренко), Симеон (Нестеренко), Власий (Сумиц) и Иосиф (Ходыревский).

Иеромонах Михаил (в миру Макарий Артемьевич Петренко) родился 25 июня 1883 года в селе Ястребщина Глуховского уезда Черниговской губернии. Родители его были крестьяне. В 1905 году он окончил церковно-приходскую школу, с 1905 по 1907 год был на военной службе, затем жил на родине и занимался сельским хозяйством¹.

29 мая 1943 года Макарий поступил в Глинскую пустынь. Кроме общих послушаний, он исполнял в обители послушание пономаря. В 1945 году он был пострижен в монашество с именем Михаил и рукоположен во иеродиакона, а в 1948 году — во иеромонаха, с 1947 года исполнял должность ризничего². 23 марта 1953 года о. Михаил был назначен экономом обители³. В этой должности он много потрудился, ревностно заботясь о строительстве новых зданий в монастыре.

Кроткий, смиренный, молчаливый, он был любим всей братией. В 1954 году о. Михаил был награжден набедренником⁴. В его послужном списке сказано, что он отличался «особым смирением, терпением и послушанием». Отец Михаил совершал чредное священнослужение и исповедовал богомольцев⁵.

Это был духовник ревностный, он стремился возрождать души тех, кто к нему обращался, приводить их к единению со

¹ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

² АУПЦ. Список братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни по состоянию на 1 января 1947 г.

³ АСЕУ. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 27 марта 1953 г.

⁴ Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

⁵ Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

Христом. Требуя от них глубоко смиренного молитвенного подвига и постоянной борьбы со злом в себе, отец Михаил умело ободрял своих чад, вселял в их сердца желание стремиться к небесной жизни, а все их недостатки и падения считал следствием своей собственной недостаточной ревности и мудрости и поэтому всегда и во всем внутренне укорял себя.

Духовная опытность о. Михаила привлекала к нему и братий монастыря, многие приходили к нему за советом. Возбуждая в них ревность к истинно монашеской жизни и раскрывая ее смысл, о. Михаил говорил, что Царствие Божие есть внутреннее состояние, которое является следствием богоносного настроения души. Человек с таким настроением уже на земле становится членом Царствия Божия и способен переживать радость райского состояния. К стяжанию этого Царствия в своей душе еще здесь, на земле, должен стремиться каждый человек, тем более монах.

О духовной опытности о. Михаила, о том высоком доверии, которое оказывали ему воспитавшие его Глинские старцы, свидетельствует тот факт, что ему поручали совершать постриги в монашество и руководство новоначальными.

В 1958 году Святейшим Патриархом Алексием о. Михаил был награжден наперсным крестом². После закрытия обители из-за болезни ног он был переведен сначала в Глуховскую районную больницу³, затем переехал в село Шалыгино, где в скором времени скончался.

Большим уважением как духовник пользовался у богомольцев иеромонах Симеон (в миру Семен Матвеевич Нестеренко). Родился он 1 сентября 1920 года в селе Береза Глуховского района Сумской области, в бедной крестьянской семье. В Глинскую пустынь поступил в начале 1943 года⁴. Здесь он сподобился подвижаться под руководством великих Глинских старцев, жил в одной келлии с иеросхимонахом Никодимом (Калиушем) и получал наидание от самого образа жизни этого святого старца.

Семен имел не только беспрекословное послушание, но и стремился узнать мнение старцев по различным вопросам, чтобы, помня их спасительные наставления, знать, как следует поступить в той или иной жизненной ситуации. Ответами старцев он руководствовался потом всю жизнь.

Несмотря на болезненное состояние, Семен много трудился в обители. Сначала он исполнял послушание помощника повара. Затем, когда епископ Сумской и Ахтырский Иларион посвятил его в иподиакона⁵, одновременно начал проходить клирическое по-

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

2 Там же.

3 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

4 АСЕУ. Послужной список иподиакона Семена (Нестеренко).

5 Там же.

слушание. Благодаря хорошему голосу он стал канонархом обители и подробно изучил устав. В 1951 году Семен был пострижен в монашество с именем Симеон, 21 мая 1951 года рукоположен во иеродиакона, а 7 февраля 1954 года — во иеромонаха¹. С этого времени² и до конца 1955 года³ о. Симеон служил на приходе. Вернувшись в обитель, о. Симеон совершал богослужения и был назначен духовником богомольцев. В этом своем служении он всемерно старался передать всем, кто к нему обращался, то верное духовное направление, которое сам получил от Глинских старцев. Очистив душу покаянием, отсечением своей воли и терпением болезней, он так ясно видел внутреннее состояние людей, что многие считали его прозорливым.

В 1957 году епископ Евстратий наградил о. Симеона набедренником⁴.

Стараясь пробудить души пасомых от греховного сна, о. Симеон не только проповедовал, но и перепечатывал на пишущей машинке, а затем рассылал душеполезные поучения из листков, изданных Русским Свято-Пантелеимоновым монастырем на Афоне. Духовные книги в те годы достать было трудно, и такая деятельность о. Симеона была делом духовного милосердия по отношению к ближним.

Письма о. Симеона часто содержали наставления о неизбежности и необходимости несчастий в жизни человека. «Несчастья, возбуждая от пагубного самозабвения, напоминают человеку, что он странник и пришелец на земле и что наследие его со Христом на небесах, куда и должно стремиться ему всею силою души своей»⁵. Он призывал верующих безропотно переносить скорби и не горевать, а радоваться, что в несчастях избегают они мирской славы и суеты.

После закрытия Глинской пустыни о. Симеон переехал в Абхазию. В настоящее время он служит в городе Гудаута в сане архимандрита.

В те годы многим верующим хорошо было известно и имя иеромонаха Власия (в миру Василия Михайловича Сумина). Он не только исповедовал богомольцев, но и отчитывал бесноватых. Столь тяжелый подвиг о. Власий взял на себя по глубокому чувству сострадания и любви к страждущим людям и только после того, как получил разрешение старцев. К нему приезжало много больных и бесноватых, даже в документах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Сум-

¹ АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1954 г.

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9.

³ АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

⁴ Там же. Список священнослужителей с указанием наград, декабрь 1957 г.

⁵ Там же. Письма иеромонаха Симеона (Нестеренко).

ской области было отмечено: «Власий... принимает и исцеляет психбольных»¹.

Отец Власий родился 1 января 1897 года в селе Городьково Канышевского уезда Курской губернии. Он вырос в простой крестьянской семье. В 1908 году окончил четыре класса начальной школы и жил с родителями, занимаясь сельским хозяйством². В 1933 году он был арестован и сослан в Челябинские лагеря. Вернувшись в 1953 году, жил в селе Вабя Канышевского района и работал плотником³. Долгим был его путь к монашеству. Лишь в возрасте 56 лет сердце его исполнилось непреклонной решимости всецело служить Богу в иноческом чине, и в апреле 1953 года он поступил в Глинскую пустынь⁴. С первых же дней Василий проявил такое самоотвержение, послушание и терпение, что старцы убедились в его готовности вести строгую монашескую жизнь, и 27 декабря 1953 года он был пострижен в монашество⁵, 6 февраля 1954 года — рукоположен во иеродиакона и 9 февраля того же года — во иеромонаха⁶.

О. Власий был большим тружеником. Он совершал чредное богослужение, исполнял клиросное послушание, исповедовал богомольцев и, как хороший плотник, строил многие здания в обители.

В заботах о спасении душ ближних он, как ревностный монах, не оставлял попечения и о своей душе, однако его внутреннее делание было глубоко сокровенным. В 1957 году епископом Евстратием, Сумским и Ахтырским, он был награжден набедренником, а в 1960 году — наперсным крестом⁷. По распоряжению уполномоченного по делам Русской Православной Церкви и соответствующему распоряжению управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея (Сухенко), о. Власий был уволен из Глинской пустыни еще до ее закрытия, в начале апреля 1961 года⁸, и продолжал свое служение ближним в Грузии. Скончался о. Власий в Тбилиси в 1989 году в сане архимандрита.

В Глинской пустыни многие духовники отчитывали бесноватых. Взял на себя этот подвиг и иеромонах Иосиф (в миру Иван Васильевич Ходыревский). Он родился 20 августа 1896 года в деревне Лукино Курской губернии в крестьянской семье. После

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 10.

Там же, д. 55, л. 21.

² АСЕУ Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское Епархиальное управление от 28 декабря 1953 г.

⁶ Там же. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).

⁷ Там же.

⁸ ГАСО, ф. 2196, оп. 12, д. 55, л. 13.

окончания сельской школы жил на родине и «занимался сельским хозяйством»¹. С 1915 по 1917 год был на фронте, где стал инвалидом. Вернувшись из армии, женился, но в 1934 году овдовел². Затем жил и работал в Курске.

В 1953 году Иван поступил в Глинскую пустынь. Он проявил себя «старательным, скромным и трудолюбивым»³ послушником, «энергичным работником»⁴. Сначала он помогал на кухне, затем был назначен поваром и гостинником обители⁵, кроме того, участвовал в чтении и пении на клиросе⁶. В 1954 году он принял монашеский постриг с именем Иосиф.

19 июня 1957 года епископом Сумским и Ахтырским Евстратием Иосиф был рукоположен в иеродиакона, 1 августа 1957 года во иеромонаха⁷. С этого времени он начал исповедовать богомольцев. Отличаясь сам послушанием и ревностью ко спасению, он учил этому и своих духовных детей. Отец Иосиф умел наставлять и мудро вел пасомых по спасительному пути, учитывая все особенности характера тех, кто к нему обращался. Так, одна женщина много раз жаловалась ему на исповеди, что ей очень трудно жить вместе со старушкой. «А ты возьми козу», — велел ей о. Иосиф. Она исполнила послушание, но так измучилась с козой, что взмолилась: «Батюшка, пусть старушка всю жизнь живет со мной, только козу благословите вывести».

Отец Иосиф призывал всех как можно чаще исповедоваться, учил, что за утаенные грехи еще здесь, на земле, человек во время предсмертной болезни мучим бывает злой силой, а по смерти подлжит мучению во аде. От Бога не уйдешь. Нужно жить с Ним; но чтобы жить с Ним, нужно оставить грех, потому что грех есть самое ужасное зло в мире. От него человек терпит всякие бедствия здесь, на земле, и лишается вечного блаженства. Христианская исповедь — это лекарство, и Господу угодно даже одно наше поношение себя к частому покаянию, так как для нас это как бы «ломка самих себя», ломка в жертву Богу, этим мы выражаем свое нерасположение жить в греховной нечистоте.

При закрытии обители о. Иосиф как-инвалид был переведен в Глуховскую больницу⁸, но затем переехал к сестрам в Курскую область, где и скончался⁹.

¹ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

² Там же. Анкета служителя культа Ходыревского И. В.

³ Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

⁴ Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское Епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

⁵ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2 об.; АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шальпинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

⁶ АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское Епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

⁷ Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

⁸ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

⁹ Там же, л. 63, 76 об.

Исповедь у старцев, строгие богослужения, назидательные проповеди, высокодуховные примеры святой жизни иноков — все это перерождало души паломников и возжигало в их сердцах любовь к Богу и святой обители. Число паломников, приезжающих в Глинскую пустынь со всех концов страны, с каждым годом возрастало¹, и хотя было мало места для их размещения, но братская любовь всех устраивала и покрывала. Особенно много богомольцев приезжало в этот период из Москвы.

Бывали и опытные врачи, знаменитые хирурги, которые лечили братию и даже делали операции. В 1955 году в Глинской пустыни была оборудована аптека. Благодаря помощи врачей в ней были самые редкие для того времени лекарства. Был в монастыре и свой фельдшер — иеродиакон Виссарион (в миру Василий Семенович Гордиенко). Богомольцам тоже оказывалась медицинская помощь и выдавались лекарства.

В библиотеке монастыря было много духовной литературы. Не только иноки, но и богомольцы могли взять здесь те книги, которые духовник благословил им прочесть².

В монастырь приходило много писем. Люди писали о своем горе, скорбях, сомнениях, просили ответа на волнующие вопросы. Отец настоятель избирал из среды братий духовно опытного инока на должность письмописца. Ответы богомольцам содержали наставления об истинно христианской жизни, о терпеливом перенесении скорбей, необходимости покаяния и памяти смертной, а часто и конкретные практические советы. Отец настоятель сам читал подготовленные ответы и, найдя их духовно полезными, подписывал. Нередко, получив письмо из Глинской пустыни, человек изменял всю свою жизнь и устремлялся к духовному совершенствованию, поскольку к наставлениям и советам иноки присоединяли свою горячую молитву о том, кто прислал у них помощи.

Расцвет духовной жизни в обители обусловил и ее материальное благополучие. После тяжелых лет лишений, перенесенных иноками с истинным смирением и терпением, Матерь Божия послала монастырю благодетелей. Со всех концов страны стали поступать в Глинскую пустынь денежные переводы и посылки. Только за апрель 1953 года было получено более 700 посылок из Москвы, Курска, Куйбышева, Фрунзе, Мурманска, Архангельска, Алма-Аты, Самарканда, Сухуми, Севастополя, Армавира, Челябинска и других городов³. За 11 месяцев

¹ За первое полугодие 1954 г. только «по гостинице Глинской пустыни прошло 720 человек» (ГАСО, ф. 2196, оп. 12, д. 34, л. 9 об.).

² Библиотекарем Глинской пустыни был монах Илиодор (в миру Иван Елисеич Сегида), по его прошению он был переведен в Глинскую пустынь из Свято-Духовского скита Почаевской Лавры в 1952 г.

³ АУПЦ. Сведения о посылках монастырю Глинская пустынь.

этого года в пустынь поступило более 200 денежных переводов из 119 городов на общую сумму 52330 рублей¹.

Получая в обители все самое драгоценное для души, люди и сами стремились помочь монастырю всем, чем только было возможно. Доходы Глинской пустыни быстро возрастали² — в основном за счет пожертвований богомольцев, которые составляли 60—70 процентов от общего объема поступлений. Остальную часть доходов обитель получала от церковного сбора. Прибыль от сельского хозяйства была минимальной (менее 1 процента)³.

Основные расходы монастыря в этот период были связаны со строительством новых зданий в обители и составляли почти 35 процентов⁴. Остальные средства использовались на оплату аренды жилья, взносы на госзаймы, страховку строений, медикаменты, доставку продуктов, позолоту и ремонт церковной ризницы⁵. С ростом доходов возросла и денежная помощь обители богомольцам. Только в 1955 году им было роздано около 16 тысяч рублей⁶.

Увеличение доходов монастыря позволило отцу настоятелю и внешне благоустроить обитель⁷. По молитвам Глинских старцев органы советской власти хоть и не в полном объеме, но все же разрешили строительство новых зданий. Прежде всего архимандрит Серафим начал строительство общежития для монашествующих, так как помещений в обители по-прежнему крайне не хватало. К 1955 году была закончена постройка нового жилого дома площадью 9×5,7 м с подвалом для овощей⁸. В этом здании разместились кельи для монахов, а с западной стороны дома — аптека. Летом этого же года был вырыт колодезь⁹, а несколько раньше построена кузница у западной стены мо-

1 АУПЦ. Сведения о денежных переводах монастырю Глинская пустынь.

2 Только за 1955 г. доходы Глинской пустыни выросли на 40 процентов по сравнению с 1954 г. (ГАСО, ф. 2196, оп. 12, д. 37, л. 6; АСЕУ. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.; Сведения о доходах Глинской пустыни за 1954 г.).

3 АСЕУ. Сведения о состоянии монастыря Глинская пустынь на 1 января 1956 г.

4 Там же.

5 Там же. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.

6 Там же.

7 Описание строительства зданий в монастыре составлено автором на основании следующих архивных документов: инвентарные описи имущества Глинской пустыни за 1949, 1952, 1957, 1958 и 1961 гг. (АУПЦ), договоры с исполкомом Шалыгинского райсовета о передаче в пользование монастыря зданий и культового имущества за 1949, 1951, 1952 гг. (АШР), справки о Русской Православной Церкви по Сумской области за 1944, 1945, 1947, 1952 гг. (АУПЦ), справки Глуховского бюро технической инвентаризации 1959 г. (АГР); также на основании личных сведений автора.

8 АГР. Резолюция заведующего отделом сельского и колхозного строительства Глуховского района на заявлении настоятеля Глинской пустыни.

9 АСЕУ. Резолюция епископа Сумского и Ахтырского Евстратия на прошении архимандрита Серафима (Амелина) от 17 мая 1954 г.

Там же. Годовой кассовый отчет Глинской пустыни за 1955 г.

настыря. В 1955 году вдоль северной стороны ограды монастыря построили большой кирпичный сарай общей площадью 407 м², в котором хранились инструменты, инвентарь, уголь, торф, дрова, в его восточной части размещалась столярная мастерская¹. В это же время были построены сапожная мастерская и гараж².

До середины 50-х годов трапезная и кухня обители располагались в корпусе при храме, а пекарня — в бывшем «архирейском» корпусе. С весны 1956 года началось строительство новой трапезной, которое в основном было закончено в том же году. Пристройки достраивались летом 1957 года. Вместе с трапезной были оборудованы кухня, пекарня и подвал для хранения продуктов и овощей³. Теперь в корпусе при храме располагались только братские келлии, келлия настоятеля, библиотека и контора по оформлению документов.

Еще летом 1956 года архимандрит Серафим обратился к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви по Сумской области с просьбой разрешить строительство второго этажа над зданием трапезной. «Усадьба наша мала по своим размерам, где могли бы построить новый жилой дом... а братия живет в крайней стесненности, помещаясь по несколько человек в одной келлии»⁴, — писал он, но уполномоченный отказал⁵.

В 1956—1958 годах в обители построили новую каменную прачечную⁶ (в здании старой прачечной устроили гостиницу для богомольцев)⁷, склад для хранения продуктов и одежды⁸ с бетонным овощехранилищем под ним⁹.

В описываемый период был украшен и храм обители. В марте 1953 года прихожане села Викторówki Шалыгинского района пожертвовали Глинской пустыни 24 иконы, 3 хоругви, катапетасму, скатерти и полотенца, за что братия принесла им глубокую и сердечную благодарность¹⁰. Весной 1955 года Глин-

¹ АУПЦ. Справка Глуховского бюро технической инвентаризации от 24 сентября 1960 г.

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 9, 11.

³ АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

⁴ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 43, л. 8.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская пустынь по состоянию на 10 января 1958 г.

⁷ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 48, л. 16.

⁸ АУПЦ. Справка Глуховского бюро технической инвентаризации от 24 сентября 1960 г.

⁹ АСЕУ. Рапорт Преосвященному Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому, настоятеля Глинской пустыни от 11 октября 1957 г.

¹⁰ АШР. Материалы по монастырю и церквям Шалыгинского района.

ская пустынь получила иконостас из церкви села Чижи Павловопосадского района Московской области¹.

Если в 1952 году в храме Глинской пустыни было только 25 икон, то в начале 1957 года, кроме предалтарного иконостаса, в храме имелись еще два заклиросных иконостаса, Голгофа с предстоящими, 26 икон на стенах, 10 — на стеллажах, на аналоях — 12².

Была пополнена и обновлена ризница обители. Теперь в ней уже было 50 священнических облачений, 20 диаконских (кроме того, 10 траурных священнических облачений и 3 диаконских), 30 подризников, 30 пар поручей, на клиросах стояли шкафы с книгами и пюпитры³.

Одновременно с ростом благосостояния обители и притоком богомольцев усилили свой контроль за жизнью монастыря, а также противодействие его расцвету органы советской власти. В сентябре 1953 года в Глинскую пустынь из Москвы приезжал с проверкой представитель Совета по делам Русской Православной Церкви в сопровождении уполномоченного Совета по Сумской области. Они потребовали, чтобы в монастыре обязательно вели учет и записывали в особую книгу всех богомольцев, остающихся на ночь⁴.

В конце 1953 года налогом были обложены доходы монастыря за 1951—1953 годы, полученные от посева сельскохозяйственных культур и содержания скота, что составило более 63 тысяч рублей⁵.

В связи с этим архимандрит Серафим (Амелин) обратился с прошением к Святейшему Патриарху Алексию об оказании помощи Глинской пустыни, и обитель получила от Хозяйственного управления Московской Патриархии необходимую сумму в виде ссуды⁶. Кроме того, обитель по-прежнему сдавала обязательные продуктовые поставки государству⁷.

В июле 1955 года после очередной проверки Глинской пустыни уполномоченный выразил недовольство «большими беспорядками» в обители: затягивается богослужение в воскресные и праздничные дни, приобретена, но не зарегистрирована грузовая машина, «без нужды, зачем-то» приобретен

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 22.

² АСЕУ. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

³ Там же.

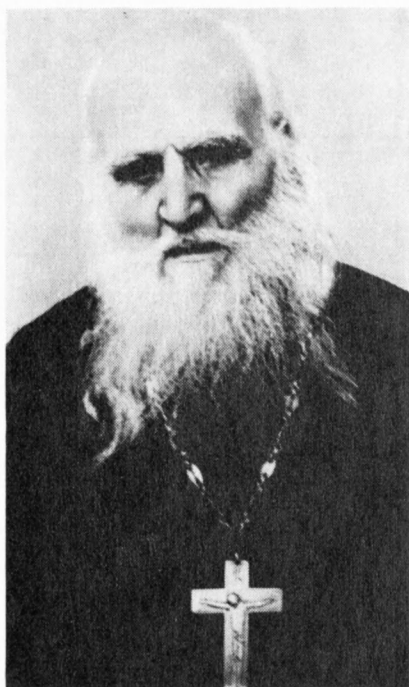
⁴ Там же, Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни от 12 октября 1953 г.

⁵ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 31, л. 15.

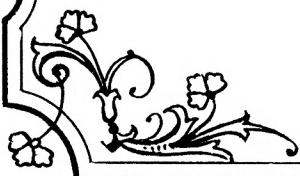
⁶ АСЕУ. Сообщение Хозяйственного управления при Св. Синоде от 14 ноября 1953 г.

Там же. Донесение Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, Святейшему Патриарху Алексию от 20 ноября 1953 г.

⁷ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 8.

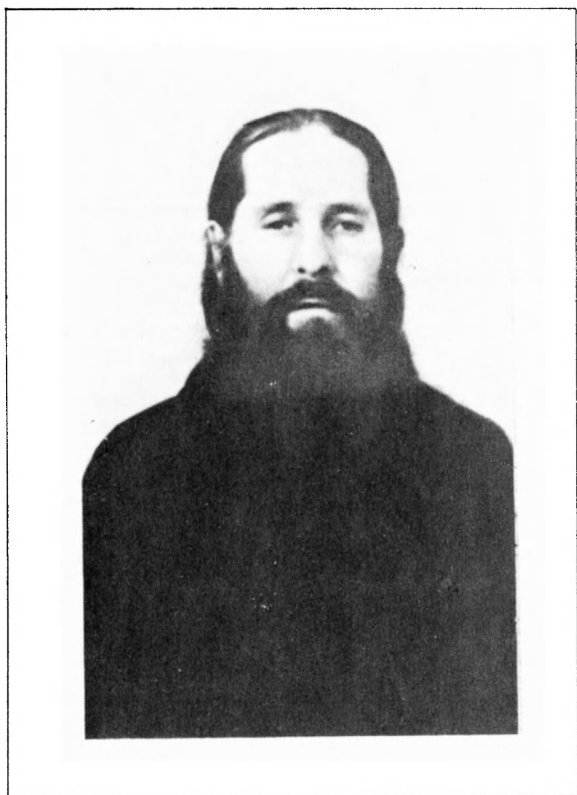

Схиигумен Николай (Хондарев)

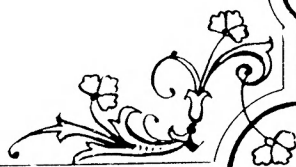
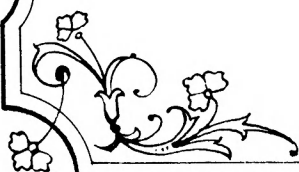

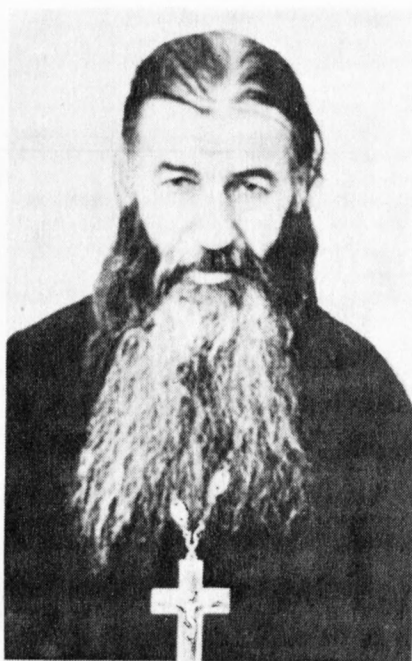

Иеросхимонах Паисий (Гришкин)

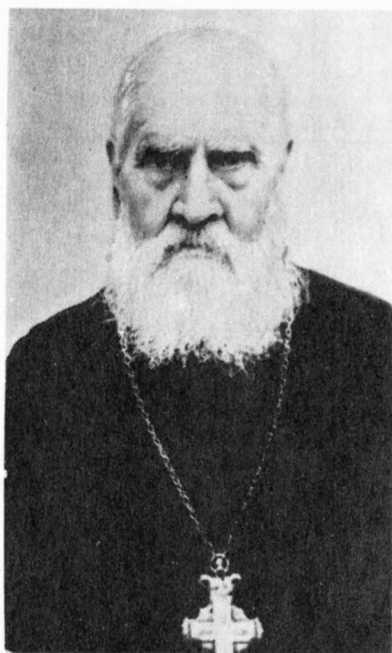

Монах Иоасаф (Дегтяренко)

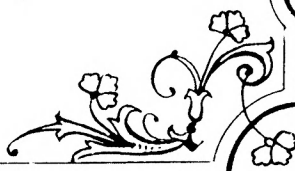
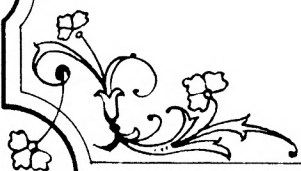

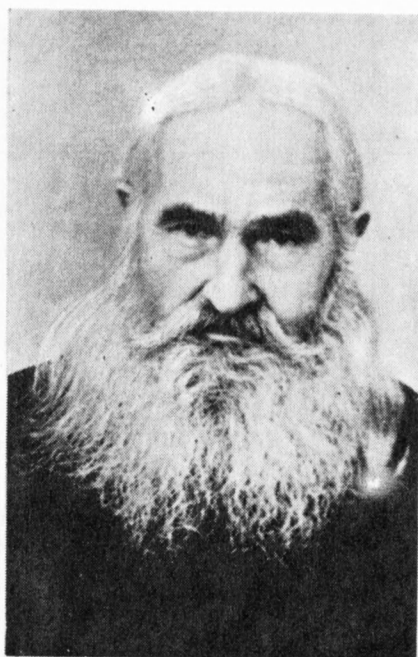

**Архимандрит Модест (Гамов),
настоятель Глинской пустыни**

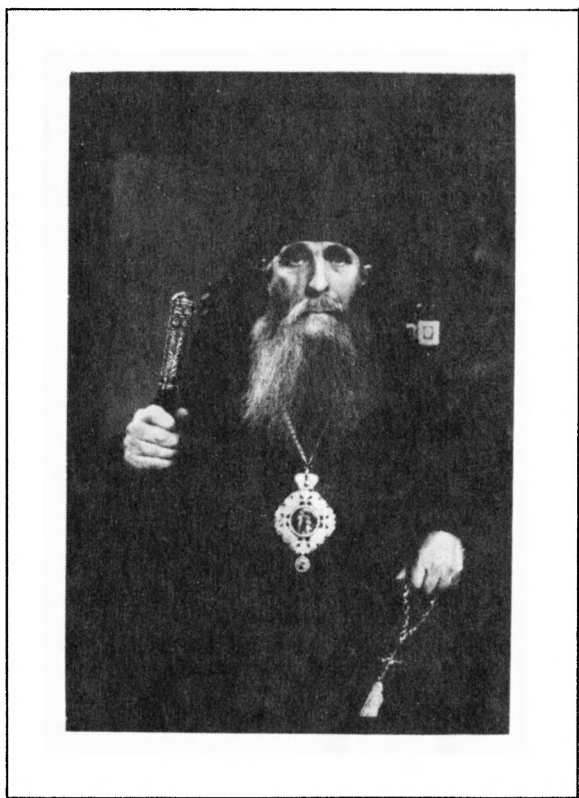

Схиигумен Кириак (Оробцов)

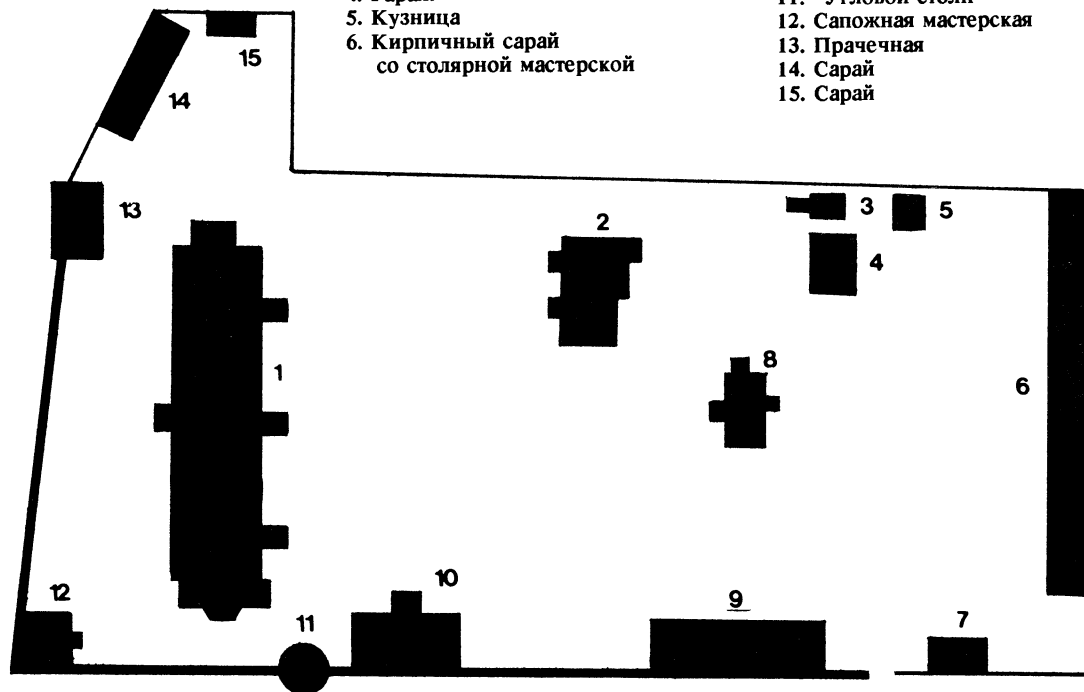
Схимонах Варсонофий (Середа)

Владыка Зиновий (Мажуга), в схиме Серафим

План монастыря Глинская пустынь. 1960 год

1. Храм во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	7. Гостиница для богомольцев
2. Трапезная	8. Аптека и келлии братии
3. Склад горючего	9. "Архиерейский" корпус
4. Гараж	10. Склад и овощехранилище
5. Кузница	11. "Угловой столп"
6. Кирпичный сарай со столярной мастерской	12. Сапожная мастерская
	13. Прачечная
	14. Сарай
	15. Сарай

мотоцикл¹, производится строительство без его письменного разрешения². «С болью в сердце выслушал я все сие», — писал епископ Евстратий после разговора с уполномоченным настоятелю архимандриту Серафиму³.

Летом этого года уполномоченный ответил отказом на прошение архимандрита Серафима о выдаче горючего для грузовой автомашины обители⁴ и дал указание председателю исполкома Шалыгинского райсовета «взять под контроль строительство» в Глинской пустыни⁵.

За жизнью обители тщательно следили и в Москве. Например, после того как Глинская пустынь получила в 1955 году иконостас, из Совета по делам Русской Православной Церкви пришел запрос к уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви по УССР и по Сумской области: «откуда взят иконостас для Глинской пустыни и кто давал разрешение на его получение»⁶.

В 1957 году монастырь купил старый грузовик марки ЗИС-5 и отправил его на восстановительный ремонт в глуховскую мастерскую. На второй день после возвращения отремонтированной машины сотрудник ГАИ «изъял ее из обители в г. Глухов»⁷. Несмотря на ходатайство Хозяйственного управления Московской Патриархии, Сумской облисполком возвратить грузовик отказался. Машина была конфискована⁸.

После проверки паспортного режима в обители в марте 1958 года последовало еще одно указание Сумского Епархиального управления об обязательной регистрации в книге посетителей всех прибывающих в монастырь и запрещении проживать в нем без паспорта⁹. Архимандрит Серафим ответил на это, что без паспорта останавливаются только «жители ближайших селений», которые более трех дней в обители не проживают¹⁰.

Пытаясь защитить настоятеля Глинской пустыни, благочинный Шалыгинского района протоиерей Александр Дворецкий в своем рапорте в Сумское Епархиальное управление писал, что

¹ Мотоцикл был подарен обители в 1955 г. священником о. Александром из г. Павловский Посад Московской области (АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское Епархиальное управление от 4 августа 1955 г.).

² АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни от 11 июля 1955 г.

³ Там же.

⁴ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 9.

⁵ Там же, л. 11.

⁶ Там же, л. 18.

⁷ АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 21 декабря 1957 г.

⁸ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 48, л. 4.

⁹ АСЕУ. Распоряжение Сумского Епархиального управления от 25 марта 1958 г.

он бывает в монастыре три-четыре раза в месяц и ни разу не обнаружил лиц, проживающих без паспорта, кроме жителей ближайших сел, которые приходят в обитель поговеть¹.

В апреле 1958 года работники Шалыгинской районной милиции вызвали в паспортный стол всех числившихся в Глинской пустыни сезонными рабочими (послушников, еще не принятых в монастырь по указу) и предложили им всем в трехдневный срок покинуть монастырь², хотя некоторые из них жили в обители уже по два-три года. Отцу настоятелю архимандриту Серафиму с трудом удалось их отстоять.

Если в те годы представители советской власти постоянно ущемляли права обители, то епархиальный архиерей епископ Евстратий, наоборот, с искренней любовью заботился о ней и, насколько позволяло то трудное время, помогал инокам. Он много внимания уделял жизни монастыря, разбирался в самых казалось бы мелких делах, сам отвечал на письма насельников обители, а в сложных вопросах обращался в Московскую Патриархию с просьбой помочь Глинской пустыни. Письма его к настоятелю архимандриту Серафиму полны отеческой заботы об обители и теплой любви к ее насельникам³.

В феврале 1957 года архимандрит Серафим (Амелин) обратился к епископу Евстратию с просьбой освободить его по болезненному состоянию и старости (ему было уже восемьдесят четыре года) от обязанностей настоятеля⁴. Наряду с этими причинами едва ли не основной было стремление старца в конце жизненного пути совершенно предаться богомыслию и безмолвию. Пребывая телом на земле, он давно уже духом был в Горнем Иерусалиме, но, несмотря на затвор, в котором он провел последние годы, заботы о многообразной жизни обители не позволяли ему полностью отрешиться от дел земных.

Братия, хотя и скорбела о решении о. Серафима уйти на покой, но по его благословению выбрала настоятелем архимандрита Тавриона (Батозского), который поступил в Глинскую пустынь еще в 1913 году и находился в обители до 1922 года, обучаясь в живописной мастерской под руководством о. Серафима (Амелина)⁵. Затем он посетил Глинскую пустынь лишь в начале 1957 года.

Надеясь, что архимандрит Таврион, помня иноческие традиции Глинской пустыни, и в должности настоятеля сохранит по-

¹ АСЕУ. Рапорт благочинного Шалыгинского района протоиерея Александра Дворецкого от 1 апреля 1958 г.

² Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 11 апреля 1958 г.

³ В последние годы управления епархией он много болел и в 1958 г. ушел на покой, о чем сожалела братия Глинской пустыни.

⁴ АСЕУ. Прошение настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 5 февраля 1957 г.

⁵ Там же. Автобиография архимандрита Тавриона (Батозского), написанная им 27 мая 1956 г.

слушание старцам, о. Серафим (Амелин) в своем прошении епископу Сумскому и Ахтырскому указал на него как на желательного кандидата на должность настоятеля Глинской пустыни¹.

Для окончательного решения этого вопроса духовник обители иеросхимонах Серафим (Романцов) ездил в Москву, где «был на приеме лично у Святейшего Патриарха Алексия... Святейший спрашивал о братии, о храме, о церковных службах, о постройке и обещал назначить настоятелем архимандрита Тавриона»².

По распоряжению Святейшего Патриарха Алексия архимандрит Таврион (в миру Тихон Данилович Батозский) был назначен настоятелем Глинской пустыни 14 марта 1957 года³, а 25 апреля принял все дела от архимандрита Серафима (Амелина)⁴. Но в должности настоятеля о. Таврион пробыл менее года, так как не оправдал доверия братии. В Глинской пустыни, обители истинно православной, он стал вводить западные, католические обычаи церковной жизни. Кроме того, после окончания вечернего богослужения о. Таврион зажигал свечи на престоле, открывал Царские врата, начинал читать акафисты и «устраивал общенародное пение»⁵. Это противоречило уставу Глинской пустыни, в соответствии с которым после вечернего богослужения братия должна была безмолвно расходиться по келлиям и исполнять келейное правило в тишине.

Отец Таврион приказал вынести Голгофу из храма⁶, ввел при богослужении вместо строгих распевов Глинской пустыни партесное пение, никак не соответствующее духу обители⁷.

¹ АСЕУ. Прошение настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 5 февраля 1957 г.

² Там же. Рапорт настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) (без даты).

³ Там же. Распоряжение Святейшего Патриарха Алексия от 14 марта 1957 г.

⁴ Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

⁵ Там же. Протокол объединенного собрания Сумского Епархиального Совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Еще благочестивый игумен Филарет (Данилевский) не допускал в Глинской обители партесного пения, и ему следовали все Глинские настоятели. Отец Филарет считал, что «чем далее от естественного пения, чем искусственнее поставлена духовная пьеса, тем менее в ней истинного молитвенного духа... Громкие, потрясающие звуки, быстрые переходы голосов не должны иметь места среди смиренных монахов. Бог любит разумных молитвенников» (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной Пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп. и перераб. Одесса, 1905, с. 103.). В уставе Глинской пустыни сказано: «Певцы ... да поют... не козлогласованием, а со страхом Божиим, дабы и предстоящих сердца умилять» (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 38). Поэтому весь круг богослужебного пения Глинской пустыни до изменений, введенных о. Таврионом, сохранял древние церковные мелодии, в которых

При входе в храм о. Таврион повесил большие шторы. Икону «Царь Славы» на Горнем месте без совета со старцами заменил иконой «Воскресение Христово»¹. Что касается замены иконы, то это не запрещено каноном, но в Глинской пустыни, где без благословения старцев избегали малейших нововведений и крайне дорожили древними традициями, все эти изменения возмущали братию. Она называла действия о. Тавриона благочестием не по разуму².

Особенно недовольна была братия тем, что о. Таврион ни в чем не советовался с глубокопочитаемым в монастыре, старшим его по возрасту и по духу, бывшим настоятелем архимандритом Серафимом (Аmeliным). Это было нарушением монашеских правил. Наконец, о. Таврион ни в чем не считался с мнением Совета старцев Глинской пустыни, а поступал самовластно³.

Стремясь защитить православие в обители, насельники монастыря неоднократно обращались к епископу Евстратию и, как в личной беседе, так и письменно, выражали свое недовольство нововведениями настоятеля⁴.

Обострились отношения у о. Тавриона и с благочинным Шалыгинского района о. Александром Дворецким⁵, который до этого всегда отстаивал интересы Глинской пустыни.

Преосвященный Евстратий неоднократно, как при посещении обители, так и письменно, пытался вразумить о. Тавриона, ссылаясь даже на то, что доля его болезни (осенью 1957 г. епископ Евстратий был тяжело болен) «от нестроений в обители»⁶, но ничего не изменялось.

«преобладала не столько музыка, сколько чувство, воодушевлявшее молящихся в ту или иную минуту церковной службы» (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп., и перераб. Одесса, 1905, с. 104).

¹ АСЕУ. Протокол объединенного собрания Сумского Епархиального Совета и собора старцев Глинской пустыни от 2—18 ноября 1957 г.

² Там же. Прощение монаха Глинской пустыни Иоасафа (Дегтяренко) от 4 сентября 1957 г. (При о. Таврионе богослужения в обители начинались в полночь. Братия, горевшая стремлением к подвижнической жизни, это одобряла, но восстала против католического уклона настоятеля.)

³ Там же. Протокол объединенного собрания Сумского Епархиального Совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

⁴ Там же. Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 октября 1957 г.

⁵ Там же. Рапорт благочинного Шалыгинского района протоиерея Александра Дворецкого от 6 апреля 1957 г.; Письмо секретаря епископа Сумского и Ахтырского архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 августа 1957 г. Письмо секретаря епископа Сумского и Ахтырского благочинному Шалыгинского района протоиерею Александру Дворецкому от 16 августа 1957 г.

⁶ Там же. Письмо членов Сумского Епархиального Совета архимандриту Тавриону (Батозскому) от 26 сентября 1957 г.; от 9 октября 1957 г.

Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 октября 1957 г.

О католическом уклоне в действиях о. Тавриона стало известно Святейшему Патриарху Алексию. 14 ноября 1957 года епископ Евстратий получил телеграмму от Управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Николая (Колчицкого), в которой было сказано, что поскольку «братия Глинской пустыни не очень довольна настоятелем, который делает большие перемены без совета старцев обители, то Святейший Патриарх просит вызвать старцев обители Глинской пустыни... и внушить настоятелю, чтобы все дела в обители решались совместно со всеми старцами, а не единолично настоятелем...¹».

В ответ на эту телеграмму 18 ноября под председательством епископа Евстратия было проведено объединенное собрание Сумского Епархиального Совета и собора старцев Глинской пустыни в составе настоятеля архимандрита Тавриона, духовника обители иеросхимонаха Серафима, казначея иеромонаха Модеста и эконома иеромонаха Михаила, на котором «движимые братской любовью и послушанием»² единодушно постановили отменить в Глинской пустыни нововведения о. Тавриона, а настоятелю решать все вопросы совместно со старцами. В монастыре завели даже журнал для записи решений, принятых на совещании старцев³. Но жизнь в обители не нормализовалась. Западная ориентация в действиях о. Тавриона продолжала проявляться. Отец Серафим (Романцов) вынужден был поехать к Святейшему Патриарху и просить о смене настоятеля. 13 января 1958 года настоятелем Глинской пустыни опять назначили архимандрита Серафима (Амелина), а архимандрит Таврион (Батозский) указом Святейшего Патриарха был переведен в Почаевскую Лавру⁴.

К этому времени многотрудный старец архимандрит Серафим (Амелин) уже угасал. Пятнадцать лет был он во главе духовного вертограда и не только собрал, но и приумножил братию Глинской пустыни, во всей полноте возродил старчество и древний устав обители, внутренне и внешне украсил монастырь, создал все условия для духовной и материальной помощи богомольцам.

Только безмерная любовь к братии и попечение о благе пустыни заставили его опять взять на себя бремя настоятельства, но лишь на несколько месяцев, поскольку боголюбивая душа его уже была готова к переходу в вечность. Всего два дня поболел о. Серафим перед кончиной. В день памяти

¹ Протокол объединенного собрания Сумского Епархиального Совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

² Там же.

³ АСЕС. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 25 ноября 1957 г.

⁴ Там же. Указ Святейшего Патриарха Алексия от 13 января 1958 г.

великих Московских святителей, в субботу 18 октября 1958 года, он стал как бы отмахиваться руками (как говорили старцы, «бесы лезли за братию»), но потом лицо о. Серафима просветлело, сделалось сияющим, и он с великой радостью отошел к Господу¹.

В воскресенье вечером игумен Феоген (Таран) совершил заупокойное всенощное бдение. В понедельник 20 октября на погребение великого старца прибыл епископ Степанованский Зиновий (Мажуга). В сослужении двадцати священников и четырех диаконов он совершил заупокойную литургию, затем отпевание и произнес прощальное сердечное слово, посвященное высокодуховной жизни отца настоятеля, и так утешил братий, что они со слезами благодарили его. После отпевания гроб с телом схиархимандрита Серафима был обнесен вокруг храма. Погребение совершили при огромном стечении священнослужителей, иноков и богомольцев, глубоко почитавших о. Серафима. У южной стены храма, возле алтаря, гроб был опущен в могилу.

Братия пребывала в сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцом, молитвенником, преданным Богу и Церкви, который жил не для себя, а для Бога и для других и явил пример истинно монашеских подвигов и высоких духовных дарований.

Великим утешением для братии было то, что и после смерти глубокочтимый старец не оставил своих чад. Так, он неоднократно в облачении являлся во сне одному ревностному молодому Глинскому монаху и поучал, как надо жить в монашестве, учил умеренности в подвиге.

После закрытия обители в 1961 году, при перезахоронении усопших старцев от храма на общее братское кладбище, были обретены нетленные мощи схиархимандрита Серафима. Даже облачение и гроб святого старца не были повреждены тлением². Придут времена, может быть, Господь и прославит Своего угодника.

После кончины схиархимандрита Серафима братия избрала настоятелем игумена Феогена (Тарана), видя в нем истинного ученика и последователя богомудрого старца.

Отец Феоген (в миру Фома Семенович Таран) родился 21 марта 1883 года в селе Головщина Гайвороновского уезда Курской губернии в семье крестьянина³. В 1895 году

¹ АСЕУ. Рапорт игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому от 20 октября 1958 г.

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105.

³ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

В АСЕУ сохранилось 3 послужных списка о. Феогена за разные периоды его жизни: иеромонаха, игумена и архимандрита Феогена. Поскольку ни один из них не объединяет всех сведений, содержащихся в других списках, использованы все эти документы.

Фома окончил трехклассную сельскую школу¹, а в 1902 году поступил в Глинскую пустынь². После общих послушаний он был назначен на послушание при живописной мастерской³, где почти двадцать лет трудился под непосредственным руководством о. Серафима (Амелина), постигая не только искусство живописи, но, главное, искусство монашеской жизни.

В рясофор Фома был пострижен 24 сентября 1908 года⁴, а 29 июня 1918 года — в монашество⁵ с именем Феоген.

Смирняя себя во всем, постепенно приобрел инок сокрушение сердца. Настоятель архимандрит Иоанникий (Гомолко) писал, что он «качеств хороших и усерден»⁶. В 1919 году⁷ епископ Тамбовский Павел (Поспелов) рукоположил его в сан иеродиакона. После закрытия Глинской пустыни иеродиакон Феоген служил в Покровской церкви села Белокопытово Глуховского района, с 1932 по 1936 год — в Рождество-Богородичной церкви Глухова, а затем до 1938 года — в Воздвиженской церкви Севска. После закрытия этого храма до 1941 года он «работал по найму в Глухове у частных лиц»⁸.

Когда в 1941 году открылась Ильинская церковь села Ковенки Шалыгинского района, отец Серафим (Амелин) начал служить там священником, а о. Феоген был иеродиаконом. В 1942 году о. Феоген одним из первых вернулся в Глинскую пустынь⁹ и трудился над восстановлением обители. В 1944 году епископом Сумским и Ахтырским Корнилием о. Феоген был рукоположен во иеромонаха и в том же году награжден набедренником¹⁰. С 1944 по 1950 год о. Феоген исполнял должность казначея¹¹ и был надежным помощником настоятеля в деле управления монастырем.

В те годы в епархии не хватало священников на приходах, и 27 марта 1950 года иеромонах Феоген был назначен настоятелем Ильинской церкви села Ковенки¹², в 1952 году он был награжден наперсным крестом, а затем возвращен в Глинскую

¹ АСЕУ. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

² В послужном списке настоятеля и братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81) и за 1918 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 55) указано, что о. Феоген поступил в Глинскую пустынь в 1902 г., а в послужном списке архимандрита Феогена от 20 октября 1959 г. — что в 1903 г. (АСЕУ).

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81.

⁴ Там же, д. 3, л. 55.

⁵ Там же, д. 2, л. 81.

⁶ Там же, д. 3, л. 55.

⁷ ГАСО ф. 20. оп 3л, д. 174, л. 89 об.

⁸ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

⁹ Там же; Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

¹² Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).

¹³ Там же.

пустынь для исполнения той же должности казначея. Однако уже в марте 1953 года о. Феогена опять направили на приход, теперь уже настоятелем церкви села Хмелово Смелковского района Сумской области. Здесь он ревностно подвизался в пастырском служении и в 1955 году «за усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией»¹ был возведен Святейшим Патриархом Алексием в сан игумена.

Однако обитель нуждалась в нем, и сам о. Феоген всем сердцем стремился в Глинскую пустынь, где прошла большая часть его подвижнической жизни. Благочинный Глуховского района писал о нем: «О. Феоген любит свой монастырь и много в нем потрудился, умереть желает в монастыре»². Еще летом 1957 года архимандрит Таврион и старцы обители просили епископа Евстратия вернуть о. Феогена в обитель. Поводом к этому послужило прошение схиигумена Андроника (Лукаша) об освобождении его по болезни от обязанностей благочинного монастыря. Своим преемником он хотел бы видеть о. Феогена, и все старцы обители поддерживали его в этом³. Но епископ Евстратий ответил, что не может оставить благоустроенный трудом о. Феогена приход без священника. В июне 1958 года уже архимандрит Серафим (Амелин) возобновил прошение⁴, и 27 июля игумен Феоген вернулся в Глинскую пустынь, где стал благочинным обители⁵.

Почти с первых дней иноческой жизни о. Феоген делал все только по совету о. Серафима (Амелина), чтил его как мудрого старца, ни на йоту не отступал от его воли и питал к отцу настоятелю самую преданную, искреннюю и самоотверженную любовь. Каждое слово отца архимандрита воспринималось им как повеление свыше. Все силы прикладывал он, чтобы исполнить слово старца, от которого получил и первые уроки монашеской жизни, и глубокие наставления о пастырском служении. Вместе с о. Серафимом претерпел он тяжелые годы после закрытия Глинской пустыни и был его ближайшим помощником при восстановлении обители⁶.

Когда о. Феогена из Глинской пустыни посылали служить на приходы, он не обращал внимания ни на похвалы, ни на осуждение, но строго держался установленных старцем правил внутренней и внешней жизни. Крайне смиренный, о. Феоген всем сердцем внимал не только наставлениям, но и

¹ АСЕУ. Свидетельство о награждении иеромонаха Феогена (Тарана) саном игумена.

² Рапорт благочинного Глуховского района Александра Дворецкого от 23 марта 1953 г.

³ АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 24 августа 1957 г.

⁴ Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 18 июня 1958 г.

⁵ Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).

⁶ Там же. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

самому образу жизни отца настоятеля, стремился впитать в себя и воспринять те добродетели, которыми так богат был о. Серафим. Особенно старался о. Феоген настраивать душу, чтобы она была кроткая, смиренная, простая и незлобивая, ибо только в таких душах обитает благодать Святого Духа. По молитвам своего старца, отличаясь всегда «примерной монашеской жизнью»¹, о. Феоген стал поистине духовной личностью.

3 ноября 1958 года по желанию братии он был назначен временно исполняющим обязанности настоятеля Глинской пустыни, а 21 февраля 1959 года утвержден в этой должности².

Отец Феоген оправдал доверие иноков, настоятельствовав усердно, всегда был на высоте положения. Новый настоятель старался во всем сохранить порядок, установленный схииеромандритом Серафимом и, следуя его заветам, объединял братию в духовный союз. В послужном списке о. Феогена сказано, что он «старается сохранить и поддерживать мирный и спокойный общежительный порядок среди монашеской братии, показывая собою пример исполнителя своего долга перед Христовой Церковью и перед братией Святой обители»³.

Отец Феоген очень заботился об иноках, плакал, когда сам совершал постриг в монашество. Молитвенность его и духовную поддержку братия всегда чувствовала. Благочинный писал о нем: «Архимандрит Феоген к своим обязанностям относится похвально. В обращении с братией весьма тактичен, всеми насельниками обители уважаем и пользуется высоким авторитетом среди них»⁴. Всех покрывал он любовью, всех упрасивал, чтоб не было ропота, недовольства, чтоб послушания несли с ревностью. Сам крайне смиренный, он и иноков особенно приучал к смирению.

Автор этих строк получил от него наставление, которое запомнил на всю жизнь. Перед вечерним богослужением братия пошла на спевку. Автор как певчий правого хора тоже должен был идти, но не пошел. Настоятель мягко его спросил, почему он остался?

— Да там лишние разговоры.

— Это не твое дело, ты отвечать за это не будешь. Знай свое дело — следи за собой и исполняй послушание.

Эта кротость настоятеля перерождала человека и побуждала его обращать внимание на себя, а не на недостатки других.

¹ АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

² АСЕУ. Указ епископа Сумского и Ахтырского от 3 ноября 1958 г.; от 21 февраля 1959 г.

³ Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).

⁴ Там же.

Обитель при о. Феогене духовно возрастала. В Глинской пустыни было тогда 65 насельников, в том числе 54 монаха¹. Из бывших насельников в монастыре оставалось 12 человек, но они по-прежнему составляли духовное ядро обители (настоятель, духовник, ризничий, старцы). В числе братии при о. Феогене было семь схимников: схиигумен Андроник (Лукаш), схиигумен Николай (Хондарев), иеросхимонах Серафим (Романцов), иеросхимонах Паисий (Гришкин), иеросхимонах Василий (Морин), схииеродиакон Евстратий (Урети), схимонах Филарет (Гончаров)². Чистотой своей жизни они и братию побуждали ревновать о духовном подвижничестве.

Схиигумен Николай (в монашестве Никон, в миру Никита Васильевич Хондарев) родился 30 марта 1874 года в селе Уланово Глуховского уезда Черниговской губернии³. Родители его были государственными крестьянами. В богобоязненной семье он с малых лет проникся духом благочестия и любовью к святому храму. В 1887 году Никита окончил земское училище, но ничто земное его не привлекало. Душа его искала живого, опытного познания Бога, жажда спасения влекла юношу к монашеской жизни. Это богоугодное стремление разделял и его близкий друг Григорий Маслов (впоследствии глубоко уважаемый о. Николаем Глинский подвижник иеромонах Гавриил)⁴, вместе с которым в 1893 году он поступил в Глинскую пустынь⁵. Отличавшегося телесной крепостью и силой Никиту часто назначали на самые тяжелые монастырские послушания, но он так горел любовью ко Господу, что все казалось ему легко и утешительно. Об отдыхе он почти и не помышлял. Старец любил вспоминать, как в те годы его с Григорием направляли охранять монастырский сенокос. Здесь все ночи проводили они в молитве и славословии Бога, затем подкрепляли друг друга духовной беседой, приходилось им и прогонять с сенокоса людей, приводивших туда своих лошадей⁶.

¹ Более половины всех насельников (37 человек) были старше 60 лет и почти половина (31 человек) — старше 70 лет; всего 9 человек было в возрасте до 30 лет. Нетрудоспособных было более половины — 34 человека (АСЕУ. Список насельников Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Глуховского района по состоянию на 1 декабря 1959 г.).

² Подробные жизнеописания схимников и всех подвижников Глинской пустыни приведены в работе: Глинский Патерик / Сост. схиархимандрит Иоанн (Маслов). 2-я ред.

³ АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

⁴ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 108.

Иеромонах Гавриил, известный своей прозорливостью, был близким родственником схиархимандрита Иоанна (Маслова). Предсказывая будущее о. Иоанна, он говорил родным: «Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монах». — Примеч. составителей.

⁵ АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

⁶ Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Николая (Хондарева).

В обители Никита проходил также послушание при живописной мастерской¹.

В 1900 году вместе с о. Никодимом (Калиушем) он был переведен в Чуркинскую Николаевскую пустынь².

В 1905 году Никиту перевели в Астраханский Иоанновский монастырь, где он принял постриг в монашество с именем Никон, а 11 декабря того же года архиепископом Астраханским Георгием (Орловым) был рукоположен во иеродиакона³. Служить о. Никон очень любил и часто сверх своей чреды совершал богослужение за собратий. В обители все знали, что Никон всегда готов к служению по своей трезвенной и молитвенной жизни.

13 сентября 1909 года архиепископ Георгий рукоположил его во иеромонаха, а в 1912 году как строгий исполнитель иноческих обетов о. Никон был назначен благочинным Чуркинской обители⁴.

По указу Св. Синода в 1914 году о. Никона назначили священником при военном госпитале. Жизнь, полная опасностей, укрепила твердость его воли, научила не страшиться никаких препятствий. Старец рассказывал, как в то военное время напали на него бандиты, но благодаря своей богатырской силе и стойкости духа он один всех их разогнал⁵.

За ревностное выполнение священнических обязанностей о. Никон в 1916 году был награжден наперсным крестом⁶, а в 1917 году — орденом Св. Анны III степени⁷. После заключения мира он вернулся в 1918 году в Глинскую пустынь. В строгих иноческих подвигах, часто совершая богослужения, жил о. Никон в обители до ее закрытия, а затем — на родине у братьев.

С 1929 по 1932 год он служил в селе Благодатном Курской епархии. В 1932 году о. Никон был арестован и сослан в Архангельск. В тяжелые годы ссылки он отличался особой крепостью духа, которая проявлялась в миролюбии, терпеливом и радостном принятии страданий и испытаний. Вернувшись в 1936 году из ссылки, о. Никон жил на родине и работал печным мастером. В 1941 году начал служить в церкви села Береза Глуховского района, а в 1944 году вернулся в Глинскую пустынь⁸.

Твердость воли, постоянная ровность характера, любвеобильное обращение всеми с людьми, наконец, природный

¹ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 107.

² АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Никона (Хондарева).

⁶ АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

⁷ Там же. Список священнослужителей с указанием наград, декабрь 1957 г.

⁸ Там же. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

ум снискали ему всеобщее расположение. Но его пребывание в пустыни было недолгим. В том же 1944 году епископ Сумской и Ахтырский Корнилий назначил его служить на приход: сначала в село Ковенки Шалыгинского района, потом на прежнее место, в Березовскую церковь, и, наконец, в село Ярославца Глуховского района¹.

Отец Никон пользовался огромным авторитетом у паствы. Сама жизнь его была примером. Скорби и искушения способствовали его духовному совершенствованию. Они выявляли все греховное, что оставалось в сердце старца, и побуждали мобилизовать внимание и духовную ревность на искоренение того, что удаляет человека от Бога. С Божией помощью преуспел он в подвижнической жизни, созрела в нем духовная мудрость и опытность. Отец Никон всем сердцем и душой привязан был к храму, жил с ним одной благодатной жизнью, заботился о его благолепии и украшении. Здесь в него проливались дары Божественной благодати, любви и умиления, духовной радости и близости к горнему миру.

Пастырство его было истинно духовное. С верой в силу помощи Божией священник возрождал паству к новой благодатной жизни. Своей любовью он побеждал в одних страх, в других холодность и пренебрежение; одних вызывал к доверчивости, других подвигал на покаяние.

Проповеди о. Никона оказывали неотразимое воздействие на слушателей. Преподдаваемое им высокое учение, благодаря многим подвигам, стало его собственным цельным и ясным мировоззрением. Более всего заботился он о том, чтоб заложить в глубине сердца человека сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения Православной Церкви. Слушатель чувствовал, как самый дух проповедника входит в его душу. Отец Никон не стремился отвлеченными катехизическими и богословскими поучениями привести людей к Богу, но сам был проводником Божественной благодати, изменяющей человеческие сердца.

Отец Никон всегда был ревностным поборником Православия. Он рассказывал, как еще до революции на Пасху в Глинской пустыни он спорил со штундистами, которые говорили: «Наша вера лучше». Для разрешения спора о. Никон предложил взять два яйца, на одном написали «Христос воскрес!», на другом — «Штунда». Эти яйца долго лежали, когда их вскрыли, то от штундистского яйца пошло зловоние, а первое было свежайшее. Старец рассказывал об этом с детской радостью и даже смеялся.

Часто он говорил в своих поучениях о том, что спасение человека совершается только в Святой Православной Церкви. Но тесного единения со Христом в живом организме Церкви

¹ АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

сподобляются только те лица, которые содержат Православную веру в чистоте и святости, подвизаются в благочестии и стремятся постоянно пребывать в доброделании. Не все члены Церкви настолько совершенны, но Церковь подает своим последователям духовное врачевство. Они могут быть в ней, если оставят свои грехи, оплатят их и принесут искреннее покаяние перед священником. Господь именно для того и основал на земле Свою Святую Церковь, чтобы всегда очищать, врачевать желающих душевного и телесного здравия, просвещать ищущих освобождения от греховной тьмы, вести человека ко спасению. Раскаившегося грешника Святая Церковь воспринимает в свои объятия и подает ему надежду на получение вечной жизни. Отсюда следует важность и необходимость для спасения пребывать в союзе с Православной Церковью и опасность для живущих вне этого священного союза.

Ко всем людям о. Никон относился беспристрастно. Сердце его было открыто человеку любых убеждений, поэтому к нему тянулись самые разные люди. В каждом человеке видел он только его бессмертную душу и старался привести ее к Богу. После разговора с ним в душе человека пробуждалась скорбь о своем недостоинстве, о потере чистоты духа, искреннее стремление к небу.

В 1948 году о. Никон по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен в сан игумена, а в 1953 году — возвращен в Глинскую пустынь. В обитель стали ездить его бывшие прихожане, обращались к нему и многие другие богомольцы. Часто можно было видеть, как старец, окруженный людьми, давал советы, отвечал на вопросы, благословлял своих духовных чад, а иногда водил их на братское кладбище Глинской пустыни, где покоится много святых.

Видя духовную мудрость и опытность старца, обращались к нему и многие иноки. Отец Никон говорил, что жизнь духовная состоит в том, чтобы непрестанно иметь в своем сердце благодать Святого Духа, а духовный подвиг инока прежде всего заключается в очищении сердца от страстей.

Именно в переоценке духовных ценностей, в перенесении центра своих стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, в освобождении от всего греховного, что отдаляет человека от Бога, и состоит очищение сердца. Это приводит последователя Христова к истинной христианской жизни, что делает его целенаправленным, более сосредоточенным, способным на всякое доброе дело.

В возрасте восьмидесяти пяти лет о. Никон по прошению был пострижен в схиму с именем Николай¹. Усилил подвиги

¹ АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 13 апреля 1959 г.

поста, бдения и молитвы, он по-прежнему принимал иноков и богомольцев, с трогательной заботой и любовью относился к младшей братии. Подвижник Божий отличался необыкновенной добротой, часто бодрым словом стремился поднять дух молодых иноков, а если они заболели, то сам делал лекарство и ухаживал за ними. Настоятель отзывался о нем как о «старце примерной жизни»¹.

После закрытия обители схиигумен Николай жил у родственников в Глухове, где и окончил свою земную жизнь.

Иеросхимонах Паисий (в монашестве Полиевкт, в миру Павел Дмитриевич Гришкин) родился 8 декабря 1879 года в селе Гусевка Людиновского уезда Калужской губернии в крестьянской семье². Благочестивая семья Гришкиных была достаточно обеспечена³ и часто приезжала на богомолье в Оптину пустынь. С малых лет сердце Павла горело любовью к Богу и к жизни иноческой. Господь еще в детстве даровал ему многоопытного духовного наставника. Им стал бывший келейник преподобного Амвросия, известный впоследствии Оптинский старец Анатолий (в миру Александр Потапов). После кончины скитоначальника Оптиной пустыни о. Иосифа (Литовкина) именно он выделился среди всех учеников преподобного старца Амвросия и пользовался всеобщим уважением. По отзывам современников, «в нем часто чувствовались дух и сила первых великих Оптиных старцев», а по своему «стремительному радостнолюбвеобильному и смиренномудрому обращению с людьми он напоминал преп. Серафима Саровского»⁴. По благословению о. Анатолия Павел в 1898 году после окончания сельской школы поступил в Оптину пустынь⁵. Послушание он проходил при рухлядной⁶, к старцу своему ходил ежедневно сначала в скит Оптиной пустыни, затем в храм Владимирской иконы Божией Матери, при котором была келлия о. Анатолия. Старец очень почитал Святителя Тихона Задонского и часто давал своим духовным детям читать его творения. Поучения же самого о. Анатолия всегда указывали Павлу верный путь к достижению иноческого совершенства, а весь строго подвижнический уклад жизни обители не давал ослабеть его ревности.

В 1918 году Павла постригли в рясофор⁷, а в 1920 году — в монашество с именем Полиевкт⁸. Вместе со своим старцем он

¹ АСЕУ. Послужной список схиигумена Николая (Хондарева).

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16.

³ Там же.

⁴ Четвериков С., протоиерей. Оптиная пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926, с. 100.

⁵ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 (Анкета служителя культа Гришкина П. Д.).

⁶ ГБЛ, ф. 213, к. 2, ед. хр. 3, л. 5.

⁷ Там же, к. 4, ед. хр. 4, л. 105.

⁸ АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

пережил в обители все трудности военного времени, революции и гражданской войны. Советы старца и его наставления о. Полиевкт не только с благоговением хранил в своем сердце, но и делом исполнял до своих последних дней. Особенно запомнились ему слова о. Анатолия о пользе откровения помыслов, которое постепенно приводит человека к истинному смирению, рождая в душе сознание своей греховности и беззвоние о ней.

За долгие годы жизни в монастыре при полном отсечении своей воли и разума о. Полиевкт достиг высокой степени чистоты сердца и духовной мудрости. Строгость к себе, недоверие к своему мнению и полное послушание были его отличительными чертами.

После закрытия Оптиной пустыни о. Полиевкт работал чернорабочим в Днепропетровске, затем в Козельске, с 1940 по 1943 год жил на родине. В 1943 году он переехал в Новочеркасск Ростовской области, где в 1945 году епископом Смоленским Стефаном был рукоположен во иеродиакона, а в 1949 году епископом Ростовским Вениамином — во иеромонаха¹. До 1954 года он служил в Новочеркасске, затем в селе Петровское Ростовской области².

В 1955 году о. Полиевкт направил прошение архимандриту Серафиму (Амелину) о принятии его в Глинскую пустынь. Об этом же просил епископа Евстратия митрополит Ростовский и Каменский Вениамин, который писал: «Отец Полиевкт — бывший монах Оптиной пустыни, хорошо знающий монастырскую жизнь, он скромен, любит церковные службы и доброго поведения»³.

В мае 1955 года иеромонах Полиевкт был переведен в Глинскую пустынь на покой⁴. Превозмогая болезни, он много трудился в обители, не позволяя себе никаких послаблений. Настоятель архимандрит Серафим писал о нем епископу Евстратию: «Иеромонах Полиевкт, несмотря на престарелые годы и сердечную болезнь, зарекомендовал себя послушным и трудолюбивым старцем, участвуя в физическом труде и отправлении церковных треб»⁵. В 1957 году епископом Евстратием он был награжден набедренником⁶.

¹ АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Паисия (Гришкина). В анкете служителя культа Гришкина П. Д. сказано, что он был рукоположен во иеродиакона в 1942 г., во иеромонаха — в 1945 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16).

² ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об.

³ АСЕУ. Письмо митрополита Ростовского и Каменского Вениамина епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 5 мая 1955 г.

⁴ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об. — 17.

⁵ АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 30 июня 1955 г.

⁶ Там же. Список священнослужителей с указанием наград, декабрь 1957 г.

Это был строгий и ревностный исполнитель иноческих обетов. По отношению к глубоко уважавшей его братии обители он также был строг, требователен и взыскателен. Часто напоминал он инокам об их обещании служить Христу верой и правдой, о том, что совесть есть внутренний мздовоздаятель всех дел и поступков христианина, что желающий достигнуть вечного спасения не только должен бороться с грехом, но и не соглашаться с порочными мыслями и пожеланиями. Имея глубочайшее смирение и самоукорение, он в то же время строго обличал любого, кто не исполнял монашеских обязанностей,— и старшего, и младшего.

У о. Полиевкта было очень много почитателей среди богомольцев. Он обладал молитвенным даром так воздействовать на человека, что тот, чувствуя невидимое присутствие всемогущего Господа, со всей откровенностью исповедовал старцу самые потаенные движения своего сердца. Людей, живущих в миру, о. Полиевкт учил созидать свое спасение в мелочах будничной жизни так, чтобы все дела были сделаны ради Господа и во славу Его.

Всех он наставлял пребывать в храме, не развлекаясь и не разговаривая, внимать чтению и пению, так как сила благодати, сокровенная в слове Божиим, возбуждает и укрепляет волю к исполнению закона Божия, к борьбе с искушающим злом, просвещает разум, очищает совесть и сердце, делает их способными к восприятию благодатных внушений.

Несмотря на строгость, о. Полиевкт всегда принимал самое теплое участие в скорбях ближних, умело утешая приходивших к нему. Он не отчаивался ни в чьем исправлении, умел ободрить и поднять дух у людей нерадивых и малодушных, вселить надежду в унывающих. Старец старался довести до сознания своих духовных детей, что исполнение воли Божией и надежда на Него доставляет не только облегчение в телесных и душевных скорбях, но и утешение, исключаящее возможность всякого уныния.

В возрасте восьмидесяти лет по прошению он был пострижен в схиму с именем Паисий и с присущей ему ревностью подвизался в схимнических трудах.

После закрытия Глинской пустыни о. Паисий перешел в Троице-Сергиеву Лавру, где также пользовался большим уважением братии, но в скором времени он почил там о Господе.

В те годы среди иноков обители также выделялся своим подвижничеством монах Иоасаф (в миру Иван Максимович Дегтяренко), жизнь которого замечательна как пример обращения убежденного атеиста, противника Церкви в истинного ревностного христианина.

Иван родился 3 февраля 1915 года в селе Ново-Ропск Брянской области в крестьянской семье. Он отличался прекрасной

памятью, быстрым восприимчивым умом и, окончив среднюю школу, в 1933 году без труда поступил в Ленинградское педагогическое училище. Иван был верен духу времени и целиком разделял атеистическое мировоззрение, насаждаемое советской властью, отрицая веру в Бога и вечную будущую жизнь, насмехался над самими Тайнствами Церкви Христовой. После окончания училища в 1937 году он был направлен на Дальний Восток, где преподавал в трех школах, проповедуя и своим ученикам атеистические идеи. Но в 1946 году в душе его произошел полный духовно-нравственный переворот, он вернулся на родину, работал там сторожем, а в 1952 году поступил в Глинскую пустынь¹. Иван не открывал тайны своего обращения к Богу, но по тому искреннему сердечному покаянию, которое он приносил Ему, живя в обители, можно было видеть, что он всецело откликнулся на призыв Божий и в корне изменил не только свою внешнюю, но, главное, внутреннюю жизнь. Покаяние действительно стало основой его духовной жизни. Он контролировал каждый свой поступок, слова и мысли, так что при малейшем нарушении заповедей Божиих спешил возвратиться на праведный путь к Богу.

Это был большой труженик, отличавшийся постоянной готовностью к любым монастырским трудам. В обители он исполнял послушание пекаря, выпекал хлеб вдвоем с помощником на всю братию и на богомольцев. Безропотно до самой смерти нес он это тяжелое ответственное послушание и не только безукоризненно исполнял его, но и старался успевать ко всем церковным службам, так как был назначен еще и клиросным в храме.

В начале 1954 года Иван был пострижен в рясофор² и в том же году в мантию с именем Иоасаф³.

Сочетая труд с непрестанной молитвой, о. Иоасаф столь ревностно соблюдал все иноческие обеты, что даже среди сонма подвижников Глинской пустыни выделялся строгой жизнью⁴.

Смиренный, кроткий и рассудительный, он все время обвинял себя и часто говорил братии: «Я хуже всех, я Бога хулил». Глубокое сердечное сокрушение под руководством опытных наставников переродило и очистило его душу, уподобило ее Христу. Оно же давало о. Иоасафу силы терпеливо переносить все скорби и труды ради Господа.

Пережив в молодости муки души, пребывающей вне ограды Церкви, он как величайший дар Божий хранил православную веру. Именно поэтому о. Иоасаф особенно ревностно выступил

¹ АСЕУ. Послужной список монаха Иоасафа (Дягтеренко).

² Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 июля 1954 г.

³ Там же. Послужной список монаха Иоасафа (Дягтеренко).

⁴ Там же.

против католического уклона, проявившегося в действиях архимандрита Тавриона (Батозского), и даже писал епископу Евстратию о нововведениях настоятеля.

Высота духовной жизни о. Иоасафа открылась в самой его кончине. Предвидя закрытие монастыря, он очень боялся идти в мир и горячо молился Матери Божией, чтобы забрала его до закрытия.

23 сентября 1960 год ему неожиданно стало плохо, ночью в обители не оказалось шофера, и в больницу о. Иоасафа привезли только утром, но там уже не смогли ему помочь. 24 сентября, угодив Богу своей самоотверженной иноческой жизнью, монах Иоасаф скончался в возрасте сорока пяти лет¹.

Так Господь слышит праведных людей и исполняет их желания.

Во время настоятельства о. Феогена в обитель поступало множество прошений о зачислении в Глинскую пустынь, но по указанию уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Сумской области, стремившегося сократить число насельников монастыря, Сумское Епархиальное управление всем отказывало (кроме старого и больного иеромонаха Агафоника (Бубнова), нуждавшегося в постоянном уходе)².

В обитель по-прежнему со всех концов страны приезжало множество богомольцев, иногда более 700 человек в день³. Всех их братия не только кормила, но и предоставляла им ночлег. В гостинице места, конечно, не хватало, и на ночь люди располагались в коридорах корпусов, летом — в сараях.

При о. Феогене доходы монастыря продолжали возрастать. В 1959 году пожертвования богомольцев составили более 66 процентов всех доходов обители, церковный сбор — 32 процента, около 2 процентов было получено за счет продажи скота и прочих поступлений⁴. В начале 1959 года Хозяйственное управление Московской Патриархии безвозмездно передало Глинской пустыни автомашину⁵.

Стараниями о. Феогена обогатилась ризница обители. Теперь в ней имелось уже 89 риз (среди них 5 бархатных, 2 парчовых) и 54 стихаря⁶. В храме было более 90 больших и 60 малых икон⁷. В монастырской библиотеке насчитывалось около 600 экземпляров книг.

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

² АСЕСУ. Распоряжение Сумского Епархиального управления от 16 июня 1959 г.

³ ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 16.

⁴ Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 1.

⁵ АСЕСУ. Письмо члена Хозяйственного управления Московской Патриархии П. Корнилова игумену Феогену (Тарану) от 7 февраля 1959 г.

⁶ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 86—87.

⁷ Там же, л. 88—91.

Здесь были книги по истории и философии религии, церковному праву, апологетике, святоотеческая литература, жития святых, требники, минеи, словари, справочники, ноты и светская литература¹.

В 1959 году за труды на благо обители, которая и после кончины схииеромандрита Серафима (Амелина) как внутренне, так и внешне процветала, игумен Феоген по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен архиепископом Черниговским и Нежинским Андреем (Сухенко) в сан архимандрита².

Во время настоятельства о. Феогена Глинская пустынь по-прежнему оставалась великим духовным центром, откуда истинное православие распространялось по всей стране, поэтому враг воздвиг на обитель сильнейшее гонение. Органы советской власти всеми силами мешали ее духовно-просветительной деятельности. Еще в конце 1958 года о. Феоген получил распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Иоасафа «немедленно уволить всех рабочих, которые не являются зарегистрированными насельниками»³, то есть всех временных послушников, еще не принятых в обитель по указу. В следующем году вообще запретили принимать новых насельников.

Следили и за тем, чтобы в обители не возрастало число священнослужителей. Епископ должен был прежде, чем рукоположить кого-либо в священный сан, получить на это разрешение уполномоченного, который, как правило, такого разрешения не давал (например, в апреле 1959 года запретил рукополагать в сан иеродиакона четырех монахов Глинской пустыни)⁴.

С начала лета 1959 года в монастырь стали приезжать различные комиссии по проверке санитарного состояния и паспортного режима обители⁵, цель которых заключалась в том, чтобы опорочить монастырь и подготовить документы к его закрытию. По результатам проверок, в вышестоящие партийные и советские органы направлялись требования о закрытии обители, содержащие самую нелепую клевету⁶. В актах, составленных этими комиссиями, подчеркивалось: «В монастырь Глинская пустынь систематически прибывают посетители из самых отдаленных мест Советского Союза»⁷. Это особенно раздражало местные власти.

Указом Сумского Епархиального управления в Глинской пустыни было запрещено предоставлять паломникам гостиницу и

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 91.

² АСЕУ. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

³ Там же. Распоряжение Иоасафа, епископа Сумского и Ахтырского, от 20 декабря 1958 г.

⁴ Там же. Рапорт игумена Феогена в Сумское Епархиальное управление от 13 апреля 1959 г.

⁵ ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 12, 18.

⁶ Там же.

⁷ Там же, л. 17.

кормить их, но, безусловно, этот указ не выполнялся, наоборот, в преддверии закрытия обители братия во главе с настоятелем стремились как можно больше духовно и материально помочь людям, поддержать и укрепить их на будущее.

В архиве уполномоченного по делам Православной Церкви по Сумской области за этот период сохранилась «Справка нарушений по монастырю Глинская пустынь». Вот что вменялось в вину обители:

«1. В монастыре предоставляют паломникам гостиницу и питание... 2. На автомашине и гужтранспортом привозят и увозят паломников со станции Локоть и из Глухова... На станции Локоть организовали гостиницу, где останавливаются приезжие паломники... 3. Принимают больных верующих и производят исцеление их. Этим делом занимаются Серафим, Власий и др...»¹.

Это означало, что, несмотря на запреты епархиального начальства и угрозы советской власти, Глинские иноки, исполняя заветы прежних настоятелей и сохраняя вековые традиции пустыни, продолжали оказывать самый теплый и заботливый прием богомольцам.

Архимандрит Феоген укреплял и поддерживал духовную и хозяйственную жизнь обители, поэтому, не считаясь с мнением братии, его отстранили от управления монастырем. 29 июля 1960 года указом управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея «в силу сложившихся обстоятельств»² о. Феоген был не только освобожден от должности настоятеля, но и лишен права оставаться в Глинской пустыни — так опасались его духовно-благотворного влияния на иноков.

Несмотря на протест братии, временно исполняющим обязанности настоятеля был назначен казначей обители игумен Модест (в миру Михаил Иванович Гамов)³, и 3 августа 1960 года архимандрит Феоген передал ему все имущество монастыря⁴. 10 марта 1961 года игумен Модест был утвержден в должности настоятеля и возведен в сан архимандрита⁵.

Архимандрит Модест родился в 1903 году в селе Куликовка Щигровского уезда Курской губернии в семье крестьянина, окончил три класса начальной школы и до 1930 года работал на родине, затем до 1948 года — в Восточно-Сибирском геологическом управлении мастером по бурению. В Глинскую пустынь поступил 20 сентября 1948 года⁶. В оби-

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 10—10 об.

² АСБУ. Указ управляющего Сумской епархией от 29 июля 1960 г.

³ Там же.

⁴ Там же. Присмо-сдаточный акт имущества Глинской Рождество-Богородицкой пустыни от 3 августа 1960 г.

⁵ Там же. Указ управляющего Сумской епархией от 10 марта 1961 г.

⁶ Там же. Послужной список игумена Модеста (Гамова).

тели сначала был хлебопеком, затем кладовщиком¹. Постриг в монашество принял в 1949 году, в 1951-м был рукоположен во иеродиакона, а в 1953 году — во иеромонаха. После перевода о. Феогена (Тарана) на приход 1 апреля 1953 года, о. Модест был назначен казначеем обители и пробыл в этой должности до июля 1960 года². В 1958 году он был награжден наперсным крестом, а в 1959 году архиепископом Черниговским и Неженским Андреем возведен в сан игумена³.

Это был «неплохой монах, скромный, аккуратный, способный хозяйственник... усердный труженик по благоустройству обители»⁴, послушание казначея нес добросовестно, но не пользовался авторитетом у братии, поскольку не имел молитвенного духа и не отличался подвижнической жизнью. После его назначения на должность настоятеля братия сначала даже пала духом, но вскоре смирилась, поскольку получила духовный задаток от прежних настоятелей.

Уполномоченный по Сумской области и другие представители местной советской власти рассчитывали, что новый настоятель будет исполнять их волю. Но о. Модест за обитель стоял ревностно, делал что только мог для сохранения монастыря и увещевал братию молиться усерднее, чтобы не закрыли Глинскую пустынь.

Неуклонное возрастание духовной жизни в обители продолжалось, несмотря на все усилия советской власти подорвать ее. Старцы Глинской пустыни принимали, исповедовали, наставляли множество паломников, совершали постриги в монашество и в великую схиму. Во время настоятельства о. Модеста в схиму были пострижены игумен Корнилий (в схиме Кириак, в миру Кирилл Андреевич Оробцов), иеромонах Иннокентий (в схиме Иона, в миру Иван Дмитриевич Шиховцов), иеромонах Исмаил (иеросхимонах Исихий, в миру Иван Георгиевич Невдачин), монахи Никандр (схимонах Никита, в миру Федор Моисеевич Шапошников) и Виталий (в схиме Варсонофий, в миру Василий Филиппович Середа)⁵.

Схиигумен Кириак родился 18 марта 1874 года в селе Васильевка Харьковской губернии. В 1897 году он посту-

¹ АСЕУ. Наличие насельников в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни на 1 октября 1950 г.

Там же. Список братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Шалыгинского района по состоянию на 1 мая 1953 г.

² Там же. Послужной список игумена Модеста (Гамова).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Глинский Патерик/Сост. схиархимандрит Иоанн (Маслов). 2-я ред.

пил в Свято-Горский Успенский монастырь той же губернии¹. Эта обитель была возобновлена Глинскими старцами, в ней был введен устав Глинской пустыни, и вся жизнь монастыря была основана на традициях Глинского иночества, которые передавались старшей братией вновь поступавшим. Здесь под руководством опытных старцев и возрастал Кирилл в духовной жизни. В 1910 году он был пострижен в монашество с именем Корнилий², а 17 июля 1916 года епископом Иркутским Зосимой (Сидоровским) рукоположен во иеродиакона, в том же году перемещен в Дерманский монастырь Кременецкой епархии, где прожил тридцать три года. В августе 1921 года архиепископом Кременецким Дионисием он был рукоположен во иеромонаха³.

Постоянством в монашеском подвиге, соблюдением заповедей Христовых о. Корнилий достиг высокой степени духовного совершенства, и Господь просветил его ум к ведению Божественных Таин.

В 1941 году о. Корнилий был возведен епископом Кременецким Симоном в сан игумена и награжден крестом с украшениями, а в 1944 году как отличающийся истинно подвижнической жизнью был назначен духовником обители и в течение пяти лет окормлял братию монастыря⁴. Великое смирение и благодатный свет внутренней молитвы озаряли его и привлекали к нему сердца братии. После исповеди у о. Корнилия человек обновлялся духом, калялся и устремлялся ввысь. Никогда ничем не выделяясь среди других, о. Корнилий был очень скромен, однако иноки невольно благоговели пред ним и уважали за подвижническую жизнь, которая, хотя и была сокровенной, но не могла не проявляться в его строгом благообразном облике, поступках, словах и той благодатной помощи, которую получала братия по его молитвам.

В 1949 году о. Корнилий перешел в монастырь Загайцы Тернопольской епархии, а в 1950 году по прошению был переведен в Глинскую пустынь на покой⁵. Здесь он вел жизнь отшельническую, соблюдая внутреннее безмолвие, трезвился умом и не принимал посторонних помыслов, говорил мало, никогда ни с кем не ссорился. По болезни служил редко, но, пересиливая себя, ходил ко всем службам

¹ АСЕУ. Послужной список игумена Корнилия (Оробцова).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

церковным, а также и в трапезную, чтобы не иметь в келлии никакой пищи.

Терпение великое было у него. Однажды в келлии о. Корнилия от лампы загорелись шторы, и он сильно обжег руки, когда гасил огонь. Несмотря на боль, он все равно пошел на службу, но во храме упал — от удара открылась рана на ноге, которая у него болела, и кровь хлынула из сапога.

Он очень мучился в болезни, но безропотно их терпел. Как сказано в его послужном списке, игумен Корнилий — «примерный старец, во всем исполнительный, отличающийся смирением»¹. В пустыни он один имел крест с украшениями, но никак не возвышал себя, а, наоборот, во всем смирял: ходил, например, на кухню и помогал чистить картофель, при этом всегда молчал.

В возрасте восьмидесяти семи лет игумен Корнилий принял схиму с именем Кириак в честь мученика Кириака (память его 15 мая), а через неделю, 22 мая 1961 года² пошел о Господе.

Схимонах Варсонофий (в монашестве Виталий, в миру Василий Филиппович Середа) родился 28 апреля 1878 года в городе Ромны в семье украинского казака³. В 1890 году он окончил три класса народной школы, с 1900 по 1904 год был на военной службе, а с 1905 по 1906 год — участвовал в русско-японской войне.

Страдания людей, с которыми он столкнулся в это военное время, недолговечность и суетность человеческой жизни, гибель сослуживцев, очевидцем которой он был, глубоко потрясли его. Размышления о смерти, о ее неизбежности возвысили его душу и породили в ней желание послужить Господу в монашеском звании. Стремясь к жизни подлинно аскетической и совершенно отрешенной от мирской суеты, испросив благословение родителей, Василий в 1910 году отправился на Афон. Святая Гора покорила душу Василия необыкновенной, как бы специально созданной для иноческой жизни природой, древними обителями, продолжительными торжественными богослужениями. И он со слезами припал к ногам богомудрых афонских старцев, умоляя принять его в число братства Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Видя искренность и чистоту его намерений, старцы приняли его в обитель. Прежде всего по афонскому обычаю он ис-

¹ АСЕУ. Послужной список игумена Корнилия (Оробцова).

² ГАСО, ф. Р2196, оп.12, д.55, л.36.

³ АСЕУ. Послужной список монаха Виталия (Середы).

Далее сведения о жизни его приводятся в соответствии с этим списком. В списках насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1948 года и 1 декабря 1958 г. (АСЕУ) указано, что монах Виталий (Середа) родился в 1868 г.

поведал духовнику грехи за всю свою жизнь и, обновленный в таинстве покаяния, приступил к первым монастырским трудам. Вначале для испытания твердости воли назначили Василия на самые тяжелые послушания, но, видя его самоотверженность, перевели в канцелярию, где молодой послушник проявил себя способным, смиренным и трудолюбивым работником.

Многовековой уклад жизни Свято-Пантелеимонова монастыря был средством к стяжанию иноками благодатных даров Святого Духа. Продолжительные богослужения в храме (когда вся ночь посвящалась исключительно молитве), молитвенное келейное правило, ежедневное исповедание помыслов, строгие посты (в понедельник, среду и пятницу ели один раз в день и без постного масла), труды послушания, чтение святоотеческих творений из богатейшей монастырской библиотеки — все это очищало душу молодого послушника и возогревало его ревность в деле спасения.

Это были годы расцвета русского монашества на Афоне. В обители воздвигали новые храмы, умножалась братия. В 1912 году в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре было 25 храмов и параклисов, подвизалось более 1800 иноков, среди них много опытных в духовной жизни старцев, деятельно проходивших молитву Иисусову, в их числе и старец схимонах Силуан (в миру Семен Иванович Антонов).

Под их руководством упражнялся в непрестанной Иисусовой молитве и Василий. Это духовное делание стало основным в его жизни. В 1915 году он был призван в русскую армию и воевал до заключения мира с Германией. Вернуться на Святой Афон, куда так стремилась его душа, он не смог из-за начавшейся гражданской войны. Василий жил на родине, работая по найму столяром.

В эти тяжелые годы жизнь на Афоне казалась ему раем. Но он, молясь непрестанно, не терял духовной целенаправленности. Его постоянным духовным орудием стало имя Господа, а ревность Божия действовала в нем так сильно, что часто, читая святое Евангелие, он не мог сдержать слез. Жизнь Василия Середы — это удивительный пример внутренней собранности и истинно монашеской жизни в миру.

Лишь в июле 1957 года смог Василий поступить в монастырь. Он приехал в Глинскую пустынь, духовно близкую его сердцу благодаря строгому Афонскому уставу и молитвенно-подвижнической жизни ее старцев. Более сорока двух лет прожил Василий вне монастыря, но пришел в обитель истинным монахом. Высоту его духовной жизни прозрел схиархимандрит Серафим (Амелин) и сразу же по поступ-

лении Василия в пустынь сам постриг его в мантию с именем Виталий¹, хотя и находился в то время на покое.

После пострига о. Виталий проявил присущее ему трудолюбие и редкое послушание во всех монастырских делах, отличался скромностью и смирением². «Усердный к молитве»³, он неопустительно посещал все богослужения; кроме положенного монашеского правила, келейно совершал правило, данное ему еще афонскими старцами, спал крайне мало, постился строго.

Отец Виталий достиг большого преуспевания в Иисусовой молитве. Соединенная со смиренным сознанием своих немощей, молитва очистила его сердце от страстей, просветила ум и наполнила душу дарами Духа Святого. Духовная опытность этого старца Божия, несмотря на крайнее немногословие и сокровенную внутреннюю жизнь, не могла укрыться от внимательной братии. И монахи, значительно ранее его принявшие постриг, часто обращались к о. Виталию за советом, особенно относительно молитвы Иисусовой. Старец безошибочно руководил ими в этом сокровенном делании. Пользуясь в монастыре большим авторитетом, он передавал подвижникам многовековые традиции афонского старчества. Предвидя закрытие монастыря и зная, что он долгое время и вне обители жил истинно по-монашески, многие иноки обращались к о. Виталию за поддержкой и советом. Его краткие, ясные наставления содержали в себе духовную силу, возогревали в братии ревность ко спасению и укрепляли в уповании на великую милость Божию и Его спасительное руководство. Сам же старец незадолго до закрытия обители был пострижен в святую схиму с именем Варсонофий⁴ в честь преподобного Варсонофия Великого, поучения которого всегда были для о. Виталия верным руководством в духовной жизни.

После закрытия Глинской пустыни схимонах Варсонофий перешел в Псково-Печерский монастырь, где мирно почил о Господе.

Архимандрит Модест (Гамов) недолго был во главе обители, так как шла активная подготовка к закрытию монастыря.

В августе 1960 года в Сумском облисполкоме рассматривался вопрос о необходимости «расширения Сосновского дома инвали-

¹ АСЕУ. Указ Сумского Епархиального управления от 9 июля 1957 г. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1958 г.

² АСЕУ. Послужной список монаха Виталия (Середы).

³ Там же.

⁴ В списке насельников Глинской пустыни Глуховского района Сумской области по состоянию на 1 января 1961 г. (АСЕУ) значится еще монах Виталий (Середа), а в списке насельников на 15 апреля 1961 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 51)— уже схимонах Варсонофий (Середа).

дов за счет прилегающих территорий»¹, то есть за счет обители. В сентябре, по указанию секретаря Глуховского райисполкома, была сделана выкопировка плана земельного участка, занимаемого Глинской пустыней². Детально прорабатывались меры по удалению монахов из обители. Так, в документах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Сумской области за тот период сохранился список монахов Глинской пустыни с такого рода пометками против каждой фамилии: «Склонить через родственников к выходу из монастыря», «Удалить по возрасту» (это относилось к монахам моложе 30 лет), «Перевести на приход», «Поместить в больницу (дом престарелых)», а о старцах Андронике (Лукаше) и Серафиме (Романцове) было сказано — «Скомпрометировать и удалить»³.

Осенью 1960 года «советско-партийные органы и работники органов КГБ закончили установление близких родственных связей монахов Глинской пустыни»⁴. С родственниками «проводились беседы, чтобы склонить их взять к себе монахов»⁵.

Участились проверки паспортного режима и санитарного состояния монастыря⁶. По результатам этих проверок следовали неоднократные указания от уполномоченного и архиерея настоятелю Глинской пустыни «о недопустимости предоставлять ночлег для приезжих»⁷, об удалении из обители сначала временных послушников⁸, а затем и монахов. Среди прочих выделялось издевательское по своему смыслу распоряжение архиепископа Андрея от 11 апреля 1961 года «удалить из обители как несовершеннолетних»⁹ всех монахов в возрасте от 27 до 30 лет (всего 6 человек — А. И.) На следующий же день, 12 апреля, последовало еще одно распоряжение об удалении иеромонаха Власия (Сумина) и монаха Илиодора (Сегиды)¹⁰, уже много лет проживших в пустыни.

В результате этих действий на 15 апреля в обители числилось лишь 40 человек¹¹, тогда как на 1 декабря 1960 года —

¹ АУПЦ. Заявление заведующего Сумским отделом социального обеспечения от 30 августа 1960 г.

² ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 267.

³ Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 28.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ Там же, л. 12, 35.

⁶ Там же, л. 73.

⁷ Там же, ф. Р1815, оп. 3, д. 267, л. 13—14.

⁸ Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 20.

⁹ Там же, л. 19.

⁹ АСЕУ. Распоряжение архиепископа Черниговского и Нежинского Андрея от 11 апреля 1961 г.

¹⁰ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 13.

¹¹ АСЕУ. Список насельников монастыря Глинская пустынь по состоянию на 14 апреля 1961 г.

58¹. В действительности эти распоряжения не выполнялись и большинство иноков оставалось в монастыре до самого закрытия.

11 апреля 1961 года архимандрит Модест (Гамов) был освобожден от обязанностей настоятеля, а указом архиепископа Андрея от 12 апреля без согласования с братией исполняющим обязанности настоятеля был назначен иеромонах Даниил (Дмитрий Васильевич Новиков)², который не отличался духовной жизнью, и братия не считала его своим настоятелем.

Весной и в начале лета некоторых монахов из монастыря перевели в Глуховскую районную больницу³, так что к июлю 1961 года в Глинской пустыни числилось только 30 насельников⁴.

Насколько тщательно готовилось закрытие монастыря, можно судить по плану мероприятий, составленному уполномоченным и включающему в себя 26 различных пунктов, основными из которых были следующие: «Создать оперативную группу по закрытию монастыря, в прилегающих к монастырю селах организовать лекции на атеистические темы, усилить атеистическую работу во избежание провокационных действий со стороны верующих...

В день закрытия монастыря силами советско-партийного актива, работников УВД и дружинников по разработанной схеме оцепить монастырь, выставить посты на дорогах, идущих к монастырю, чтобы предотвратить проникновение к нему верующих; организовать пост на территории дома инвалидов, чтобы не допустить в монастырь верующих из числа подопечных и обслуживающего персонала; в ближайших селах мобилизовать все население на сельскохозяйственные работы, не допустить в церквях провокационного колокольного звона.

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

² Иеромонах Даниил родился 3 ноября 1923 г. в селе Новая Слобода Пустыньского района, окончил 5 классов средней школы. В 1942 г. он поступил в Глинскую пустынь. В 1947 г. был пострижен в монашество, в 1948 г. епископом Сумским и Ахтырским Иларионом был рукоположен в иеродиакона, а в 1954 г. епископом Евстратием — во иеромонаха. С 1954 г. по 1958 г. о. Даниил был настоятелем Покровского молитвенного дома села Олешня Ахтырского района Сумской области. С 1958 г. и до закрытия обители жил в Глинской пустыни. В 1959 г. награжден наперсным крестом Святейшим Патриархом Алексием.

Архимандрит Феоген отзывался о нем как об «усердном в церковной службе, смиренном, скромном, послушном иеромонахе» (АСЕУ. Послужной список иеромонаха Даниила (Новикова). После закрытия обители сначала он нигде не служил, затем с 1963 по 1971 г. служил на приходах Псковской епархии; с 1971 по 1978 г. был настоятелем св. Вознесенской церкви г. Лебедина Сумской области. В 1972 г. о. Даниил был возведен в сан игумена, 2 июля 1979 г. он ушел за штат по болезни и жил у сестры в г. Ромны Сумской области. После тяжелой болезни по принятии Св. Христовых Таин скончался 16 сентября 1980 г. Похоронен на кладбище при Всехсвятской церкви г. Ромны Сумской области (АСЕУ. Послужной список игумена Даниила (Новикова); Некролог, посвященный памяти игумена Даниила).

³ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 69а-71, 59.

⁴ Там же.

За несколько дней до закрытия проверить в монастыре паспортный режим с целью выдворения паломников; установить строгий контроль за денежными переводами, поступающими в адрес монастыря.

День закрытия монастыря согласовать с бюро обкома КП Украины, после закрытия монастыря на протяжении 5 дней держать пост с целью недопущения на территорию бывшего монастыря паломников и проведения среди них необходимой разъяснительной работы»¹.

В монастыре же до самого закрытия совершали богослужения и принимали богомольцев. В акте проверки паспортного режима, проведенной перед самым закрытием обители, было сказано, что «все общежития переполнены» богомольцами, среди которых было немало и детей-школьников².

13 июля 1961 года архиепископ Черниговский и Нежинский Андрей (Сухенко) подписал распоряжение о закрытии обители³. Была создана комиссия во главе с благочинным Глуховского района протоиереем Константином Лысенко, которая должна была «принять все меры, чтобы закрытие монастыря прошло без эксцессов и неприятностей»⁴.

14 июля монастырь со всех сторон был окружен «работниками УВД и советско-партийного аппарата», подъехали грузовые машины, на которых монахов быстро отвозили на ближайшую железнодорожную станцию⁵. Монахам запретили брать с собой деньги, одежду или продукты, несмотря на лживое заверение архиепископа Андрея о том, что «братии предоставляется право получить все свои личные вещи и продукты питания»⁶. Все церковное имущество (ризницу, иконы, богослужебные книги), монастырскую библиотеку по описи передали на хранение в Свято-Анастасиевскую церковь Глухова⁷. Всего было передано 153 иконы, 89 риз, 54 стихаря и другие предметы из ризницы.

Здания и все остальное имущество (инвентарь, автомашина, топливо, продукты) по акту были переданы Сосновскому дому

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 79—83.

² Там же, л. 74.

³ Там же, л. 67—68. Глинские старцы предсказали, что архиепископ пострадает за то, что не отстоял святую обитель. Вскоре после закрытия Глинской пустыни он был осужден на 5 лет тюремного заключения. После освобождения закончил свою жизнь в Псково-Печерском монастыре (на епископскую кафедру уже не вернулся).

⁴ Там же, л. 68.

⁵ В архиве уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Сумской обл. сохранилась записка старца Андроника (Лукаша), которую обнаружили во время закрытия монастыря. Старец пишет: «Меня и Серафима (Романцова — А. И.) требуют в Сумы завтра, Колыма угрожает».

⁶ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 67.

⁷ Там же, л. 26—91.

инвалидов¹, преобразованному впоследствии в дом-интернат для психохроников, который и теперь расположен на территории Глинской пустыни.

После закрытия обители и старцы, и молодые иноки — воспитанники Глинской пустыни продолжили свое служение Православной Церкви и народу в самых разных концах нашей страны.

Бывший канонарх Глинской пустыни Иван Гудимов (в монашестве Леонтий) стал митрополитом Одесским и Херсонским, иеродиакон обители о. Исаия (в миру Яков Маркович Коровай) — архимандритом, наместником Коренной пустыни в Курской епархии, просфорник Андрей (в миру Анатолий Алексеевич Машков) — игуменом, духовником женской обители села Александровка, бывший повар Глинской пустыни Вениамин (в миру Виктор Александрович Селиванов) — игуменом, служит в Тбилиси; ведущий певец обители иеродиакон Иларион (в миру Иван Фомич Приходько) служит в Новгороде.

Монах о. Нектарий (в миру Николай Петрович Писаренко) и автор этой статьи после закрытия обители поступили в Московскую Духовную Семинарию. Отец Нектарий в сане архимандрита подвизается в Троице-Сергиевой Лавре; о. Иаков (в миру Иван Васильевич Полянский) — на Св. Афоне; монах Иоанникий (в миру Иван Алексеевич Леута) — в Туле; архимандрит Павлин (Мищенко) долгое время был благочинным русских приходов в Азербайджане, затем продолжил свое служение в Ессентуках.

Как старцам, так и молодым инокам Глинской пустыни после закрытия обители много помогал митрополит Тетрицкаройский Зиновий (в миру Захарий Иоахимович Мажуга). Он сам начинал свой иноческий подвиг в Глинской пустыни и всю жизнь был верным последователем ее духовных традиций.

Митрополит Зиновий родился 14 сентября 1896 года в городе Глухове². В 1914 году он поступил в Глинскую пустынь³, где проходил послушание сначала при кучерской⁴, затем при портной⁵.

¹ ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 93—103.

Опись оставшихся после закрытия монастыря продуктов показывает, какой постнической была жизнь иноков, в основном они хранили картофель, горох, пшено, макаронные изделия; ни рыбы, ни рыбных консервов в монастыре не было вообще.

² Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский. — ЖМП. 1985, № 6, с. 58.

По данным послужных списков Глинской пустыни за 1918 г., митрополит Зиновий родился в 1895 г. в семье мещанина (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76).

³ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76.

⁴ ГАСО, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 3 об.

⁵ ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75 об.—76.

⁶ Там же, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 4 (Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни. 16—17 марта 1921 г.).

В июне 1920 года был пострижен в рясофор, а в марте 1921 года — в монашество¹.

После закрытия Глинской пустыни в 1922 году о. Зиновий поступил в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, где в 1924 году епископом Пятигорским Никоном был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 году — во иеромонаха².

С 1925 по 1930 год о. Зиновий служил в г. Сухуми, затем в Ростове-на-Дону, где был арестован. В заключении он встретился с о. Серафимом (Романцовым), о чем писал: «...Я батюшку Серафима больше... знал по ссылке, когда вместе коротали этот курорт»³.

С 1942 по 1945 год о. Зиновий служил в тбилисском Сионском Успенском соборе и был духовником скита св. Ольги в Мцхета. В 1943 году он был награжден наперсным крестом, в 1945 году возведен в сан игумена. С 1945 по 1947 год служил в селе Кирово, в Армении, а с 1947 по 1950 год в Батуми. В 1950 году о. Зиновий был назначен настоятелем храма во имя святого князя Александра Невского в Тбилиси и возведен в сан архимандрита, в 1952 году назначен членом Св. Синода Грузинской Православной Церкви.

Этот подвижник духа был столь уважаем иерархами Грузинской Православной Церкви, что в 1956 году он, русский, был рукоположен во епископа⁴, а в 1972 году возведен в сан митрополита Грузинской Православной Церкви. Владыка Зиновий духовно окормлял русские православные приходы в Грузии⁵ и Армении.

Своей богоугодной жизнью он показал высокий пример ревностного служения Церкви и самоотверженной любви к ближним. Владыка Зиновий получил все высшие награды Грузинской Православной Церкви, в том числе и право ношения креста на скуфьи. Это был старец высокой духовности, его душа была озарена Божественной благодатью, обильно изливающейся на всех, притекающих к его духовному окормлению. Имея во всей полноте дар прозрения, митрополит Зиновий вопрошавшим его открывал волю Божию. Богослужения он совершал с таким благоговением, что схиархимандрит Андроник (Лукаш)

¹ ГАСО, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 4. В книге архиепископа Мануила «Каталог русских архиереев за последние 60 лет» (Чебоксары, 1959) в ч. III на с. 68 ошибочно указано, что митрополит Зиновий принял постриг в монашество в 1917 г.

² Личный архив автора. Письмо игумена Исаии (Коровая).

³ Личный архив автора. Письма митрополита Зиновия (Мажуги) архимандриту Иоанну (Маслову).

⁴ До 1960 г. Владыка Зиновий был епископом Степанованским, затем Тетрицкаройским.

⁵ Православный церковный календарь, 1980. Изд. Московской Патриархии, 1979, с. 150.

писал: «Сколько мне радости, что Господь сподобляет меня помолиться в церкви со святителем нашим»¹.

В последние годы жизни митрополит Зиновий много болел и, завершая свой земной путь, принял схиму с именем Серафим (в честь преподобного Серафима Саровского). Скончался схимитрополит Серафим 8 марта 1985 года на восемьдесят девятом году жизни. Он погребен в храме во имя Святого князя Александра Невского в Тбилиси.

* * *

Глинская пустынь по высоте духовной жизни своих иноков и процветавшему в ней старчеству принадлежит к числу величайших православных обителей. Даровав миру сонм благодатных старцев, подобных светильникам, «во тьме века сего воссиявшим», она на протяжении многих веков была центром духовного просвещения. И после официального закрытия Глинская пустынь продолжала плодотворно влиять на весь строй жизни народа через своих прежних насельников.

Глинские иноки, воплощая в жизнь высокие традиции обители, своим пастырским и монашеским подвигом, церковно-общественной деятельностью, богословскими трудами продолжают и ныне нести немеркнущий свет вразумления, назидания и увещания всем стремящимся к блаженной вечности. Они призывают людей к нравственному обновлению и сохранению непоколебимости православного учения.

Сбылись слова старцев, сказанные при закрытии Глинской пустыни: «К нам в обитель не все люди могли приехать по немощи, из-за далекого расстояния, недостатка денег. Богу угодно было, чтобы мы разъехались по всей стране, чтобы Глинские иноки были для всех маяками духовной жизни».

Приближается время исполнения и другого предсказания старцев. Вновь Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы явится в святую обитель, будет построен соборный храм монастыря и возродится всегда стоявшая на страже Божественной истины прославленная Глинская пустынь.

Сергиев Посад

Июль 1991 года

¹ Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша) архимандриту Иоанну (Маслову).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Об авторе	9
Глинские подвижники благочестия XVIII—XX веков	21
Глинская пустынь как центр духовного просвещения и возрождения старчества (1942—1961)	50

Художник А. И. Моисеев
Технический редактор О. Н. Столяр
Корректор Н. М. Жебелева

Сдано в набор 16.06.92. Подписано в печать 13.11.92. Формат 66×88 1/16. Бумага офсет-
ная № 1. Печать офсет. Уч.-изд. л. 13,8 Тираж 30 000 экз. Заказ 362.

Издательство «Реклама» АО «Союзреклама». 121099 Москва, Новинский 6-р, 7.

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга Министерства печати и информации
Российской Федерации. 191126, Санкт-Петербург, Социалистическая ул., 14.

